

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

38

Вестник АЛЬЯНС-АРХЕО

38

Москва
Санкт-Петербург
2022

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 38. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. — 120 с.

ISBN 978-5-98874-199-2

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор С. Н. Кистерев

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

ISSN 2415-3273

ISBN 978-5-98874-199-2

© ИП Новикова О. Л., 2022

Л. В. Мошкова

ДОКУМЕНТЫ 1504 ГОДА ИЗ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА: СМЕНА ПАРАДИГМЫ*

Анализ документов второй половины XV — начала XVI в., хранящихся в ф. 135 «Государственное древлехранилище хартий и рукописей» РГАДА, оказался особенно интересным и плодотворным при рассмотрении комплексов актов, относящихся к тому или иному «событию».¹ Так, например, изучение черновиков и официально утвержденных текстов докончаний 1481 г. великого князя Ивана III со своими братьями, Андреем Большим и Борисом Волоцким, позволило приблизиться к пониманию процедуры заключения соглашений и принципов работы княжеских канцелярий.² Рассмотрение двух вариантов духовной верейского и белозерского князя Михаила Андреевича, составленных в 1485 г.,³ выявило серьезные противоречия между первоначальным «белозерским» вариантом завещания и сохранившимся в списке договором с Иваном III 1483 г. Это заставило поставить вопрос: а было лиratифицировано последнее соглашение между великим князем и Михаилом Андреевичем?⁴

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00360.

¹ Их число невелико, так как в подавляющем большинстве случаев подготовительные материалы не сохранились, и мы имеем дело или с подлинниками, или со списками.

² Подробнее об этом см.: *Мошкова Л. В. Договор Ивана III с Андреем Большим 1481 г.: этапы составления // Вестник «Альянс-Архео».* Вып. 37. М.; СПб., 2021. С. 37–53.

³ См.: *Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в.* М., 1967. С. 46.

⁴ См.: *Мошкова Л. В. «Война текстов»: духовная князя Михаила Андреевича и его последнее докончание с Иваном III // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 года.* М., 2022. С. 191–193.

Документы, датируемые 1504 г. и связанные с заключением докончания великого князя Василия Ивановича с братом Юрием, являются еще одним крайне интересным и показательным комплексом. Здесь мы сталкиваемся с продукцией трех княжеских канцелярий: великого князя Ивана Васильевича, которая доживает последние дни и скоро прекратит свое существование, и двух новых, формирующихся в это время: великого князя Василия Ивановича и дмитровского князя Юрия Ивановича. В указанный комплекс можно включить 12 единиц хранения,⁵ четыре из которых являются подлинниками,⁶ а остальные — списками начала XVI в.⁷ Дата составления — 16 июня 1504 г. — содержится только в договоре Василия Ивановича с братом Юрием, который в данном случае представляет итоговый документ, завершивший долгий процесс подготовки соглашения, а большинство других отражают столь притягательную для исследования предварительную стадию.

Рассматривать указанный комплекс документов целесообразно по группам, в которые их можно объединить.

Первая из них включает три документа:⁸

1. Экземпляр духовной грамоты великого князя Ивана Васильевича,⁹ время составления которой предельно широко можно отнести к периоду между 28 ноября 1503 г. и 16 июня 1504 г. (то есть после смерти рузского князя Ивана Борисовича и ранее оформления докончания великого князя Василия Ивановича с князем Юрием). Л. В. Че-

К сожалению, эта проблема так и осталась нерешенной, поскольку прямых доказательств высказанного предположения нет.

⁵ См.: Шумилов В. Н. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971 (далее — Шумилов. Древлехранилище). № 150–161; ДДГ. М.; Л., 1950. № 89–97. С. 353–406.

⁶ РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 79а–б; Отд. I. Рубр. IV. № 12, 14, 18. Последний документ как в издании, так и в описании фонда (см.: ДДГ. № 96. С. 405; Шумилов. Древлехранилище. № 160) ошибочно отнесен к спискам, хотя на последнем листе явно виден след отсутствующей в настоящее время прикладной печати, а на обороте по составам — зачеркнутая скрепа великокняжеского дьяка Болдыря Паюсова.

⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 34; Отд. I. Рубр. II. № 80а–б, 81; Отд. I. Рубр. IV. № 13, 15–17; Приложение. Рубр. IV. № 3. Последний из перечисленных документов в издании и описании фонда фигурирует как подлинник (см.: ДДГ. № 97. С. 406; Шумилов. Древлехранилище. № 161), хотя отмеченная авторами подпись дьяка князя Юрия Ивановича Игнатья Слободкина явно свидетельствует о копийности грамоты.

⁸ Анализируемые документы нумеруются последовательно, по всем группам. Перекрестные ссылки в тексте даются на номер, присвоенный документу автором статьи.

⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 34.

репнин отметил, что «с двадцатых чисел апреля 1504 г. жалованные грамоты на земли ... расположенные в пределах Дмитровского уезда, начинает выдавать князь Юрий Иванович»,¹⁰ и поэтому определил время составления духовной как март — апрель 1504 г. (но более вероятен, по его мнению, апрель).¹¹ К этому мнению первоначально присоединился А. А. Зимин.¹² Но затем исследователь, вероятно, под влиянием работы С. М. Каштанова¹³ стал относить время составления духовной к декабрю 1503 г., а определение границ Дмитровского удела, осуществленное по указу Ивану III, к началу 1504 г.¹⁴

При визуальном знакомстве с духовной возник один, крайне важный вопрос: что представляет собой дошедший до нас документ? Завещание написано аккуратно, неторопливым почерком на развернутых листах бумаги, на последнем из которых осталось достаточно много не занятого текстом места. Во-первых, его оформление заставляет усомниться в том, что документ является списком с официально утвержденного экземпляра, поскольку не упоминаются ни печать, ни заверяющая подпись митрополита, характерные для других копий этого времени (см. ниже).¹⁵ Во-вторых, можно предположить, что до нас дошел подготовленный для утверждения, но по каким-то причинам «отвергнутый» беловик, так как подпись великокняжеского дьяка Мамырева исполнена в той же манере, что и остальной текст.¹⁶ В-третьих, сохранившийся экземпляр может быть не списком, а последним, хотя и лишенным правки черновиком, который лег в основу беловика.

Очевидно, основным критерием выбора одного из предложенных вариантов ответа может выступать только почерк. Заключительные строки духовной называют писавшего: «дьяк мои Данилко Мамырев». Этим же дьяком подписана жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве.¹⁷ Сравнение заключительных строк духовной и

¹⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 221.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 320–321.

¹³ См.: Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 202, 209.

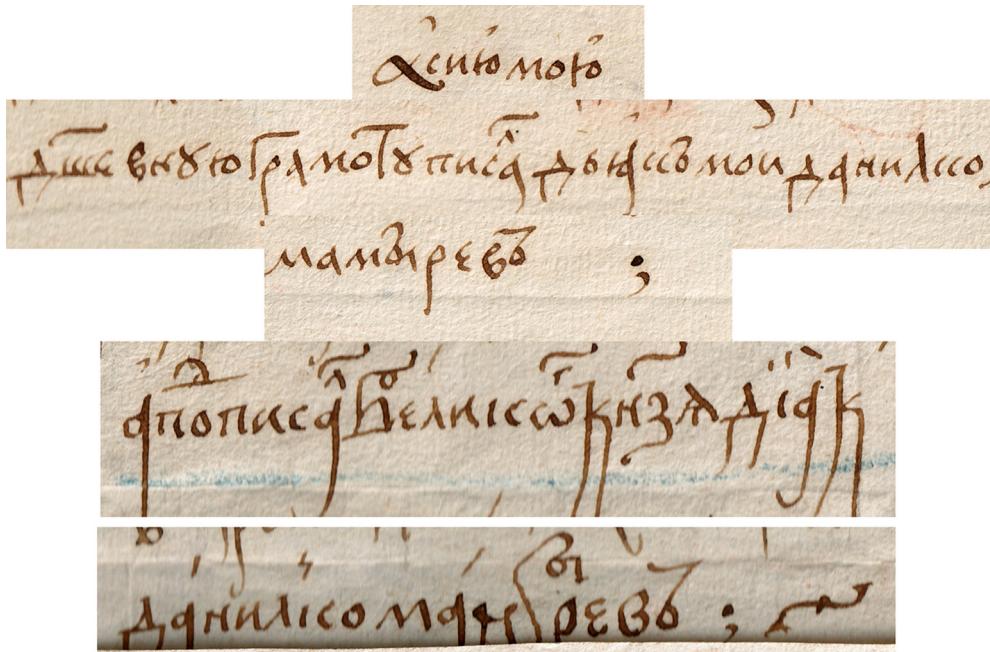
¹⁴ См.: Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI вв. // ВИД. Вып. 5. Л., 1973. С. 184.

¹⁵ Хотя надо отметить, что так оформлены копии «разъезжих» грамот и докончания 1504 г., то есть документы иные по происхождению и значению. Следовательно, этот критерий не вполне надежен.

¹⁶ Полагаю, что графическое оформление подписи («подписал дьяк...») и указания имени писавшего («писал дьяк...») могли отличаться: в первом случае подпись выполнялась в более декоративной манере.

¹⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 12.

подписи на жалованной показывает, что есть схожие начертки букв, совпадает форма титла, после имени поставлен один и тот же знак интерпункции.¹⁸ Однако есть и различия, которые можно объяснить внешними по отношению к тексту причинами. Текст духовной написан Мамыревым так, как его учили и как ему было привычнее писать (то есть «обиходной манерой письма»¹⁹). Подпись на грамоте имеет иную функцию и потому может исполняться в другой, более парадной и затейливой манере. В данном случае это выражалось в усилении курсивности письма, написании букв с длинными, уходящими далеко под строку «хвостами», и придании подписи большей декоративности.

Из этого следует такой вывод: не исключено, что текст духовной написан именно Данилой Мамыревым, но утверждать это с уверенностью невозможно, так как материала для сравнения крайне мало.²⁰

¹⁸ Хотя такой же знак ставил после своего имени и другой велиокняжеский дьяк — Болдырь Паюсов.

¹⁹ О разных манерах письма см.: Цыпкин Д. О. 1) На пути к единому учению о почерке // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (16). С. 350–351; 2) Понятие почерка в изучении русского исторического письма: К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 853–854.

²⁰ Помочь в этом случае мог бы только достаточно большой текст, уверенно атрибутируемый Мамыреву. Однако в работах, посвященных его деятельности, такой

Более того, сравнение почерков, которыми написаны духовная и черновик докончания 1504 г. (см. ниже № 10), сильно уменьшает вероятность того, что дошедший экземпляр был переписан Д. Мамыревым. Поскольку доказать ни одно из высказанных выше предложений автор не может, далее документ именуется списком.

Список духовной написан на бумаге с тремя водяными знаками: «голова быка с крестом и змеей», отличительной особенностью которой являются разные по толщине рога (л. 1–2; тип близкий Лихачев 1339 — 1504 г.²¹); «голова быка с розеткой на штыре и треугольным украшением под подбородком» (л. 3; идентичен Лихачев 1380 — 1509 г.); «круг с крестом и звездой» (л. 4–8), который идентичен Лихачев 3403, 3404 — начало XVI в., а также Брике 3098 — 1507, 1509 гг.²²

Возможно, первая филигрань дает возможность уточнить его датировку. Очень схожую по рисунку «голову быка с крестом и змеей» можно найти на жалованной грамоте великого князя Василия Ивановича Ф. М. Киселеву,²³ выданной 29 марта 1506 г.²⁴ Поэтому не исключено, что копия духовной была написана после смерти Ивана III.²⁵ И все же не надо забывать, что совершенно неизвестен период времени, когда в канцелярии могла использоваться бумага с одним маркировочным знаком: это могло зависеть от самых разных, зачастую непредсказуемых, причин.²⁶

автограф не упоминается (см., например: *Мельник А. Г. Московский велиокняжеский дьяк Данило Мамырев // ДРВМ. 2006. № 2. С. 61–69*).

²¹ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1, 3. СПб., 1899 (здесь и далее справочник указывается по фамилии составителя). Вероятно, были использованы парные формы, так как рисунок отличается деталями.

²² Briquet Ch. M. *Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*. Т. 1–4. Ed. 2. Leipzig, 1923 (здесь и далее справочник обозначается фамилией составителя).

²³ К сожалению, на листе видна только нижняя часть знака.

²⁴ РГАДА. Ф. 281. ГКЭ. № 7733. Образец почерка и снимок филиграни см.: Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья шестая) // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 36. М.; СПб., 2021. С. 73.

²⁵ Вопрос с «авторством» Д. Мамырева и в этом случае остается открытым: он был дьяком и при Иване III, и при Василии III. Поэтому есть небольшая вероятность, что он и написал копию, поскольку духовная — документ если и не в полной мере секретный, то приближающийся к этому. Недаром, начиная с Василия III, известны случаи намеренного уничтожения духовных грамот (см., например: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. С. 220).

²⁶ Можно предложить такое, чисто умозрительное, объяснение повторного, более позднего появления бумаги с конкретным знаком. В канцелярии использовались разные сорта бумаги, которые хранились, например, в коробьях. Когда запас уменьшался, закупалась новая партия, но она могла помещаться в коробью поверх оставшихся листов. Поэтому очередь «остатка» могла прийти после купленной недавно

Два других документа первой выделенной группы созданы в развитие и конкретизацию положений, содержащихся в духовной.

2. Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве²⁷ выдана после оформления духовной.²⁸ Грамота написана на бумаге с филигранью «голова быка с крестом и змеей», по типу близкой Лихачев 2688 — конец XV — начало XVI в., 1847 — 1507 г., и именно ее подписал дьяк Данило Мамырев (см. выше). Необходимо отметить, что внешний вид этой грамоты свидетельствует об установлении нового стандарта велиокняжеских актов. Грамота написана на развернутом листе бумаги с широкими полями достаточно крупным почерком, и прекрасно видно, что писавший четко соблюдает границы: текст не выходит не только на левое поле (что в общем нетрудно со-блюсти), но и на правое, то есть зеркало текста представляет собой почти идеальный прямоугольник.²⁹ Из этого следует, что на эстетическую составляющую в канцелярии стали обращать большое внимание: велиокняжеский акт должен быть красиво оформлен, и все его элементы (формат бумаги, поля, размер почерка) должны были находиться в гармоничном сочетании.³⁰

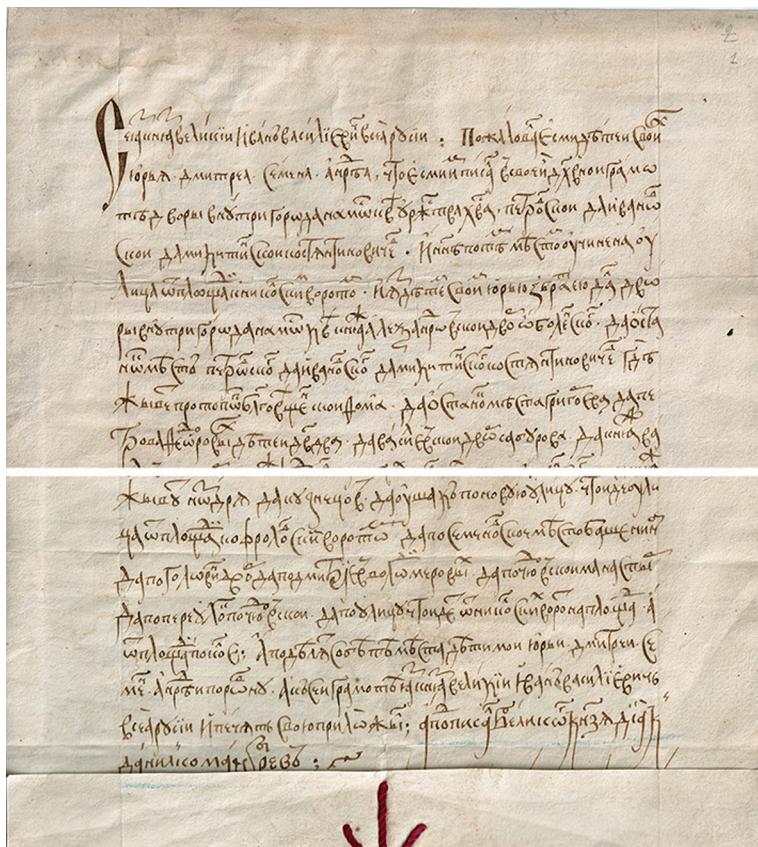
партии. Скорость использования бумаги находилась в прямой зависимости от объема документооборота — величины, нам неизвестной.

²⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 12. Подлинник, скрепленный вислой красновской печатью Ивана III.

²⁸ В духовной сказано: «Да детем своим меншим, Юрью з братьею, даю дворы внутри города у Рожества Христова, Петровской, да Ивановской... а дети мои, Юры з братьею, те места меж себя поделят поровну» (ДДГ. № 89. С. 358). Однако в самой жалованной объекты пожалования изменены: «Что есми им писал в своеи духовной грамоте дворы внутри города на Москве ... и ныне по тем местом учинена улица от площади к Николским воротом, и яз детем своим, Юрью з братьею, дал дворы внутри города на Москве княж Александровъской двор Оболенского, да останок мест Петровского, да Ивановского, да Микитинского Костянтиновичев...» (Там же. № 91. С. 370), хотя повеление четырем братьям разделить их поровну повторено. Это заставляет предположить, что: 1) существовал документ, фиксировавший раздел этой части наследства между братьями; 2) определение пожалованных дворов было заимствовано из более раннего варианта духовной. Проездная Никольская башня Кремля была построена, вероятно, в 1492 г. (см.: Петров Д. А. Русские летописи и вопросы хронологии строительства стен и башен Московского Кремля в 1480–1490-х гг. // Архитектурное наследство. Вып. 60. М.; СПб., 2014. С. 32, 35). Следовательно, улица к этим воротам должна быть проложена в ближайшее время после возведения башни (если не во время строительства).

²⁹ В типографском деле это называется «выключка строк». Однако надо заметить, что этот прием характерен и для некоторых документов 1490-х годов, происходящих из канцелярии Ивана III, например: РГАДА. ГКЭ. № 7620, 10542, 11782. Следовательно, постепенные изменения происходили на протяжении нескольких лет, но в 1504 г. они стали наиболее заметны (количество перешло в качество).

³⁰ Конечно, не все позднее оформленные велиокняжеские грамоты вполне соответствовали новому стандарту, но этот акт можно считать образцом, на который следовало ориентироваться.

Сходные почерки не встречаются на актах, выданных Иваном III,³¹ но характерны для документов, происходящих из канцелярии его старшего сына.³² Это заставляет предположить, что весной 1504 г. сфера влияния великого князя Василия распространилась на канцелярию его отца.

3. Список отводной грамоты великого князя Ивана Васильевича сыну Юрию на сельцо Сущево и дворы на посаде в Москве,³³ которая

³¹ Оперировать в данном случае понятием «тип почерка» невозможно, так как беглый полуустав крайне вариативен. Из документов, выданных Иваном III, к рассматриваемой грамоте наиболее близок почерк жалованной, написанной в январе 1497 г. (РГАДА. ГКЭ. № 10542). Общий вид письма также имеет сходные черты со списком духовной этого князя (см. выше).

³² Среди актов, хранящихся в ф. 281, наиболее близкий почерк можно найти в жалованной грамоте, выданной игумену Троице-Сергиева монастыря в июле 1511 г. (РГАДА. ГКЭ. № 5764; образец почерка см.: Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья шестая). С. 34). Однако надо заметить, что почерк здесь более беглый, а перо толще.

³³ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 13.

была выдана ранее оформления завещания.³⁴ Грамота написана на разрезанном листе бумаге и поэтому содержит верхнюю часть филиграны «буква Р с розеткой», по типу близкой к Лихачев 1970 — конец XV — начало XVI в.; Брике 8680 (перечеркнутая) — 1514 г.³⁵ В конце отмечено, что подлинник с печатью великого князя подписал его дьяк Болдырь Паюсов. По внешнему виду документ ярко контрастирует с предыдущим, поскольку написан крайне небрежно.

Указанная филигрань — знак коварный и неудобный для определения, поэтому присутствующую на документе часть можно датировать достаточно широко: от начала века до второго десятилетия.³⁶ Однако этим же почерком (также достаточно небрежно) написана жалованная грамота великого князя Василия Ивановича, выданная 20 марта 1506 г. архимандриту Лужецкого монастыря Макарию.³⁷ Следовательно, список мог быть сделан вскоре после выдачи грамоты.

Во вторую группу можно включить так называемые разъезжие грамоты,³⁸ которые были подготовлены разными комиссиями для разграничения земель великого князя и его сына Юрия.³⁹ Очевидно, эти комиссии были отправлены проводить работы после написания духовной. Была ли такая предусмотрительность инициативой великого князя Ивана Васильевича или инспирирована его старшим сыном, Василием Ивановичем, — неизвестно. Вместе с тем, поскольку в этом

³⁴ «Да сыну своему Юрью даю на Москве селцо Сушово з дворы... и яз ему дал список за своею печатью и за дьяка своего подписью» (ДДГ. № 89. С. 358).

³⁵ В справочнике Ш. Брике знаки с аналогичной шириной понтизо (8625, 8652, 8663, 8672) датируются 1479–1510 годами.

³⁶ Среди грамот первой трети XVI в., хранящихся в ф. 281 РГАДА, знак «буква Р с розеткой» представлен полностью или верхней частью на семи документах, но все эти знаки: 1) отличаются по рисунку; 2) ширина понтизо меньше (не более 28 мм). На портале Piccard-online помещены знаки с интересующей нас шириной понтизо (30 мм), но и они отличаются по рисунку (датируются 20-ми — началом 30-х годов XVI в.).

³⁷ РГАДА. ГКЭ. № 7617 (образец почерка см.: Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья шестая). С. 67).

³⁸ Это определение, которое фигурирует как у Л. В. Черепнина в издании, так и у В. Н. Шумилова в описании ф. 135, представляется не совсем правильным. «Разъезд» предполагает конфликт (спор) двух сторон, для решения которого приглашается третья сторона (хотя спорящие также могут участвовать в процессе). В данном случае никакого конфликта не было: по повелению великого князя осуществлялось размежевание великокняжеских земель от владений нового удельного князя, то есть фактически Иван III проводил границу по своей земле.

³⁹ Это было необходимо сделать, поскольку Иван III благословил Юрия городом Дмитровым с волостями «опричье Переславских волостей» и «Замосковских волостей», которые отдал Василию, хотя Юрию отходила из переславских волостей Юлка с бортным станом (см.: ДДГ. № 89. С. 354, 359).

явно проглядывает смена парадигмы,⁴⁰ рискну предположить, что идея проведения четкой границы принадлежала молодому князю Василию. Им все было сделано для того, чтобы младший брат не имел ни малейшего шанса оспорить результаты межевания, проведенного по повелению и при жизни отца, и просто вынужден был с ними согласиться. Возможно, именно окончания этих работ и ждали, чтобы заключить соглашение.

Из шести документов, входящих в эту группу, только два являются скрепленными печатями подлинниками.

4. «Разъезжая» грамота великого князя Ивана Васильевича сыну князю Юрию Ивановичу на г. Кашин с уездом от г. Ростова с уездом.⁴¹ Межевание проводили Тимофей Григорьевич Бухара-Наумов и Иван Данилович Кафтырев. Грамота невелика по размеру, и весь текст уместился на одном развернутом листе. Филигрань «рука» по типу близка Лихачев 1319 — 1500 г. и сходна со знаком Тромонин 794 — 1504 г.⁴² Подписал грамоту великокняжеский дьяк Болдырь Паюсов.⁴³

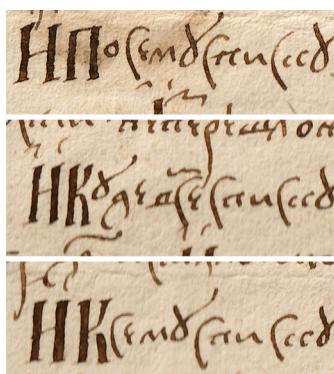
Про оформление грамоты можно сказать то же, что и выше про жалованную (см. выше № 2), но с одним добавлением. В начале трех заключительных фраз написан не один малый инициал, а два, что позволило не только украсить текст, но и более четко рубрицировать постановляющую часть, в которой великий князь Иван велит своим детям Василию и Юрию «ведати рубеж по сему списку, по тому, как в сем списку писано».

⁴⁰ «Разводная грамота» великого князя Ивана Васильевича и князя волоцкого Бориса Васильевича, которая разграничивала новгородские великокняжеские земли с владениями удельного князя, была составлена 20 октября 1483 г. (то есть через два с лишним года после заключения докончания, ратифицированного 2 февраля 1481 г.), а инициатором проведения этой работы выступил именно удельный князь, бывший челом старшему брату (см.: Шумилов. Древлехранилище. № 122; ДДГ. № 77. С. 290–293). Грамота скреплена печатями обоих князей и подписана дьяками как великого, так и удельного князя. На приложенном к ней листке процитированы «речи» Ивана III: «и ты те свои земли Ржевские от моих земль, от Новгородских, вели своему отвести, о мои то видит ... и ты и то вели своему отвести себе к своей вотчине, а мои то видит» (ДДГ. № 77. С. 292). Приведенные слова показывают, что изначально предполагалось участие в процессе двух сторон.

⁴¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 14.

⁴² Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844. Судя по помещенным соседним знакам, можно предположить, что филигрань взята автором справочника именно из этой грамоты. Также надо отметить, что в этом справочнике «рука» гладкая, без суставов, которые не слишком хорошо видны на подлиннике.

⁴³ Список с этой грамоты (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 15) рассмотрен ниже.

5. «Разъезжая» грамота великого князя Ивана Васильевича сыну князю Юрию Ивановичу на дмитровские, звенигородские и рузские станы и волости от московских и клинских станов и волостей.⁴⁴ Межевание проводили Константин Григорьевич Заболоцкий и дворцовый дьяк Ушак. Это весьма объемный документ, написанный на девяти развернутых листах толстой, чуть рыхловатой бумаги. Водяной знак один — «голова быка с крестом и змеей», близкая по типу Пиккард. Голова быка. XVI. 207 — 1492–1504 годы;⁴⁵ Лихачев 1364 — 1508 г. Поскольку водяной знак л. 1–3, 7 немного отличается от знака на л. 4–6, 8 (на л. 9 филигрань заклеена ярлыком), перед нами еще один пример использования парных форм.

В настоящее время листы расклеены и спшты по левому полю. Широкие поля и соблюдение границ текста роднят эту грамоту по оформлению с двумя другими документами (см. № 2, 4). Почерк немного небрежен: возможно, подьячий спешил переписать документ, но это не помешало ему рубрицировать текст, введя в него крупные подзаголовки, написанные декоративным письмом с элементами вязи (по высоте в несколько раз превышающим буквы в строке). Так, на л. 2 написано: «А се можайским станом и волостем»; на л. 5 и 6: «А се клинским станом и волостем».

⁴⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 18.

⁴⁵ Picard G. Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Herausgegeben von der Landsarchivdirektion Baden-Württemberg. Sonderreiche Wasserzeichenkartei Picard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart. Findbuch II. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1966 (здесь и далее — Пиккард. Голова быка).

Подобное оформление заглавий характерно для писцовых книг Деревской (1499–1500 годов; далее — ПКДП)⁴⁶ и Водской (1500–1502 годов)⁴⁷ пятин, где подъячие (каждый в меру своего умения) старался выделить название главы. Более того, для рубрикации текста внутри

глав использовались крупные инициалы (иногда они состояли не из одной буквы) и лигатуры. В этой межевой таких «двойных» инициалов нет, но они есть в другой, рассмотренной выше (см. № 4). Сходство принципов оформления текста заставляет предположить, что часть людей, трудившихся над оформлением указанных писцовых книг, осталась в штате великокняжеской канцелярии, и выработанные ими приемы передавались другим служащим.

К сожалению, почерк, которым написана межевая грамота, не отождествляется ни с одним почерком в ПКДП, но это свидетельствует об ограниченном опыте автора статьи, занимавшегося палеографическим анализом только этой книги, не привлекая к изучению как следовавшую за ней Водскую,⁴⁸ так и отрывки книг по другим пятинам.

Рассмотренные подлинники межевых грамот написаны на бумаге с разными филигранями, и это заставляет предположить, что оформлялись они с интервалом во времени, после возвращения каждой межевой комиссии. Однако нельзя не отметить, что в 1504 г. многие документы, вышедшие из стен великокняжеской канцелярии, написаны на немецкой бумаге со знаком «голова быка с крестом и змеей», которые хоть и отличаются по рисунку, но принадлежат одному типу.⁴⁹

6. Список «разъезжей» грамоты великого князя Ивана Васильевича сыну князю Юрию Ивановичу на г. Кашин с уездом от г. Ростова

⁴⁶ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Новгород. № 1. Ч. 1–2.

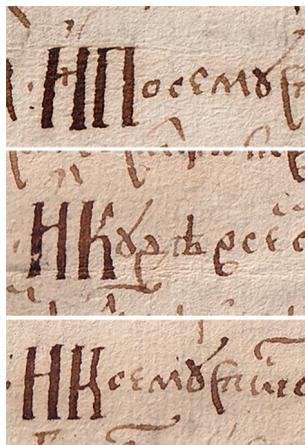
⁴⁷ Там же. № 3. Ч. 1–2.

⁴⁸ Надо отметить, что графические приемы выделения заглавий и блоков текста в этой писцовой практически аналогичны ПКДП, но структура текста и, следовательно, выделенные декоративным письмом заглавия имеют отличия.

⁴⁹ На бумаге с этим же знаком написана жалованная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича, датированная 25 апреля 1504 г. (РГАДА. Ф. 281, № 3728; см.: Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья пятая) // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 33. М., СПб., 2020. С. 19). К сожалению, по рисунку филигрань не совпадает со знаками, содержащимися в рассматриваемых документах (хотя и близка к ним).

с уездом⁵⁰ написан на бумаге со знаком «солнце», сходным с Лихачев 4044 — 1504 г. Подписал копию дьяк Юрия Ивановича Игнатий Федоров сын Слободкин.⁵¹

Писавший этот список подьячий скопировал не только текст, но и особенности оформления оригинала (об этом см. выше № 4). Однако

его профессиональный навык явно ниже, чем у великокняжеского подьячего: правое поле уже левого (хотя нельзя отрицать, что лист с одного края был подрезан при дублировании на бумагу), конец строк у правого поля не слишком ровен: нет впечатления, что текст «отрезан» как по линейке.

В. Н. Шумилов считал, что данный список происходит из московского великокняжеского архива, и датировал его началом XVI в.⁵² С этим трудно спорить, но был ли список продуктом великокняжеской канцелярии? Полагаю, нет: он был написан подьячим дмитровского князя Юрия Ивановича. Поскольку этому князю подлинник изначально не полагался, ему предоставили для ознакомления документ, составленный по приказу отца. Поэтому рассмотренный экземпляр можно считать «заверенной копией», сделанной исключительно для сведения.

7. Список «разъезжей» грамоты великого князя Ивана Васильевича сыну князю Юрию Ивановичу на города Дмитров и Кашин с уездами от Радонежа и Переславских станов и волостей.⁵³ Межева-

⁵⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 15.

⁵¹ Впервые упоминается как дьяк дмитровского князя 26 января 1504 г. (см.: Кашистанов С. М. Социально-политическая история... С. 200; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 172). Его подпись на меновной грамоте от 15 сентября 1517 г. (РГАДА. ГКЭ. № 4679) легко узнаваема, так как почерк практически не изменился.

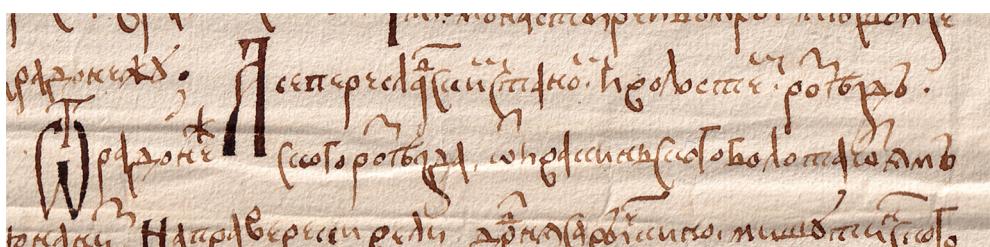
⁵² См.: Шумилов. Древлехранилище. № 157.

⁵³ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 16.

ние проводили Михаил Васильевич Тучков и дьяк Василий Нефимов.⁵⁴

Все четыре листа написаны на бумаге со знаком «герб Парижа» (гербовый щит с корабликом под тремя лилиями), который по типу наиболее близок Брике 2042 — 1495–1525 годы.⁵⁵ Подписал копию дьяк Юрий Иванович Игнатий Слободкин.

Полагаю, две межевые (№ 6, 7) скопированы одним человеком, но рубрикации, сделанной декоративным письмом, во второй грамоте нет, хотя употребляются высокие инициалы. Возможно, сам исходный документ не содержал подобных «художественных излишеств»,⁵⁶ но нельзя отрицать и того, что в этом случае подьячий решил не слишком себя утруждать и не стал копировать непривычное для него декоративное письмо.

8. Список «разъезжей» грамоты великого князя Ивана Васильевича сыну князю Юрию Ивановичу на дмитровские, рузские, и звенигородские станы и волости от московских станов и волостей.⁵⁷ Межевание осуществляли князь Василий Иванович Голенин и дьяк Максим Горин.

Это самый объемный документ, для написания которого потребовалось тринадцать (!) развернутых листов. Две филиграни те же, что и в других копиях: «кораблик» (л. 1–4, 12) и «солнце» (л. 5–11),⁵⁸

⁵⁴ См. ниже примеч. 60.

⁵⁵ Альбом Н. П. Лихачева в данном случае не показателен, поскольку все подобные знаки взяты из рассматриваемых документов: 2939, 2940 — из № 17 (см. ниже), 2943 — из № 16 и датированы «ок. 1504 г.». Необходимо отметить, что на бумаге с этим же знаком написана жалованная несудимая грамота великого князя Василия Ивановича игумену Троице-Сергиева монастыря Памве, выданная 19 декабря 1511 г.

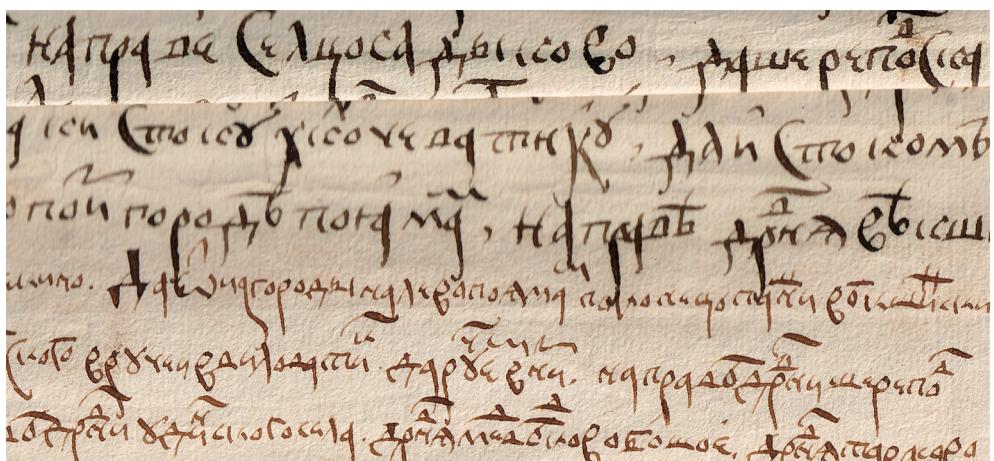
⁵⁶ Хотя в тексте есть фраза, которую по аналогии с № 15 можно было выделить: «А се переславским станом и волостем» (л. 1).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 17. Необходимо отметить, что листы разрезаны (!) под склейками для того, чтобы сохранить скрепы, сделанные на обороте по сставам.

⁵⁸ Часть этих знаков помещена в альбоме Н. П. Лихачева под номерами 2939–2941, 2942.

и только самый последний лист написан на бумаге со знаком «кувшин», который сходен с Брике 12612 — 1495 г.⁵⁹ Подписал копию дьяк Юрия Ивановича Игнатий Слободкин.⁶⁰

Письмо документа неровное: на л. 1–3 чернила красноватые, с л. 4 становятся коричневыми; во время написания л. 8 подъячий, вероятно, сменил перо. Начиная с л. 9, пишет крайне торопливо и небрежно: размер букв увеличивается, цвет чернил становится очень темным.⁶¹ Примерно с середины л. 10 почерк меняется, то есть копирование документа передается другому человеку, письмо становится менее быстрым, размер букв уменьшается. Но с л. 11 работа опять попадает в руки первому подъячему. Создается впечатление, что ему дали чуть передохнуть и вновь приставили к делу. Теперь он пишет не так лихорадочно, как на л. 9–10, но все равно спешит,

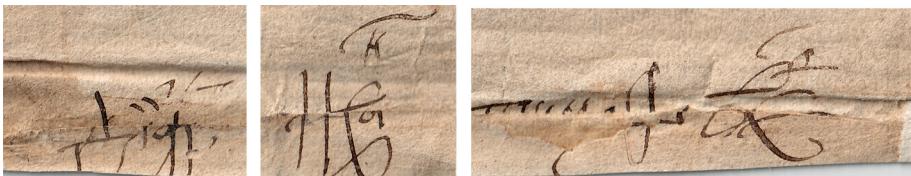
⁵⁹ В альбоме Н. П. Лихачева знак 2945 («кувшин») приведен из этой грамоты с датировкой «ок. 1504 г.».

⁶⁰ С. М. Каштанов безосновательно считал, что разъезжая грамота В. И. Голенина подписана «несколькими должностными лицами, в том числе Максимом Гориным и Игнатием Слободкиным» (Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 207). Более того, исследователь прямо писал, что межевание Дмитрова и Кашина от Радонежа и переславских станов осуществлялось «М. В. Тучковым, В. Нефимовым и И. Слободкиным» (Там же. С. 208). На самом деле на подлинниках есть только печать великого князя Ивана III и подпись его дьяка Болдыря Паюсова, и ни один из «писцов» эти документы не заверял. Подпись Игната Слободкина на четырех списках помещена не потому, что он участвовал в межевании: она удостоверяет только аутентичность копии. Поэтому нельзя считать, что этот дьяк мог представлять интересы князя Юрия в период проведения работ (см.: Там же.).

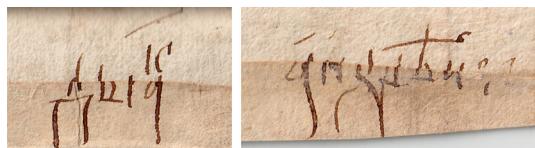
⁶¹ К счастью для подъячего декоративное письмо встречается только до л. 7 (л. 3: «А се розъезд»; л. 6: «А се волости»; «А се дмитровской в»; л. 7: «А се дмитровской»). После этого не было подзаголовков, которые замедляли бы бешеный темп работы.

и к концу документа, полагаю, еще прибавляет скорости, чувствуя близость окончания работы.⁶²

Больший интерес представляют скрепы на обороте, которые сделаны двумя людьми. На склейке л. 1–2 сделана подпись: «диак Иван Тимофеев», далее она сокращается до «диак Иван» (последний раз встречается на границе л. 6–7). С оборота л. 7 и до конца доку-

мента стоит скрепа другого дьяка — Андрея. Поскольку Иван Тимофеев был дворцовым дьяком Ивана III,⁶³ можно было бы предположить, что и Андрей принадлежал к этой же категории.⁶⁴ Однако А. Л. Грязнов доказал, что это был Андрей Огарев, служивший у дмитровского князя,⁶⁵ и совершенно справедливо заметил, что скрепа на грамоте и подпись Андрея на меновной от 16 июня 1529 г.⁶⁶ совпадают,⁶⁷ что свидетельствует о стабильности его почерка.

⁶² Малый инициал «Д», который употребляет подьячий, заставляет вспомнить восьмой почерк ПКДП (см.: Мошкова Л. В. Палеографическое и кодикологическое исследование Писцовой книги Деревской пятини // Фролов А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. С. 486, ил. 21). Однако отождествить эти почерки не представляется возможным.

⁶³ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 514; Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи: Дис. ... д-ра ист. наук. Т. 2. Орел, 2015. С. 129.

⁶⁴ Из дьяков Ивана III это имя носил Андрей Одинец, но период его службы определен А. Ю. Савосичевым как 1474/1475–1490 годы; среди дьяков Василия III автор упоминает только Андрея Харламова, но также с неподходящими датами — 1510–1521 годы (см.: Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков... Т. 2. С. 129, 137).

⁶⁵ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 380–381. Однако надо заметить, что автор не совсем корректен: он отмечает, что 22 августа 1506 г. Андрей упоминается вместе с Василием Заболоцким как писец Углича, но этот город не входил в удел князя Юрия. И только обращение к публикации показывает, что Андрей упоминается как «писец» дмитровского князя (см.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 20. С. 29). О службе Андрея Огарева см.: Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 87. М., 1971. С. 259.

⁶⁶ РГАДА. ГКЭ. № 10254.

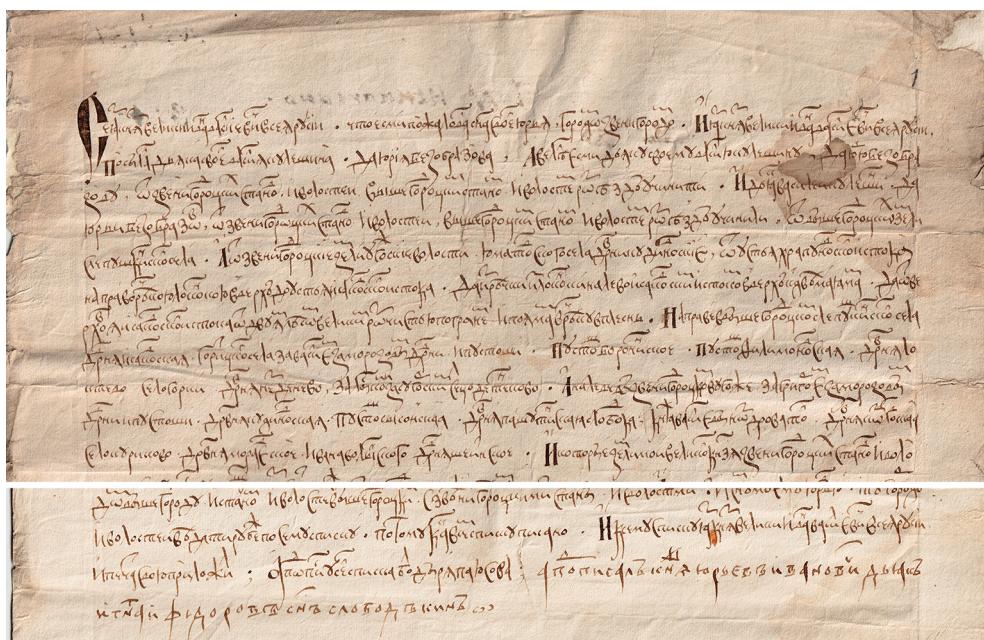
⁶⁷ См.: Грязнов А. Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 18. М.; СПб., 2017. С. 17.

Встает вопрос: почему только на копии этой межевой грамоты есть подписи как великокняжеского, так и «удельного» дьяка, и с какой целью они сделаны? Ответ может быть только один. Именно этим документом устанавливается граница московских станов и волостей с землями, выделенными в удел Юрию и, следовательно, он представлялся наиболее важным с точки зрения великого князя. Функция дьяков в этом случае состояла в сверке оригинала со списком и подтверждении правильности последнего. Ничем иным объяснить подобное внимание просто невозможно.

9. Последний список в этой группе — «разъезжая» грамота великого князя Ивана Васильевича сыну Юрию Ивановичу на г. Звенигород от вышегородских станов и волостей.⁶⁸ Межевание проводили дьяк Василий Кулешин и Юрий Безобразов. Список написан на бумаге с «корабликом», который встречается и в других копиях. Заверен также дьяком Игнатием Слободкиным.

По своему оформлению эта грамота, вероятно, ближе всего к оригиналу: большие поля, текст у правого поля «обрезан по линейке», почекр неторопливый.⁶⁹

Подводя итог рассмотрению документов второй группы необходимо отметить следующее. Все копии грамот написаны на французской

⁶⁸ РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. IV. № 3.

⁶⁹ По общему виду он напоминает почекр предыдущей межевой грамоты (№ 17), но есть значительные различия, мешающие отождествлению.

бумаге с филигранями «солнце» и «кораблик».⁷⁰ Следовательно, они готовились в одно время и в одном месте, а поскольку самая распространенная бумага великокняжеской канцелярии 1504 г. имела маркировочный знак «голова быка», с большой долей уверенности можно говорить о том, что копии «разъезжих» были продуктом недавно организованной канцелярии князя Юрия. Вероятно, и люди, писавшие их, были его подьячими. Скорость письма при копировании некоторых документов явно находилась в зависимости от их объема: получившие небольшой «урок», могли не торопиться, в то время как другим приходилось спешить. Полагаю, объяснить это можно только тем, что на всю работу было отпущено не так много времени и ее необходимо было сделать к определенному сроку. На роль такого «рубежа», в первую очередь, подходит 16 июня — день заключения докончания.

В этом случае последовательность событий выглядит так. Не позднее апреля 1504 г. князь Юрий отъехал в пожалованный ему удел.⁷¹ С собой была взята партия «московской» бумаги с водяным знаком «голова быка с крестом и змеей», на которой и написана его первая грамота от 25 апреля. Однако потом у дмитровской канцелярии появился свой поставщик, и была закуплена бумага со знаками «солнце» и «кораблик». С запасом этой бумаги князь и вернулся в столицу для заключения докончания с Василием. Часть этой партии (возможно, несколько листов) «долежала» в Дмитрове до 1506 г. Появление в 1518 г. схожего «солнца»,⁷² вероятно, свидетельствует о том, что канал поставки сохранился.

Косвенным подтверждением этой схемы можно считать две недатированные правые грамоты «писца» В. И. Голенина на земли в Горетовском стане Московского уезда, в которых судными мужами были И. Слободкин вместе с М. Гориным.⁷³ С. М. Каштанов справедливо полагал, что они примерно синхронны с «разъезжими», поскольку судьей высшей инстанции выступает Иван III, Василий III в тексте не упоминается, а разбирает спор человек, проводивший межевание.⁷⁴ Полагаю, для участия в суде дьяк дмитровского князя должен был ознакомиться с документами, определившими границы удела, принадлежащего его князю.

⁷⁰ За исключением л. 13 в № 17.

⁷¹ Полагаю, что он торопился оставить Москву и оказаться подальше от старшего брата.

⁷² В базе данных по филиграням ф. 281 указанный знак встречается только на документах дмитровской канцелярии.

⁷³ См.: Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 206–207.

⁷⁴ См.: Там же. С. 206.

Однако, исходя из некоторых данных, можно нарисовать и иную картину.

На бумаге со знаком «солнце» написаны две более поздние грамоты Юрия Ивановича: жалованная от 15 марта 1506 г.⁷⁵ и разъезжая, выданная по его указу 2 августа 1518 г.⁷⁶ Знак на первом документе располагается у края листа (видна примерно половина) и по рисунку крайне близок или идентичен филиграням межевых грамот. Второй знак представлен на листе полностью, но его контур не совпадает с более ранними филигранями (хотя размер примерно одинаков), а понтиюзо чуть уже (27 мм вместо 30 мм).

Учитывая, что именно 22 августа 1506 г. Андрей Огарев упоминается как «писец» дмитровского князя, можно предположить, что в это время проводились (или должны были проводиться) какие-то «землеописательные» работы⁷⁷ на территории удела. Для их осуществления были крайне необходимы результаты межевания, проведенного двумя годами ранее. Поскольку эти материалы отсутствовали в канцелярии князя Юрия, было срочно организовано копирование «разъезжих» грамот 1504 г. В этом случае написание копий отстоит примерно на два года от времени оформления подлинников.⁷⁸

В последнюю третью группу входят договорные грамоты великого князя Василия Ивановича с Юрием. Следует отметить, что во второй половине XV в. докончания с братьями великий князь заключал после своего вступления на престол. В 1504 г. ситуация иная: соглашение заключается при жизни отца по его благословению и повелению. Рассматривать сохранившиеся экземпляры целесообразно в порядке их написания.

10. Черновик грамоты Юрия Ивановича великому князю⁷⁹ написан на бумаге со знаком «корона», который идентичен Лихачев 3402 — 1491 г.⁸⁰

⁷⁵ Выдана она игумену Иосифо-Волоколамского монастыря Иосифу (РГАДА. ГКЭ. № 10237). Можно ли, исходя из этого, говорить, что и копии были написаны не в 1504 г., а двумя годами позднее? Ответа на этот вопрос нет.

⁷⁶ РГАДА. ГКЭ. № 4678.

⁷⁷ В чем именно они заключались, неизвестно, поскольку «определять характер работ, ориентируясь только на официальную титулатуру уполномоченных лиц, является не совсем корректным» (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 4. Писцовые книги Верхнего Заволжья. М., 2010. С. 25).

⁷⁸ Кстати, надо отметить, что 7 февраля и 20 апреля 1506 г. князь Юрий находился в Москве (см.: Зимин А. А. Дмитровский удел... С. 184).

⁷⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 81.

⁸⁰ Филигрань извлечена составителем из инкунабулы, изданной в Кракове. Поскольку III. Брике в своем альбоме поместил ее с этой же датировкой и локализацией и без приведения понтиюзо, с уверенностью можно утверждать, что уникальный по рисунку знак 4799 был заимствован им у Н. П. Лихачева.

Грамота написана на одном листе красивым неторопливым почерком, но главное, что надо отметить, она украшена затейливым инициалом «М», который превышает высоту шести строк. Текст у правого поля хоть и не «обрезан по линейке», но близок к этому, а внизу грамоты осталось много не занятого текстом места. Создается впечатление, что этот экземпляр изначально мыслился как подготовленный к заверке.

Однако в него была внесена небольшая правка, касающаяся переданной по завещанию Ивана III «отчины» (слова и буквы, написанные над строкой, выделены звездочками, зачеркнутый текст — перечеркнут): «А чем тя, господине, благословил отец наш, князь велики Иван Василевич всеа Русии, своею отчиною *Москвою и всеми* великими княжествы: Володимерским и Московским, и ¹Новъгородским¹ [¹⁻¹написано первоначально] ²Новым городом² [²⁻²читается после правки], *и всею Новогородцкою землею, и Псковом, и всею Псковью [так в грамоте. — М. Л.] землею, и великим княжеством Тверским* и Пъековеким, и Тфереким». После сделанных изменений текст требовал переписки.⁸¹

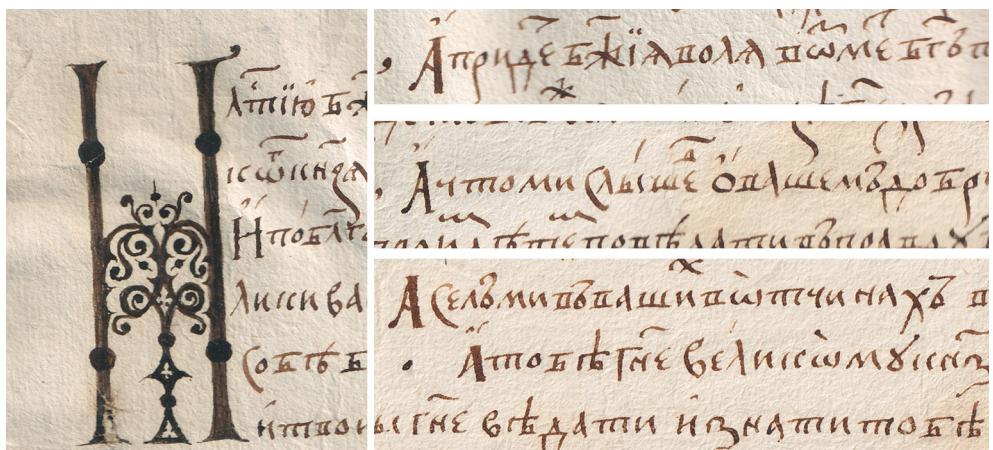
Написание малого инициала «А» в этом черновике заставляет вспомнить почерк, которым переписано завещание Ивана III. При сравнении этих двух документов видно, что начерки и варианты написания отдельных букв (графемы) совпадают, но общий вид письма отличается. Докончание написано полууставом, приближающимся к книжному, список духовной — более бегло. Поэтому нельзя отрицать, что мы имеем дело с двумя манерами письма одного человека, но и утверждать это с полной уверенностью невозможно.

11. Официально заверенный экземпляр докончания⁸² Василия и Юрия Ивановичей написан на бумаге с филигранью, которая использовалась в канцелярии великого князя — «голова быка с крестом и змеей», по типу близка Лихачев 1163 — 1478 г., 1238 — 1495 г.,

⁸¹ Полагаю, главный смысл сделанной правки в том, что Москва целиком передается Василию. Отчасти это соответствует словам духовной Ивана III: «А даю ему город Москву с волостьюми, и с путми, и з станы, и з селы...» (ДДГ. № 89. С. 354), но далее в этом тексте содержится уточнение, которое относится к праву младших сыновей держать на Москве своих наместников (об этом см. ниже). Появление на заключительном этапе уточняющей правки, стоящей на грани стилистической и смысловой (Новгородским — Новгородом и всею Новгородскою землею), обусловлено, вероятно, тем, что эти изменения вносились по указу человека (дьяка?), воспринимавшего текст на слух и не видевшего его в полном объеме. Вероятно, этим же можно объяснить внесение правки в последний черновик договора 1481 г., легший в основу официально утвержденного текста (см.: Мошкова Л. В. Договор Ивана III с Андреем Большим 1481 г.: этапы составления. С. 48).

⁸² РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 79а–б.

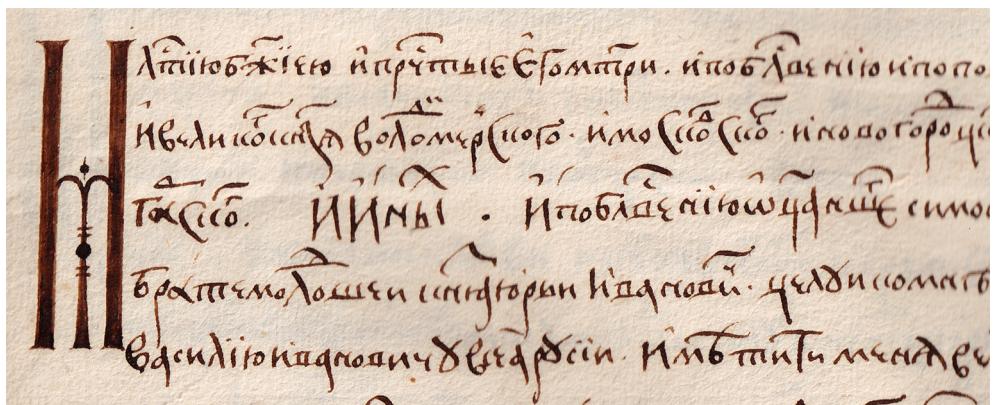
А́т по смирилъ и́шю и михаилъ дънцисъ идъ къ крестьянъ
помѣра и отъ . А́т и да съмъ вѣшиво , А́т и по съ
помѣри . и́шю и михаилъ дънцисъ идъ къ крестьянъ
А́т по смирилъ вѣшиво . А́т и да съмъ вѣшиво . идъ
ти вѣшиво . дънишъ . дачиахъ . И́шю и михаилъ идъ
ти вѣшиво . А́т и да съмъ вѣшиво . идъ

2688 — конец XV — начало XVI в.; Пиккард. Голова быка. XVI. 197 — 1499—1503 годы (л. 1, 3, 4; на л. 2 знак, возможно, есть на подогнутой части). Поскольку филиграны отличаются деталями, можно говорить об использовании парных форм.

Грамоты скреплены тремя вислыми печатями: большой красновосковой великого князя Ивана III, малой красновосковой великого князя Василия III, малой темновосковой князя Юрия Ивановича и заверены подписью митрополита Симона.

Надо отметить, что официально утвержденный текст и черновик отличаются оформлением. В черновике буквы и расстояние между строками меньше, поэтому весь текст поместился на одном листе. Экземпляр, скрепленный печатями, написан крупнее, расстояние между строками больше, поэтому каждая грамота склеена из двух листов. Инициалы более простые, по высоте равны пяти строкам текста, но правая сторона текста также не идеально ровная.

Главное отличие этого докончания от всех других княжеских соглашений второй половины XV в. в том, что обе грамоты написаны одним (!) почерком.⁸³ Следовательно, грамоты от имени обоих князей писал великокняжеский подьячий.⁸⁴ И в этом можно видеть еще один пример «понижения в правах» удельного князя. Конечно, и раньше договоры не были равноправными, поскольку великий князь всегда был «братьем стареющим», а другая сторона — «братьем младшим». Тем не менее, писали грамоты от имени удельных князей их люди, и хотя бы на бумаге процесс выглядел как двухсторонний. Теперь оформление окончательного варианта стало прерогативой только одной стороны — великокняжеской.

Необходимо отметить, что одно, весьма важное, положение завещания Ивана III не включено в текст договора 1504 г. В духовной сказано: «Да благословляю сына своего Василья и детеи своих меньших, Юрья, Дмитрея, Семена, Андрея, в Москве годом княж Константиновским Дмитреевича, что был дан брату моему Юрью, да годом княжым Петровским Дмитреевича, что был дан брату моему Андрею Меншому, да годом княж Михайловским Андреевича. А дръжыт сын мои Василеи и мои дети меньшие, Юрьи з братьею, на тех годех на Москве своих наместников, переменяя пять лет по годом».⁸⁵ Однако в тексте докончания об этом не упоминается: «А чем, брате, благословил тобя отец наш, князь велики, в Москве, и что отец наш, князь велики, благословил тобя города и волостми...».⁸⁶ Совершенно очевидно, что после слова «Москве» должен был находиться

⁸³ Вероятно, этот же подьячий оформлял 29 марта 1506 г. жалованную грамоту великого князя Василия Ивановича Ф. М. Киселеву (РГАДА. ГКЭ. № 7733).

⁸⁴ Также одним почерком написаны договорные грамоты великого князя Василия и князя Юрия 1531 г. (см.: Шумилов. Древлехранилище. № 186).

⁸⁵ ДДГ. № 89. С. 358.

⁸⁶ Там же. № 90. С. 367.

текст о вышеупомянутых «годах», поскольку во всех предыдущих докончаниях наследственная часть не просто упоминается, а подробно описывается.⁸⁷ Вероятно, отмеченное упущенное следует считать редакторской недоработкой: надо было исключить «в Москве ... благословил тебя» или добавить слово «дворы» перед упоминанием столицы.

12. Список с официально отверженного экземпляра докончания⁸⁸ написан на рыхловатой и достаточно тонкой бумаге без водяных знаков одним почерком. Внизу л. 2 сохранилась нитка, на л. 4 виден прокол. Подобный способ скрепления был отмечен для «последнего черновика» договорной грамоты Ивана III с Андреем Большим 1481 г.⁸⁹ Однако в данном случае были сшиты именно списки, поскольку после текста отмечено наличие трех печатей и подписи митрополита Симона. Скрепление документов, вероятно, было сделано для лучшей сохранности, чтобы грамоты не разделились в процессе хранения. По почерку этот документ надо датировать временем крайне близким к заключению договора.

Возвращаясь к единственному и, по всей видимости, московскому противнику докончания 1504 г., уместно задать вопрос: а был ли составлен и заверен второй экземпляр, предназначенный для удельного князя, или ему, как и в случае с межевыми грамотами, была положена только копия, подписанная его дьяком? Известна практика изъятия предыдущих соглашений после подписания нового документа,⁹⁰ хотя были случаи, когда удельный князь по реальной или надуманной причине отказывался предоставить Ивану III свой противень.⁹¹ Следовательно, экземпляр князя Юрия мог поступить в велиокняжеский архив вместе со списками межевых грамот после заключения нового соглашения в 1531 г., а также после его ареста в 1534 г. или смерти двумя годами позднее.

Однако описи Царского архива XVI в. и Посольского приказа XVII в. подобный документ не упоминают. В первой по времени составления описи грамоты описаны суммарно, поэтому нельзя понять,

⁸⁷ Надо отметить, что и удел князя Юрия определен предельно кратко (только отсылкой), без указания городов и волостей: «как отец наш, князь велики, тебе в своеи духовной грамоте написал» (ДДГ. № 90. С. 367). Следовательно, текст докончания не может считаться самодостаточным, поскольку предполагает обращение к тексту духовной.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 80а–б.

⁸⁹ Там же. № 59а–б (об этом см.: Мошкова Л. В. Договор Ивана III с Андреем Большим 1481 г.: этапы составления. С. 48).

⁹⁰ См., например: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. С. 163–164, 166, 168.

⁹¹ См.: Там же. С. 168.

сколько было подлинников и копий: «списки з докончальных князь Юрьевы, и княж Дмитриевы, и княж Семеновы, и княж Ондреевы с великим князем Васильем»; «докончальные княж Юрьевы и княж Ондреевы Ивановича»; «докончальные княж Юрьевы Ивановича и розъездные списки».⁹²

Опись 1614 г. более подробна, но не свободна от ошибок: «2 списка з грамот утвержденных» великого князя Василия «з братом его, со князем Юрьем Васильевичем (так в рукописи. — Л. М.), писано в 7012 г.»; «2 грамоты утвержденные князя Юрья Ивановича всея Руси (так в рукописи. — Л. М.), а у ней три печати да рука митрополита Симана, писано в 7012 г.».⁹³

В описи 1626 г. три документа, входящие в последнюю рассмотренную группу, охарактеризованы по отдельности: «2 грамота (так в издании. — Л. М.) докончальные» великого князя Василия «со князем Юрьем Иванови[че]м и князя Юрья Ивановича с великим князем Василем Ивановичем, за рукою московского митрополита Симона, а у ней (выделено мной. — Л. М.) привешены 3 печати ... писаны лета 7012-го июня в 16 день».⁹⁴ При чтении этой статьи первоначально может создаться впечатление, что здесь описан не один противень, но местоимение «ней» явно указывает на то, что это две скрепленные грамоты (ср. выше), то есть сохранившийся до наших дней официально утвержденный экземпляр.⁹⁵ «2 списка з докончальных грамот великого князя (так в издании. — Л. М.) Юрья Ивановича с великим князем Василем Ивановичем всея Русии и великого князя Василя Ивановича с великим князем Юрьем Ивановичем, лета 7012 году июня в 16 день»⁹⁶ — это, конечно, два списка, составляющие в настоящее время одну единицу хранения.⁹⁷ И последним

⁹² Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Ч. 1. М., 1978. Л. 241, 303 об.–304, 306 (здесь и далее ссылки даются на лист опубликованной описи). Необходимо отметить, что в комментариях к описи автор утверждает следующее: «Сохранились только два экземпляра докончаний Василия III с князем Юрием 1581 г.» (Там же. С. 165). Не упоминается первое соглашение 1504 г. и в другой работе исследователя (см.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 49), хотя в более ранней публикации автора ссылка на этот документ присутствует (см.: Зимин А. А. Дмитровский удел... С. 184).

⁹³ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. Л. 26 об.–27, 29–29 об.

⁹⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977 (далее — Опись 1626 г.). Л. 43 об.–44. Последовательное именование Юрия великим князем, возможно, свидетельствует о том, что составители описи совершенно не представляли, как великий князь Василий мог договариваться с кем-то, не равным ему по положению.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 79а–б.

⁹⁶ Опись 1626 г. Л. 44.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 80а–б.

описан, вероятно, сохранившийся черновик:⁹⁸ «Список з докончал-ные ... лета 7012-го году».⁹⁹

В описи 1673 г. подлинник описан в одной статье, списки — в другой,¹⁰⁰ и они надежно отождествляются с сохранившимися документами.

Следовательно, опровергнуть высказанное предположение нельзя, но и доказать его невозможно. Поэтому вопрос о существовании второго экземпляра докончания по-прежнему остается открытым: если следующему по возрасту брату запрещают вступать в брак (совершенно неважно: только до рождения наследника или «до жизни»¹⁰¹), то не предоставить ему официально утвержденный экземпляр докончания вполне логично, и такой *modus operandi* вполне укладывается в русло новой формирующейся парадигмы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что все отождествления почерков, сделанные с той или иной степенью надежности, позволили «соединить» подьячих, работавших по оформлению документов в 1504 г., с людьми, которые и дальше продолжали служить новому великому князю. Следовательно, с этого времени Василий Иванович, бывший номинально вторым лицом в государстве, фактически становится реально действующим правителем, не побоявшимся при жизни отца нарушить зафиксированную в его духовной волю.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 81.

⁹⁹ Опись 1626 г. Л. 44–44 об.

¹⁰⁰ См.: Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. Л. 48–48 об. Во второй описательной статье Юрий также назван великим князем.

¹⁰¹ См.: Зимин А. А. 1) Дмитровский удел... С. 189; 2) Россия на пороге Нового времени. С. 461.

Я. Г. Солодкин

КАКОЙ АТАМАН — ЕРМАК ИЛИ НИКИТА ПАН — БЫЛ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ КАЗАЧЬЕГО ПОХОДА 1583 г. НА ОСТЯЦКИЕ «ГОРОДКИ И УЛУСЫ»?

Одним из центральных событий «Ермаковой эпопеи», ставшей прологом присоединения Сибири к России, явилась экспедиция вольных казаков в низовья Оби, предпринятая вскоре после вступления «русского полка» в Искер (откуда, не попытавшись обороńять свою столицу, бежал Кучум) и боем у Абалака. Кто был предводителем этой экспедиции, однако, до сих пор остается неясным.

Версия Кунгурского летописца (далее — КЛ) о том, что во главе «дружины», подчинившей «низовых» осяков, находился есаул (пятидесятник) Богдан Брязга, вопреки мнению многочисленных исследователей, едва ли убедительна.¹ Подобно Г. Ф. Миллеру, И. В. Щеглову, Х. М. Лопареву, А. А. Дунин-Горкевичу, Х. Атласи, В. В. Мухину, иногда Е. В. Перевалова считали, что вначале Обь-Иртышье «повоевал» Брязга, а затем, примерно год спустя, — Ермак. (Г. Л. Файзрахманову думалось, что «старейшина» казаков побывал в «остяцкой стране» одновременно с Богданом, принадлежавшим к числу его «сверсников»²). Н. А. Миненко подчас писала и о «хождении» Ермака

---

¹ Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 56, 89, 90, 96, 110; 2) Мог ли Богдан Брязга возглавлять «хождение» казаков в низовья Оби? (О степени достоверности известий Кунгурского летописца по истории «Ермаковой эпопеи») // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 35. М.; СПб., 2021. С. 24–37.

«Описание Новыя земли, сииречь Сибирского царства, и Московского государства» конца XVII в. содержит явно легендарный рассказ о походе атамана «Ермакова войска» Грозы Ивановича (то есть Ивана Грозы или Грозы Иванова) по Оби до Березова. См., например: Илюшечкина Т. Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005. Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 397–398.

² Так определяется Брязга в КЛ.

в Югру, и о назначении там Брязгой Алача кодским князем, причем с санкции «большого» атамана.³ Н. М. Карамзин, И. Шульгин, С. М. Соловьев, С. В. Бахрушин (в некоторых работах), В. Л. Снегирев, Н. М. Мельников, Д. И. Копылов, А. Ю. Конев, М. И. Ципоруха, А. Г. Нестеров, Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских да и автор этих строк полагали, что экспедицию в Нижнее Приобье совершил утвердившийся в Искере Ермак. В статьях и книгах С. А. Белобородова, А. Т. Шашкова, Н. А. Миненко, С. В. Горшкова, Е. В. Вершинина, Е. В. Переваловой за предводителя казачьего похода 1583 г. большей частью принимается атаман Никита Пан, согласно Основной редакции Строгановской летописи (далее — ОСЛ), убитый во время «посещения» к татарским и остяцким крепостям.⁴

В открытой Е. К. Ромодановской редакции синодика «ермаковым казакам» (далее — С) — самого раннего среди дошедших до нас литературных памятников Азиатской России⁵ — читаем о том, что «во второе же лето Сибирского взятия⁶ (в 7090 г. — Я. С.) божиею помощью еще храбръствовавши⁷ Ермаку своею дружиною и ... вое-

³ См.: Сибирские реликвии. Из собрания Тобольского музея. Б. м., б. г. С. 59, 177.

Вывод о двух походах в Югру, совершенных ермаковцами, не может считаться обоснованным (Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 41, 90, 91).

⁴ Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее — СЛ). Рязань, 2008. С. 28, 29. Ср.: С. 74.

С точки зрения известного тюменского археолога А. В. Матвеева, Пан сумел подчинить остяцких князцов вслед за Брязгой.

⁵ Считать эту редакцию С (она была создана, вероятно, в 1622/23 г., то есть спустя четыре десятилетия после того, как ермаковцы очутились у северных рубежей начавшего распадаться Сибирского ханства) его протографом (Покровский Н. Н. Историография Сибири. XVI — 1-я пол. XIX в. // Историческая энциклопедия Сибири (далее — ИЭС). Т. А-И. Новосибирск, 2009. С. 672) нет должных оснований.

⁶ Имеется в виду занятие «православными воями» города Сибири (Сибира, Искера, Кашлыка). «Взятие» же «Сибирской земли», то есть ее присоединение к России (Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 428. Ср.: С. 58, 87), началось вскоре после гибели Ермака — в конце лета — первые недели осени 1584 г. — с прибытия в этот город около двухсот пятидесяти стрельцов князя С. Д. Болховского, в распоряжение которого перешли уцелевшие сподвижники прославленного атамана, а не во времена Ивана Грозного, как порой утверждалось (см.: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 590. Ср.: С. 542, 561; Ярков А. П. XVII век. Сибирь. Ислам и государственность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири (далее — ИЭК). Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции: г. Курган, 21–22 апреля 2017 года. Курган, 2017. С. 117).

⁷ Такая лексема не была редкостью в книжности Московской Руси, см., например: ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. С. 6; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 207, 213, 216; Т. 19. СПб., 1903. Стб. 111, 155, 157, 487, 488, 494; ПЛДР. Конец XVI — начало

ваше по Иртишу и по великой Оби ... до Назима ..., и Назим, городок остыцкой взяша со князком их и со многими их остыками».⁸ Следом перечислены павшие в этом походе «с прочею их дружиною» «отоман» Никита и пятнадцать казаков (380).⁹

Кажется маловероятным, что спустя без малого сорок лет сподвижники Ермака смогли вспомнить имена полутора десятков своих «товарищей», «всячески нужно скончавшихся от нечестивых» в «хождении» до Белогорья, да и «избиенных» у Чувашева (Потчевашского) мыса, Абалацкого озера, «призванных» Карабач — бывшим визирем Кучума, а также разделивших участь Ермака на перекопи вблизи устья Вагая.¹⁰ Быть может, перечень имен (не приуроченных к отдельным эпизодам «взятия» «агарянского царства») атаманов и казаков,¹¹ павших в экспедиции за «Камень», сибирский архиепископ Киприан в 1621/22 г. получил в Троицком храме, «срубленном» при основании Тобольска, либо Никольской, если не Вознесенской церкви, также сооруженных в этом городе в конце XVI в.¹² Судя по патриаршей грамоте от 25 февраля 1592 г. казанскому митрополиту Гермогену (являвшуюся ответом на его «челобитье», направленное в Москву полугодами прежде), тогда возобновилась сложившаяся в се-

XVII веков. С. 68, 206, 214, 216, 252. Ср.: С. 48, 62, 76, 192, 344, 356; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 96, 144.

⁸ Выражения «дружиною храбръствовавшею», «показавше храбръство свое» имеются в преамбуле С, в том числе из концовки Основной редакции Есиповской летописи (далее — ОЕЛ), а второе из них — в ее 3-й и 7-й главах. См.: ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 47, 50, 70, 71, 380. Ср.: С. 33, 39, 130, 144, 159, 257, 262, 318, 347. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

⁹ В сохранившемся среди рукописей Г. Ф. Миллера перечне атаманов и казаков, погибших при завоевании Сибирского «царства» (далее — П), во многом близком к раннему С, атаман «Микита» назван в числе соратников Ермака, которые «ходиша и городки имаша» (78).

¹⁰ Вряд ли (см.: Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 137, и др.) стоит думать, что ветераны казачьего «попшествия» в Сибирь, вспоминая своих товарищей, назвали приказным тобольского «первопрестольника» Киприана сотни имен, из которых были механически выбраны 37 (точнее, 36), тем более, что среди этих имен есть и довольно редкие — Окул (Окол), Ананья (Онанья), Анцифор (Онцифор), Никон, Артемий, Логин; в П и С значатся семь Иванов, по два Андрея, Михаила, Петра, Василия, а в С — два Тимофея. К тому же в раннем С, как заметила уже Е. К. Ромдановская, три ермаковца упомянуты дважды — в числе «убиенных» возле Чувашева мыса и через полтора месяца у Абалака, да и среди сорока казаков станицы Ивана Кольца указаны трое.

¹¹ Ср.: ААЭ. Т. 3. С. 456; ПСРЛ. Т. 19. Стб. 488, 494–496.

¹² Относить к первым тобольским церквям Знаменскую, как поступили Н. Д. Зольникова и Н. Н. Покровский, не приходится, см., например: Солодкин Я. Г. Начало церковного строительства в «русской» Сибири // Вестник Удмуртского университета. Серия истории и филологии. 2020. Т. 30. Вып. 1. С. 9.

редине XVI столетия практика поминовения воинов, павших «под Казанью и [в] пределах Казанских».¹³ Аналогичное поминование (для которого не требовалось утверждение патриархом) атаманов и казаков, «убиенных» в годы «покорения» Сибири, было включено в состав общего Чина православия, совершающегося в неделю православия во время великого поста.¹⁴ Напомним, что в августе 1598 г. Кучум был окончательно разбит, и вскоре Сибирь подобно Казани и Астрахани уже и формально превратилась в очередное «царство» московского государя.

После 21 октября 1621 г. Ермака и его «братью», павших в противостоянии с «кучумлянами», стали поминать в освященном тогда¹⁵ Софийском соборе Тобольска, и с использованием мартиролога и «Написания» (далее — Н) — своеобразной «скаски», принесенной, как сообщил Есипов, ветеранами «зауральской эпопеи» владыке Киприану (70),¹⁶ — был составлен П (с пропущенным в сохранившемся списке именем Тимофея — «товарища» Никиты Пана по экспедиции в Обь-Иртышье), который затем в окружении этого архиепископа приобрел вид довольно обширного С, содержащего снабженные датировками записи о ключевых событиях беспримерной экспедиции,

¹³ См.: Солодкин Я. Г. 1) О начале поминования Ермака и его сподвижников в храмах Сибири // Макарьевские чтения. Материалы XIV международной научно-практической конференции (24–26 октября 2019 года). Горно-Алтайск, 2019. С. 211; 2) К ранней истории Русской православной церкви в Сибири (О некоторых дискуссионных вопросах) // Православие. Наука. Образование. 2020. № 2 (10). С. 6.

¹⁴ См., например: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 355 (= История Сибири. Первоисточники. Вып. 10); Ромодановская Е. К. Синодик Ермаковым казакам // ИЭС. Т. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 113.

¹⁵ См.: Буцинский П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 216; Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 17. Примеч. 32 (= История Сибири. Первоисточники. Вып. 4). По утверждению И. В. Балюнова, это произошло ровно год спустя, см.: Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.). Коллективная монография. Тюмень, 2020. С. 22.

¹⁶ Следует иметь в виду, что ОЕЛ создана через полтора десятилетия после учреждения Тобольской епархии, и свидетельства владычного дьяка об обстоятельствах возникновения С (о них Есипов мог знать от других софийских приказных) едва ли во всем заслуживают доверия.

А. Т. Шашков думал, что Н объединяло нарративную и мартирологическую части (Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 140, 146, 147) в соответствии с вопросами, интересовавшими Киприана. Вторая из них, скорее всего, не являлась обширной, ибо вряд ли в 1621/22 г. (по свидетельству Есипова) сподвижники Ермака могли перечислить десятки имен своих «товарищей».

возможно, новые имена; их наряду с тремя десятками других отнесли к тем или иным боям и походам.¹⁷

Процитированные строки С о «храбровании» «дружины» в «остяцкой стране» почти целиком воспроизведены во вторичных разновидностях данного «помянника», начиная с открывающей заключительную главу ОЕЛ, но имена ермаковцев, не вернувшихся из «улусов» югорских князцов, оказались при этом опущенными (71, 90, 117, 128, 257; ср. 233, примеч. 13).¹⁸

В С, который Есипов «к своему из правлению» включил в заключительную главу летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», среди участников «хождения» за Урал названы лишь Ермак и атаман Иван Кольцо, «пострадавший» «с товарыщи» по воле «зломысленного» Караби.¹⁹

Сообщения С об экспедиции «товарства» в Югру большей частью повторены в 19-й главе ОЕЛ («О взятии городков и улусов»²⁰) и вторичных разновидностях этой «истории»: «храбровавшу Ермаку²¹ з дружиною²² по всей Сибирстей земли ... повоева же многия городки и улусы по реке Иртишу и по великой Оби и Назимъской городок взяша со князем их и со всем богатством. Возврати же ся во град Сибирь»

¹⁷ Е. К. Ромодановская же находила, что С составлен «по данным» Н (*Ромодановская Е. К. Сибирские летописи // ИЭС. Т. С–Я. С. 79*), и только.

¹⁸ По словам Саввы Есипова, «имена их (атаманов и казаков. — Я. С.) в синодики написаны, где которые убины» (72). Это замечание недвусмысленно свидетельствует о том, что автор ОЕЛ располагал С начальной редакции или близким к ней «помянником».

¹⁹ Настоящее имя этого «думчего царева», оставшееся неизвестным тобольским «списателям», — Мамет или Мухаммед. См.: Беляков А. В. Как звали большого сибирского караку? // ИЭК. Материалы II Всероссийской научной конференции: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 63; Трапавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 368; Тюменское и Сибирское ханства (далее — ТСХ). Казань, 2018. С. 43, 87, 410, 411.

²⁰ В Забелинской редакции (далее — ЗР) летописи Саввы Есипова эта глава называется несколько иначе: «О храбости Ермака и дружины его и о взятии горотков и улусов» (112).

²¹ О «храбости [русского полка, собранного] и водимаго» Ермаком, речь идет и в одном из названий ОЕЛ (42, ср. 50, 70, 90, 117, 128, 188, 256, 257).

О различиях С и ОЕЛ в изображении экспедиции ермаковцев по Иртышу и Оби см., например: Солодкин Я. Г. 1) Зарождение сибирского летописания: источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 72, 76; 2) Югорская земля в конце XVI — начале XVII веков. Предпосылки и первые годы русской колонизации Северо-Западной Сибири. Нижневартовск, 2019. С. 14.

²² В Абрамовской редакции (далее — АР) есиповской «Повести о Сибири и о сибирском взятии» при этом говорится «войским», «воинством» (94; Дворецкая Н. А., Медведев П. А. Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 73).

(60, 134, 184, 247, 309, 362).²³ В начале и конце этой главы редакторы завершенного в 1636 г. «Сказания» софийского дьяка прямо (подобно «слогателю» ОСЛ примерно того же времени и «изографу» рубежа XVII–XVIII вв. С. У. Ремезову²⁴) сообщили об участии предводителя «русского полка» и в экспедиции, в ходе которой казаки сумели достичнуть низовий Оби: «З дружиною храбровавшу Ермаку с товарищи ... Атаман же Ермак с товарищи своими возвратися во град Сибирь» (34, 39, 94, 112, 124).²⁵

По наблюдению С. В. Бахрушина, в рассказе о казачьем «попшествии» в Югру ОЕЛ и ОСЛ восходят к общему протографу. Им выдающийся историк счел Н.²⁶ Скорее, протографом названных «исторических повестей» явилась ранняя тобольская летопись.²⁷ Возможно, об атаманах — сподвижниках Ермака — в сочинении «О взятии Сибирских земли, како благочестивому государю ... Ивану Васильевичю всея Руси подарова бог Сибирское государство обладати...»²⁸ говорится на основании этой летописи.²⁹ Ее автору о предводителях «единомы-

²³ И. О. Старикиев явно заблуждался, размещая Назим на Тавде и полагая, что им овладел князь С. Д. Болховский (*Старикиев И. О. Величавые символы Урала: гора Медведь-камень и казачий атаман Ермак // Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XV Зыряновские чтения». Курган, 7–8 декабря 2017 г. Курган, 2017. С. 51*), направленный с отрядом стрельцов в 1584 г. из Пермского края в Искер.

²⁴ См.: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 561; СЛ. С. 28–29, 339, 429, и др.

²⁵ В ЗР и Лихачевской редакции (далее — ЛР) летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде» последней фразы нет.

²⁶ *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 26, 27.* Вместе с тем, крупнейший историк-сибиревед 1920-х — 1940-х годов называл протограф ОЕЛ и ОСЛ летописным, а также считал, что в нем излагалось родословие бека Едигера или Ядигара (см.: *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 461, 466*). Там, судя по оставленному Есиповым единственному свидетельству о Н, однако, говорилось лишь об экспедиции Ермака «з дружиною» против «кучумлян».

Иногда считалось, что Н запечатлело казачьи предания (см., например: *История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 326*). Сведения П и С о «хождении» ермаковцев по Иртышу и Оби явно противоречат такой оценке «скаски», переданной на владычный двор ветеранами «Сибирского взятия».

²⁷ *Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 22, 24–27, 30, 33, 34, 42, 54, 155, 216, 219.*

²⁸ Таково название ОСЛ.

²⁹ *Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви...».* Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 64. Ранее мы считали, что в ОСЛ о приглашении волжских атаманов Строгановыми сказано по материалам их вотчинного архива (*Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 58, 81. Примеч. 11*). Однако Яков Михайлов, видимо, сделался атаманом позднее, а в известиях названной летописи о другом атамане — Матвее Мещярке — допущено немало ошибок.

Заметим, что в П и С, видимо, вслед за Н, ставшим источником «помянника» времени Киприана, трое ермаковцев — Иван Карчига, Богдан Брязга и Иван Кольцо — в отличие от атамана Никиты были названы с прозвищами.

сленой и доблей» «дружины» мог поведать какой-то ветеран «Ермаковой эпопеи», не участвовавший в составлении Н,³⁰ ибо в зависимых от него П и С умалчивается о Якове Михайлове, убитом, будучи направленным «в подсмотръ», то есть разведку, вслед за гибелю Ивана Кольца и всего его отряда. Свидетельство книжника из Соли Вычегодской, уверявшего читателей, что в сибирский поход «буйственное и храброе» «товарство» снарядили Строгановы, про обстоятельства гибели Никиты Пана³¹ (во время штурма какой-то крепости в низовьях «великой» Оби³²) попало в летопись, сделавшуюся протографом и ОЕЛ, тоже, возможно, благодаря указанному соратнику Ермака.³³ Вместе с тем, не исключено, что данное свидетельство явилось результатом осмыслиения сообщения С о «повоевании» «дружиной» татарских и остяцких городков,³⁴ даже таким же вымыслом, как участие Матвея Мещеряка в сооружении вместе с воеводой Иваном Мансуровым Обского городка и смерть того же атамана в бою с беком Сейдяком у Тобольска,³⁵ о чем рассказывается в ОСЛ.³⁶ Ее автор

³⁰ В то время он мог служить не в столице «русской» Сибири, а находиться в годовальщиках, в поездке в Москву или в «соляном» походе к Ямышевскому озеру, в каком-то другом сибирском городе, из которого затем на время приехал в Тобольск либо был переведен в его гарнизон.

³¹ Прозвище Никиты сохранено и русской посольской документацией начала 1580-х годов, см.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 32–33; Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 31–32, 38.

³² Ее название летописцу, выполнившему заказ Строгановых, осталось неизвестным (*Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 226*).

Сообщение ОСЛ о гибели «Микиты» Пана в экспедиции по Иртышу и Оби, но без указания, что это случилось в ходе приступа к какому-то городку, повторено в ЛР «Сказания» Есипова (124). Утверждения, будто Никита лишился жизни в бою за Назим (Казым), там был истреблен отряд считающегося выходцем из Речи Посполитой волжского атамана (*Мухин В. В. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957. С. 31; Копылов Д. И. Ермак. С. 152; История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 5. Казань, 2014. С. 129, и др.*), прямого подтверждения в дошедших до нас источниках не находят.

³³ Им, к примеру, мог быть Иван Грода или Грода Иванов, являвшийся на протяжении четверти века (до смерти в середине 1630-х годов) головой тобольских конных казаков.

³⁴ О таких городках, в отличие от ОЕЛ, упоминается и в С (60, 71, 380), почему можно думать, что автор ОСЛ располагал именно этим «помянником» или его протографом.

³⁵ См.: Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып. Тобольск — живая былина. С. 10; Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 58, 217. Примеч. 35, и др.

³⁶ Вопреки недавно высказанному мнению (см.: Туров С. В. Березовские казаки — потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического

мог посчитать, что раз Никита лишился жизни, когда православные «вои» «имаша» городки «иноземцев», то во время штурма, а не (в отличие, к примеру, от Ермака) попав в засаду или утонув. (В С провозглашается вечная память средняя «на тех делех» «пострадавшим и избиенным и всячески нужно скончавшимся» атаману Никите «с товарыщи».³⁷ Стало быть, он, возможно, погиб не в бою).

Летописец же, входивший в окружение трех кряду сибирских архиепископов, если и знал про убийство Пана из П либо С, видимо, нашел излишним рассказывать об этом, как и о Михайлове с Мещеряком, тем более что умолчал про гибель более полутора десятков казаков³⁸ в «хождении» к остяцким «городкам и улусам».

самосознания русского населения Сибири) // Меншиковские чтения 2019. Материалы Российской научной конференции. Вып. 12. Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра). 22–23 ноября 2019 г. Тюмень, 2019. С. 95), в отличие от строгановской «исторической повести», ни в одной сибирской летописи о гибели Матвея Мещеряка мы не прочтем. Тот же тюменский историк явно заблуждался, утверждая, что, как без труда воеводам Березова позволяла установить летописная традиция, местных казаков Михайловых и Пановых нельзя отнести к потомкам «ермаковых» атаманов (Там же. С. 96). Среди сочинений в форме повременных записей о Якове Михайлове и Никите Пане упоминается лишь в ОСЛ и зависимых от нее ЛР «Сказания» Есипова, Сибирской редакции (по определению В. Г. Вовиной-Лебедевой) Нового летописца и (с искажением имен) в Сольвычегодском летописце; про Мещеряка сказано также в Румянцевском летописце вида А (см.: Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 29, 30), источником которого явилось опять-таки «сложение» строгановского «историографа». Жившие в основанном в 1593 г. Березове (где перечисленные летописи вряд ли кто-то знал) Мещеряковы, Михайловы и Пановы считали себя прямыми потомками соратников Ермака. Вероятно (таково и заключение С. В. Турова), эти представления легендарны. Ни одного среди известных нам березовцев конца XVI — первой половины XVII в. нельзя причислить к участникам «Сибирского взятия», см.: Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 36, 37, 103–104.

³⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 380.

³⁸ Даже в начале 1620-х годов «слогатели» Н твердо знали, скольким их соратникам, выступившим к «зломысленному» Карабче, не суждено было вернуться в Искер (ибо отряд Ивана Кольца татары истребили целиком), но запамятовали, какой язвлялась точная численность павших на рыбалке и в «деле» близ Абалака, а следом в низовьях Оби. Допустимо считать, что никогда прежде, включая «подчувашскую брань» и затем «воинство» Ермака не лишалось четырех десятков казаков разом. «Убиенных» в «сече злой» на подступах к ханской столице (53, 71, 90, 117, 128, и др.; СЛ. С. 23–24) ветераны «Сибирского взятия», составляя «скаску» для Киприана, вспомнить не сумели (возможно, они состояли в станицах, которые из этого «великого боя» вышли без потерь), или же, скорее, в силу противоречивости их свидетельств владычные книжники внести соответствующие упоминания в текст «помянника» отказались. Недаром в П и С среди павших в Обь-Иртышье и у вагайской перекопи значатся то три, то два Ивана, имена которых разделены другими.

Известию об экспедиции, во время которой были покорены многочисленные князцы, в ОЕЛ предпослано восклицание: «ходиша стопами свободными, ни от кого же устрашающиеся, страх бо божий на всех бяше там (в «Сибирской земле». — Я. С.) живущих тамо, яко меч обоюду остр идый пред лицем рускаго полка, пожиная и поядая и страша».³⁹ Тем не менее, в С из заключительной главы самой популярной в Азиатской России летописи (ее вряд ли стоит атрибутировать Есипову⁴⁰) сказано об «убиенных» на Иртыше и Оби (60, 71, ср. 51, 109).

О гибели же Ивана Кольца Есипов, возможно, решил упомянуть,⁴¹ ибо вместе с этим атаманом, напомним, вероломно были умерщвлены сразу четыре десятка казаков⁴² (очевидно, из его сотни), а следом Карабча осадил Искер.⁴³

Достаточно ли сообщений С и нескольких летописей, начиная с ОЕЛ и ОСЛ, для вывода о том, что именно Ермак повел казаков в Нижнее Приобье?

Как могли считать авторы и редакторы этих сочинений, раз «ве-леумный» атаман был предводителем своей «братии» в первые недели

³⁹ Источником этих строк, как выяснила Е. К. Ромодановская, стал Хронограф Русский, см., например: ЛП. С. 365.

⁴⁰ Солодкин Я. Г. 1) «Беседуя к вашей любви...». С. 14; 2) Сибирское летописание XVII — первой половины XVIII вв.: спорные и малоизученные вопросы. Нижневартовск, 2018. С. 140.

⁴¹ Обстоятельства смерти атамана, который порой выдается за предводителя сибирской экспедиции наряду с Ермаком, софийскому дьяку, как и «слогателю» С, остались неизвестны. Едва ли можно утверждать, будто Иван Кольцо был убит, попав в засаду, либо во время переговоров с Карабчей (Зуев А. С. 1) Ермак // ИЭС. Т. А-И. С. 536; 2) Ермаковы казаки // Там же. С. 537. Ср.: С. 538). Возможно, Кольца и его казаков, отправившихся по решению «всего товарства» «оборонити» бывшего ханского «думчего» от Казахской Орды, в его стане или зарезали (Мельников Н. М. Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели. Париж, 1961. С. 27, 84; Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. С. 104), если не задушили, во сне, или же (ср.: Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви...». С. 47. Примеч. 62) отравили.

⁴² Из этих казаков в С и П названы только Владимир, Лукиян (Лукьян) и «Василий 2 (2-жды)», то есть два Василия (Солодкин Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009. С. 12, 26. Ср.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 280. Примеч. 4; Кистерев С. Н. Патриарх Гермоген и купцы Судовщиконы // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 4. М.; СПб., 2014. С. 37, и др.), а не один, как подчас утверждалось ранее, см., например: Зуев А. С. Ермаковы казаки. С. 538; Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 146, 159, 210.

⁴³ Д. М. Исхаков заблуждался, утверждая, что Карабча-бек «дважды пытался отбить Искер у казаков» (ТСХ. С. 87).

«хождения» за «Камень», в «деле» близ Абалака, наконец, в походе, завершившемся гибелью атамана, прозванного Поволским и Токмаком, у вагайской перекопи, он возглавлял храбрую «дружину» и в Югорской земле. Исключением стало плenение царевича Маметкула (Мамет-Кула, Мухаммад-Кули),⁴⁴ хотя и не в «брannом ополчении».

Обратим внимание и на то, что, по словам Есипова и многих редакторов его летописи, «Ермакове дружине⁴⁵ ... идущим к рыбной ловли под Абалак»; «начальный» атаман, тогда находившийся в «граде» Сибири, узнав о гибели соратников, «погна вслед поганых» (56–57, 84, 111, 123, 132, 183),⁴⁶ как уточнил один из редакторов Сибирского летописного свода (далее — СЛС), «Ермак со оставшею (оставшую) дружиною своею погнав за погаными агаряны» (244, 308, 361, ср. 33, 39). В ЗР есиповской «истории» сказано: «Ермак же з дружиною своею не со многими воинскими людьми поиде навстречу им (бухарцам. — Я. С.)». Согласно Титовскому виду (далее — ТВ) ОЕЛ, «Ермак же с товарищи своими посоветова о том (просьбе Карачи «оборонити» его от Казахской Орды. — Я. С.) с казаками», а одной из разновидностей Томской редакции СЛС, — «Ермак, с товарыщи своими посоветова(в) дружиною (с дружиною)» (86, 113, 310. Примеч. 78; ср. 61, 63, 96). «Помянник», которым завершается ОЕЛ, в оглавлении ТВ носит название «Синодик атаману Ермаку и казаком с его дружиною», а не «Синодик казаком, Ермаку з братиею, сииречь з [д]ружиною», как у Есипова (43, 80, ср. 70, 90, 128, 188, 194, 233, 256).⁴⁷

⁴⁴ Утверждать, что ханский племянник был взят в плен Ермаком (ТСХ. С. 260), не приходится.

⁴⁵ В АР «Повести» Есипова читаем «Ермаковым казаком», в ЛР — «Ермаковы дружины».

В С (что в ходе правки текста осталось незамеченным) говорится «Ермакове и дружине», в других разновидностях этого «помянника» — «Ермакове дружине (дружины)» (71, 90, 117, 128, 188, 257, 314, 380; Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. С. 52; 2) «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 210).

⁴⁶ См. также: СЛ. С. 21.

⁴⁷ В концовке С «дружина» — это и отряд Ермака, и разделившие на перекопи участь «большого» атамана с семью казаками. В ОЕЛ сказано, что «Ермак же и казаки, дружина их (о перебитых Карабей атамане Иване Кольце и его соратниках. — Я. С.), рыдаху на мног час», то есть под дружиной здесь понимаются товарищи, друзья (61, 381, ср. 43, 86, 113, 121, 123, 127); в этой же «истории», С, СЛС говорится и о «товарстве» Ермака (58, 71, 138, 380). Нередко в «Сказания» Есипова и более поздних сибирских летописях «дружиной» называются казаки, «вои», воины, «войнство», воинские (русские) люди. В ЛР того же «Сказания» и некоторых редакциях СЛС за «дружину» или товарищей Ермака принимаются все 540 участников «хождения» в Кучумово «царство», а в одном из видов Нарышкинской редакции (далее — НР) «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири...» упоминается Кольцо «с дружиною своею» (120, 178, 232, 238, 248. Примеч. 74–76; 258, 315, 345, 368).

Таким образом, указание ряда сибирских книжников на участие «великого ратоборца» в экспедиции, центральным эпизодом которой тобольским «списателям» XVII — первой половины XVIII в. казался захват Назима, может быть всего лишь трафаретной формулой, а она, говорил С. Б. Веселовский, «не отражает никакого факта», не свидетельствует «о каком-нибудь факте».⁴⁸ Кроме того, едва ли предводитель «русского полка», пусть даже если в Искере находился еще Иван Кольцо и Матвей Мещеряк, взяв с собой Никиту Пана, по меньшей мере, на несколько недель,⁴⁹ решил бы оставить этот город, отправившись в поход против остыцких князцов, поход, которому никак нельзя было отвести решающую роль в продолжающемся «усмирении» «Сибирской земли».⁵⁰ Ермак и его «воинство», очевидно, и после «Абалацкой брани» считались с возможностью нападения Кучума либо Карабчи⁵¹ на соседние татарские «улусы» да и прежнюю хансскую столицу. (Судя по Сибирским летописям, в 1583 г. православные «вои» совершили только «поществие» в низовья Оби, пленили Маметкула и остались без Ивана Кольца с его «дружиной»). Впрочем, в то время

⁴⁸ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России эпохи феодализма. М., 1978. С. 233.

⁴⁹ Чтобы преодолеть расстояние от Тобольска до Самаровых гор (по данным О. В. Семенова, около 635 км), во второй половине XVII в. требовалось две недели (77; Семенов О. В. Поверстная книга как источник по истории ямской гоньбы в Сибири до конца XVII в. // VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимины. Материалы Международной научной конференции. М., 2020. С. 465. Примеч. 27. Ср.: С. 462–463). Ермаковцы проделали почти такой же путь (от Искера до Белогорья), но с боями и остановками для сбора ясака.

⁵⁰ Утверждать, будто ханство Кучума было завоевано Ермаком в 1581 г. (Тихонов С. С. Чертежи С. У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») // ИЭК. Материалы II Всероссийской научной конференции... С. 6) явно не приходится даже относительно осени 1582 — лета 1584 г. (такова наиболее аргументированная датировка «взятия» Сибири «дружиной» прославленного атамана).

⁵¹ Утратив Искер, Кучум стал кочевать на востоке или юге своих бывших владений (История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. Казань, 2014. С. 208; Т. 5. Казань, 2014. С. 128, 129; Татауров С. Ф. Последняя крепость хана Кучума на Иртыше // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 24; Трапавлов В. В., Беляков А. В. Татарские царевичи в истории России. С. 9, 19–21, и др.).

Не стоит на основании Распространенной редакции Строгановской летописи полагать (Трапавлов В. В., Беляков А. В. Татарские царевичи в истории России. С. 26; ТСХ. С. 262. Ср.: С. 170), будто Каракча, лишившийся прежнего улуса, отошел в Пелымскую землю. Новым местопребыванием недавнего визиря оказались верховья Иртыша, точнее, земли между Тарой и Омью. См., например: Солодкин Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). С. 89, 91, 126, 136–137.

казаки, отказавшись от возвращения на «Русь», а решив, видимо, закрепиться в «Сибирской земле», сделавшись служилыми,⁵² могли, хотя в С и П об этом умалчивается, не ограничиваться сбором ясака в близких к Искеру городках и улусах, а предпринимать походы с целью подчинения и весьма отдаленных от него территорий,⁵³ к примеру, побывать в Чимги-Туре⁵⁴). Даже чтобы взять в плен Маметкула, разбившего стан на Вагае — в сотне верст от бывшего накануне «царствующим» «града Сибири», «прехрабрый» Ермак, по словам автора ОЕЛ, отправил «юных и искусных ратному делу» «мужей»,⁵⁵

⁵² Согласно официальной версии, служилые казаки, получив разрешение или даже приказ московского правительства, Кучума «с Сибири (якобы бывшей вотчиной Ивана IV. — Я. С.) согнали» как «государева непослушника», см., например: *Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. С. 46–51; Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков. С. 18–19; Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. С. 71. Примеч. 22; 2) «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 4, 26, 130, 180, 184, 185, 201; Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. С. 55, 131–135; Трапавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. С. 15, 39–41, 59, 74–75; ТСХ. С. 69, 124–126, 128, 258, 261, 262, 264. Ср.: ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195.*

Есипов и некоторые редакторы его «Сказания», кстати, считали «Сибирскую землю» «державой» или вотчиной царя Ивана, которому «послужили» (о чем говорится и в С) Ермак «с товарыщи»; в Погодинском летописце атаманы и казаки, разгромившие «беззаконного» Кучума, даже названы «государевыми людьми», хотя на Волге они разграбили «государеву казну» (51, 60, 71, 94, 130, 132, 247, 309, 363, 380, ср. 58, 135, 178, 258, 315, 345, 368; СЛ. С. 93, 306).

⁵³ Мнение доверявшего известиям КЛ А. Т. Шашкова, будто летом — осенью 1583 г. Ермак отправился на «Русь», но, не сумев подчинить Пелымское княжество, вернулся в Искер (Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 91; Шашков А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 26), представляется нам несостоятельным, см.: *Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 79; 2) Подчинили ли ермаковцы Кондинское княжество? (О степени достоверности одного пельмского предания) // Шатиловские чтения. Материалы XVI краеведческой конференции. 22 апреля 2016 года. Нижневартовск, 2016. С. 3–6.*

⁵⁴ Версия о захвате и разграблении Чимги-Туры Ермаком на пути к Искеру (ТСХ. С. 172. Ср.: С. 175, 257; История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. С. 396, и др.), основанная на сообщениях С. У. Ремезова и И. Избрантса, едва ли правдоподобна, см.: *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 35, 145. Примеч. 24; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 484. Ср.: С. 477, 478; Трапавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. С. 152, 157–158.*

⁵⁵ Утверждение А. Г. Нестерова, будто «поход казачьего отряда на Вагай против ставки султана» «организовал» мурза Саинбахт (История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. С. 208), как минимум, неточно, см., например: Там же. С. 217, 727; ТСХ. С. 222, 260.

согласно ее ЗР и Уваровскому виду НР СЛС, с каким-то атаманом.⁵⁶ Неясно также, отчего в дальний поход, причем не против «кучумлян» (их, даже с ханом, «содержатель полку» казаков рассчитывал застать, отправившись навстречу бухарским «торговым людям»⁵⁷), выступили два атамана.⁵⁸

Напомним, что к Карабе («с приговору» «всего товарства») и до Атбаша летом 1584 г. с казаками отправились Иван Кольцо и Ермак, соответственно. Встречающаяся в ряде летописей версия о том, что в походе, ставшем для «храброго смлада» атамана роковым, участвовал и сумевший ранее спастись Кольцо, имеет фольклорное происхождение.⁵⁹

Поэтому вывод о том, что «хождение» ермаковцев в междуречье Иртыша и Оби возглавлял до своей гибели Никита Пан,⁶⁰ может счи-

⁵⁶ См.: Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 117. Очевидно, поздние редакторы сочинения Есипова, причем независимо друг от друга (один из них писал о «старейшине атамане», другой — об атамане «полка» Ермака), считали, что во главе «добрых молотцев», взявших в плен ханского сына (точнее, племянника), должен был находиться атаман. Едва ли следует признавать им (Шашков А. Т. 1) Погодинский летописец и начало сибирского летописания. С. 138; 2) Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 37; Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Там же. С. 53; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 118, и др. Ср.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 81) Ивана Грозу или Грозу Иванова. Его могли избрать атаманом позднее, с гибелью Никиты Пана или Ивана Кольца, если даже не тогда, когда «дружина» осталась без Якова Михайлова (кстати, среди предводителей «товарства» только последний и Ермак названы в ОСЛ по имени и отчеству).

⁵⁷ Пленение Кучума, вопреки утверждению А. Г. Нестерова (История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. С. 209), вряд ли тогда входило в расчеты «невеликой дружины».

⁵⁸ Столько атаманов находились в экспедиции головы И. И. Колемина к Верхнему Нарыму в 1597 г. с 70 березовскими казаками — уже не вольными, а служилыми (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 400–401). В ранней редакции СЛС сказано о том, что два атамана в отряде Андрея Васильева сына Дубенского участвовали в основании Качинского или Красноярского острога (148). Точнее, этого воеводу звали Андреем Ануфриевым сыном, см.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 60, 384, 385, 401, 674.

⁵⁹ См.: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 54; Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 248, и др.

⁶⁰ Белобородов С. А. Столица Северного края. Очерки истории Самарова — Остяко-Богульска — Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 30; Шашков А. Т. 1) Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака. С. 17; 2) Начало присоединения Сибири. С. 37, 49. Примеч. 96; 3) Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина. 2002. Спец. вып. Тропою стран полунощных. С. 76; Очерки истории Югры. С. 117, 139, и др.

Ко времени «прихода» «товарства» в Сибирь его, как нам представляется, возглавляли не пять атаманов (СЛ. С. 8, 55, 57, 98, 321, 412), а четыре, упоминающиеся

таться наиболее приемлемым. Кто (из числа есаулов или пятидесятников, если не десятников) сменил его в этой роли, в частности, когда казаки двинулись на Белогорье, к главному святилищу местных остыков,⁶¹ сохранившиеся источники ответить не позволяют.

в документах кануна знаменитой экспедиции. Следуя, вероятно, свидетельству остававшихся в живых ее участников (см.: Очерки по истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 6; Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы... С. 158), запечатленному протографом ОЕЛ и ОСЛ, многие историки определяют первоначальную численность «русского полка», «согнавшего с царства» «злочестивого» Кучума, в 540 человек. Возможно, при появлении в его владениях станицы Ермака, Кольца, Пана и Мещеряка включали примерно по 135 «воинских людей», а в распоряжении каждого есаула было около 45. Недаром «ис Сибири через Камень Собью рекою» «на лето (7093 г. — Я. С.), как вода вскрылась», двинулись 90 «русских людей», потерявших без малого годом ранее «искусного в храбрствиях» предводителя (133–135), с точки зрения Н. И. Никитина, до сотни. Думается, атаманом у этих казаков являлся Гроза Иванов. Мещеряк же во главе своей станицы, в рядах которой тоже могло насчитываться до сотни «воев», видимо, вскоре после гибели Ермака, даже до прибытия в Искер стрельцов князя С. Д. Болховского, отправился в Среднее Поволжье, так что не стоит (см., например: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 703; Мининков Н. А. Неизвестная страница историографии похода Ермака: ростовская рукопись // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 60; История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 5. С. 129) выдавать Матвея за единственного оставшегося в живых атамана «дружины», сумевшей разгромить «кучумлян».

⁶¹ Оставляя Искер, Пан, видимо, располагал частью казаков своей станицы (тогда в ней состояло наверняка меньше, чем накануне «хождения» в Сибирь), из которых до Белогорья с учетом предыдущих потерь могли добраться немногим более половины. Считать, что там очутились 50 русских «воев», о чём сказано в КЛ, если принимать во внимание его происхождение, конечно, опрометчиво.

В. В. Митрофанов

**ПИСЬМА А. И. МАРКЕВИЧА С. Ф. ПЛАТОНОВУ:
1928–1929**

Переписка между академиком С. Ф. Платоновым и ставшим его стараниями членом-корреспондентом АН СССР А. И. Маркевичем после 1927 г. активизировалась. Если, начиная с 1893 г., сохранилось 34 письма,¹ то за 1928 г. и до 30 апреля 1929 г. их насчитывалось 23,² а с 14 мая по 21 декабря 1929 г. известно 18, кроме того, имеется одно письмо от 4 марта следующего, 1930, года.³

Сведения, содержащиеся в письмах, являются ценным источником для изучения политической обстановки в Крыму в 1920-е годы, издательской деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), творческих планов самого А. И. Маркевича. Для историографии важны запоминающиеся характеристики целого ряда упомянутых в них известных археологов. Эпистолярии позволяют существенно дополнить сведения о раскопках в Эски-Кермене, сообщают важные подробности конфликта между Н. И. Репниковым и Н. Л. Эрнстом.⁴ Определяется отношение А. И. Маркевича к высказанным археологами гипотезам и выводам, касающимся проведения этих археологических работ. Поэтому публикация в полном объеме писем 1928–1929 годов позволит уточнить, исправить, порой

¹ Митрофанов В. В. Письма А. И. Маркевича С. Ф. Платонову: 1894–1927 // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 37. М.; СПб., 2021. С. 101–145.

² ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 1–36.

³ Там же. Д. 3487. Л. 1–37 об.

⁴ Теркель Е. А. Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 212–223; 2008. № 22/23. С. 321–335; Непомнящий А. А. Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С. Ф. Платоновым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 1 (67). № 2. Симферополь, 2015. С. 76–88.

по-новому взглянуть на причастность как С. Ф. Платонова, так и А. И. Маркевича к организации изучения пещерного города, понять общий фон, на котором развертывалось исследование этого центра средневековой Крымской Готии. Продолжение издания переписки А. И. Маркевича и С. Ф. Платонова тем более актуально, что вопросы, связанные с раскопками Эски-Кермена, волновавшие археологов и в дальнейшем,⁵ остаются в центре исследовательского интереса и в наше время.⁶

Нарушая хронологическую последовательность событий и затронутых в письмах вопросов, остановимся на обзоре главной темы переписки 1929 г. — Эски-Кермен. Древний город не раз упоминается в письмах. А. И. Маркевич еще вместе с А. Л. Бертье-Делагардом составляли план предполагавшихся там раскопок к намечавшемуся в Крыму Археологическому съезду. Поэтому известному специалисту по истории Крыма была близка эта тема, и он радуется, что координация раскопок стала курироваться Академией наук, а присутствие немецких археологов в экспедиции горячо поддержано. Был высказан и совет относительно участия в раскопках Н. П. Репникова и Н. Л. Эрнста, каждый из них получил объективные оценки, однако симпатии остаются на стороне второго из упомянутых людей, который «заслуживает полного доверия».⁷ Для пользы дела, по мнению А. И. Маркевича, следовало бы пригласить Д. В. Айналова и А. А. Спицына. Кстати, последний, по словам самого А. И. Маркевича, однажды некорректно высказался о нем, что тот «в археологии „ничего не знает“».

Подробностями наполнено письмо от 24 мая 1929 г., во многих местах которого имеются подчеркивания адресата синим карандашом. Здесь высказывается поддержка Н. Л. Эрнstu, приводятся факты его порядочности в отношении бумаг А. Л. Бертье-Делагарда, что и подтвердилось позже.

А. И. Маркевич оказал значительную помощь и во время приезда немецких ученых, об этом он писал 9 и 13, 22, 28 сентября 1929 г.

⁵ Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59; Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 43–51.

⁶ Айбабин А. И., Хайретдинова Э. А. 1) Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. № 11. С. 21–28; 2) Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 24. Симферополь, 2019. С. 250–276; Айбабин А. И. Город фемы Херсонса на плато Эски-Кермен // Античная древность и средние века. Вып. 47. Екатеринбург, 2019. С. 20–28.

⁷ Здесь и далее тексты из публикуемых писем выделены курсивом и не оговариваются.

Летом этого года он не только встретился с С. Ф. Платоновым, но и побывал на раскопках. Кроме того, А. И. Маркевичу удалось выполнить посредническую миссию между Н. П. Репниковым и Н. Л. Эрнстом во время пребывания иностранных археологов, что особенно проявилось во время заключительного ужина, когда первый признал значение раскопок второго.

Эпопея с Эски-Керменом закончилась не совсем благополучно. Известно, что А. И. Маркевич вел финансовые дела по устройству немецких ученых. И дело сделал «аккуратно», но отчет на 300 рублей (в письмах называется сумма и 297 рублей 25 копеек) и остаток 12 рублей 40 копеек (указывалось и на 14 рублей)⁸ был послан в Академию и, вероятно, попал не по адресу. Это обстоятельство привело к некоторым неприятностям у С. Ф. Платонова.

Сам С. Ф. Платонов принимал непосредственное участие и координировал работу с немецкими археологами от Академии наук. Хронологию этих событий позволяют раскрыть «Дневник раскопок готского городища в Эски-Кермен»⁹ и уже упомянутое объемное дело под названием «Материалы о раскопках готского городища в Эски-Кермен в Крыму».¹⁰ Эти документы дают возможность дополнить сведения публикуемых источников.

17 февраля 1929 г. вопрос о раскопках Эски-Кермен обсуждался на открытом объединенном заседании ученого совета Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма, где с докладами выступили профессора Ю. В. Готье, Н. И. Репников и А. И. Анисимов. В рамках заседания была организована выставка с представленными планами, чертежами раскопок, копиями фресок и фотографиями. По итогам докладов и их обсуждения была принята резолюция, где подчеркивалась «большая методологическая ценность проводимых систематических работ по обследованию горного Крыма и его памятников», отмечался «большой научный интерес, выходящий за рамки СССР в постановке проблем пребывания готов в Крыму...», признавалось «необходимым продолжение научно-исследовательских экспедиционных работ по изучении Эски-Кермен...», высказывалось «пожелание о скорейшем опубликовании собранных материалов...».¹¹

В письме непременного секретаря Академии наук от 30 марта 1929 г. на имя С. Ф. Платонова его просили сделать доклад «о полу-

⁸ В телеграмме на имя С. Ф. Платонова от 9 сентября 1929 г. читаем: «300 рублей получил» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 703. Л. 41).

⁹ Там же. Д. 702. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Д. 703. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 1–2.

жении дела с „готскими“ раскопками в Крыму»¹² в Отделении гуманитарных наук Академии наук. Незадолго до этого историк уже выступал по указанному вопросу на заседании Президиума Академии наук. 16 апреля С. Ф. Платонов сказал: «По поручению Президиума от 30 марта с. г. довожу до сведения Отделения, что летом 1928 года Н. И. Репников на средства, данные Главнаукой РСФСР, производил раскопки пещерного города в пределах скалы Эски-Кермен (верстах в 12 от Бахчисарай). Результаты превзошли его ожидания: вместо обычного пещерного городка он нашел следы большого поселения с остатками солидной крепостной стены, с развалинами большой базилики, с значительным количеством погребений и т. д. Относя существование этого городка к эпохе более ранней, чем соседний Мангуп-кале, именно к V–XI векам, Н. И. Репников решил поставить гипотезу, что город на Эски-Кермен надлежит считать главным городом Крымских готов, известным под названием Дороса или Феодора¹³ и что Готы держались здесь до X–XI века, до разорения стен городских врагами, после чего население перешло в Мангуп. Эта гипотеза получила известность через прессу, как в СССР, так и за границей и вызвала большой интерес в среде германских археологов (Dr. Unverzagt, Dr. K. Schuchardt и др.) Известный знаток готского вопроса профессор Ф. А. Браун¹⁴ был приглашен председателем Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft доктором Шмидт-Оттом¹⁵ дать отзыв об Эски-Кермен. И хотя Ф. А. Браун и не разделял взглядов Н. И. Репникова на существование готских городов в V-ом и дальнейших веках, тем не менее, он указал на возможность и желательность возобновления разносторонних изысканий по готским древностям в Крыму, к чему разведки Н. И. Репникова дают хороший повод. После доклада Ф. А. Брауна д-р Шмидт-Отт обратился 11 марта с. г. с письмом к академику С. Ф. Платонову¹⁶ за предварительною

¹² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 703. Л. 3.

¹³ Интересно мнение А. И. Маркевича, приведенное в одном из писем, что и сам учений не может считать такое предположение «серьезным», а в другом письме А. И. Маркевич пишет о времени, когда будет открыт репниковский Дорос-Эски-Кермен.

¹⁴ Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. 392 с.

¹⁵ Общество поддержки немецкой науки (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft) было создано в 1920 г. по инициативе Фридриха Шмидт-Отта (Friedrich Schmidt-Ott), в то время министра по делам культуры Пруссии, и лауреата Нобелевской премии Фрица Хабера (Fritz Haber) в целях поддержки наук, в особенности молодых научных кадров. Членами общества были пять немецких академий и все университеты, входившие в Объединение высших учебных заведений.

¹⁶ Письмо Ф. Шмидт-Отта, как и перевод С. Ф. Платонова, публикуются впервые: «Berlin. Den 11 März 1929 (подчеркнуто синим карандашом С. Ф. Платоновым).

справкой о том, можно ли думать о совместной работе в Крыму по готскому вопросу германских и русских ученых. Ввиду того, что как в среде академиков АН СССР..., так и в Академии истории материальной культуры (заседания 28 марта и 4 апреля Крымской комиссии Академии) мысль о возможности участия германских ученых в крымских изысканиях встретила сочувствие академика С. Ф. Платонова, на вопрос д-ра Шмидта-Отта он ответил положительно (в письме от 6 апреля с. г.). В настоящее время имеются сведения, что вскоре последует обращение из Берлина к АН СССР по данному делу (телеграмма д-ра Ионаса от 10 апреля с. г.) и СГН могло бы уже теперь высказать пожелание, чтобы удачно начатые в Крыму археологические исследования продолжались и в текущем году и выразить полное сочувствие мысли о совместной научной работе германских

Hochgeehrter Herr Professor! Durch Herr Professor Braun erfahreich von Verhandlungen, die seitens der Akademie der Sowjet-Union über die Krimgotenfrage gerflogen werden. Ich nehme an diesen Arbeiten, seit den durch Herrn Dr. Petroff gemachten Mitteilungen leb fart es Interesse, weil mir die Gotenforschung, die Notgemeinschaft bereits in Spanien in Angriff genommen hat, für eine international Verständigung zwischen deutscher und russischer Wissenschaft nicht ungeeignet erschein. Ich vermag allerdings, zumal bei der starken Inanspruchnahme unserer Fonds, im Augenblick wegen finanzieller Beteiligung keinerlei Zusage zu machen. Immerhin würde es mich interessieren zu hören, wie Sie über die Sache denken und ob ein Zusammenwirken mit deutschen Gelehrten auf diesem Felde in Betracht kommen könnte.

Mit Dank gedenke ich stets unseres Zusammentreffens in Leningrad und der Güte, die wir in Ihrem Hause erfahren haben. In alter Verehrung. Ihr ganz ergebener Staatsministre. Dr. F. Schmidt Ott.

Herrn Professor S. F. Platonow, tglied der Akademie der Wissenschaften, Leningrad, Universitaetskaja Naberezhnaja 5».

Здесь же имеется перевод, написанный рукой С. Ф. Платонова: «Берлин. 11. III. 1929. Глуб[окоуважаемый] г[осподин] профессор!

От г. проф. Брауна я узнал о рассуждениях по вопросу о крымских готах, которые ведутся со стороны АН СССР. Со времени сделанных г[осподином] д[октором] Петровым сообщений я живо заинтересован в этих (его) работах, так как изучение Готского вопроса, к которому die Wissenschaft уже приступила в Испании, кажется мне подходящим для (установления) международного взаимопонимания между немецкой и русской наукой.

Конечно, я не в состоянии в настоящий момент — в особенности при больших требованиях, предъявляемых к нашим фондам, — что-либо обещать касательно финансового участия; тем не менее меня очень интересовало бы знать, что Вы думаете об этом деле и можно ли было бы думать о совместной работе с немецкими учеными на этом поприще?

Я всегда с благодарностью вспоминаю нашу встречу в Ленинграде и добрый прием, который мы испытали в Вашем доме.

С давним уважением совершенно Вам преданный Dr. F. Schmidt Ott» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5154. Л. 2–4 об.).

и русских ученых. Положено: согласиться с заключением докладчика и представить в ОС. Академик-секретарь Платонов».¹⁷

Затем архивные материалы свидетельствуют о начале обширной переписки учреждений ГАИМК, С. Ф. Ольденбурга, Севастопольского музея краеведения, С. Ф. Платонова и других заинтересованных лиц и учреждений.

19 апреля 1929 г. С. Ф. Платонов получил письмо от Севастопольского музея краеведения, где разъяснялась ситуация о возможности устройства советско-германской археологической экспедиции в Крым, об организации которой пока ничего определенного решено не было.

1 мая С. Ф. Платонов получил известие от д-ра Шмидт-Отта о «желании названной организации командировать одного из немецких ученых для ознакомления с проектируемыми археологическими раскопками в Крыму». 15 мая об этом было доложено на заседании Отделения Академии наук.¹⁸ 20 мая Академия наук просила Отдел научных учреждений оказать содействие в получении визы для немецкого ученого. 6 июня С. Ф. Платонову отправлена телеграмма из Берлина, где сообщалось о том, что вопрос, кого командируют в Крым, пока не решен.¹⁹ 29 июня С. Ф. Платонов просит определиться с участником экспедиции, чтобы начать решать вопрос с визой. С. Ф. Платонов лично встречается с Е. П. Вороновым и сотрудником Отдела научных учреждений Н. П. Горбуновым для решения связанных с экспедицией вопросов. 1 июля в переписку с С. Ф. Платоновым включается Н. П. Горбунов. 2 июля на имя С. Ф. Платонова отправлено письмо из Берлина от Ф. Шмидт-Отта.²⁰

В деле имеется смета средств, выделенных на раскопки в 1929 г., на сумму 24460 рублей, из которых на раскопки Эски-Кермен выделено 18461 рублей.

С. Ф. Платонов информирует немецких коллег о времени раскопок в Крыму с 10 августа по, примерно, 10 сентября и приветствует желание профессора Зауера и д-ра Финдэйзена прибыть на раскопки.²¹

9 сентября С. Ф. Платонов сообщает в Академию наук о прибытии 8 числа немецких гостей, которые намеривались пробыть три дня, а также о подтверждении гипотезы Н. П. Репникова о датировке города VI веком.²²

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5154. Оп. 1 Ч. 4. Л. 7–7 об.

¹⁸ Там же. Л. 9, 12.

¹⁹ Там же. Ч. 1. Д. 703. Л. 16.

²⁰ Там же. Л. 26.

²¹ Там же. Л. 35.

²² Там же. Л. 40.

В недавней статье²³ известный современный исследователь истории Крыма А. А. Непомнящий пишет о «неизвестной рукописи», «неизвестном ранее документе»: «24 сентября 1929 года С. Ф. Платонов сообщил на заседании президиума Отделения гуманитарных наук АН СССР о полученной телеграмме Н. И. Репникова и общих результатах археологических работ в Эски-Кермене. Первым документальным отчетом о проделанной работе стал подготовленный Н. И. Репниковым „Рапорт об Эски-Кермене“, направленный „академику Сергею Федоровичу Платонову“. Этот неизвестный ранее документ датирован 10 октября 1929 года. Он выявлен нами в „Материалах о раскопках готского города Эски-Кермен в Крыму“ в „Архиве С. Ф. Платонова“».²⁴

В заключение этой активной деятельности С. Ф. Платонов выступил 9 ноября 1929 г. на заседании Президиума Академии наук, где сообщил о работах в Крыму.

С. Ф. Платонов сам приезжал в Крым, о чем свидетельствуют командировочные отчеты: билеты на дорогу от Ленинграда до Симферополя — 74 рубля 50 копеек, затем до Эски-Кермен — 46 рублей 50 копеек, суточные на 12 дней (дорога и пребывание) — 120 рублей, итого 231 рубль.²⁵

Таким образом, С. Ф. Платонов находился в центре событий по организации раскопок в Эски-Кермен в 1929 г. Он являлся координатором переписки с немецкими учеными, был в контакте с официальными лицами в Москве, несколько раз выступал с докладами по вопросам организации раскопок, сам выезжал на место их проведения, что свидетельствует об авторитете историка в среде ученых-археологов, в том числе и немецких. Эта напряженная работа подтверждается и письмами А. И. Маркевича. Тем не менее, порой встречаются иссле-

²³ Непомнящий А. А. «Рапорт об Эски-Кермене» Н. И. Репникова академику С. Ф. Платонову: неизвестная рукопись // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 78–83.

²⁴ Там же. С. 79. Однако еще в 2014 г. на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани был представлен доклад, где этот документ был указан и цитировался: «24 сентября С. Ф. Платонов докладывает в АН о сведениях, полученных Н. П. Репниковым [Л. 44]. 29 сентября Н. П. Репников отправил телеграмму С. Ф. Платонову с сообщением об окончании 19 сентября работ и открытии водопроводных гончарных труб, которые датировал V–VI веками [Л. 42]. 10 октября датируется рапорт о раскопках Эски-Кермен, составленный Н. П. Репниковым на имя С. Ф. Платонова [Л. 45–48 об.]» (Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и раскопки в Эски-Кермен в 1929 г. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 5. Казань, 2015. С. 184–186). Этот же вопрос кратко рассматривался и в другой, более ранней публикации (Митрофанов В. В. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в Российской провинции. Нижневартовск, 2014. С. 96–101).

²⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 703. Л. 49.

дования об Эски-Кермене, где фамилия С. Ф. Платонова не упоминается.²⁶

Небезынтересны строки писем, позволяющие увидеть, как А. И. Маркевич издалека следил за разносторонней деятельностью С. Ф. Платонова. Источниками информации были пресса, изданные исследования, переписка с другими корреспондентами. Так, он обратил внимание на фотографию, помещенную в «Огоньке»,²⁷ на которой у друга вид был «значительно хуже», чем при их личной встрече в 1927 г. А. И. Маркевичу известен факт выхода известного очерка, посвященного А. С. Пушкину. Когда С. Ф. Платонов возглавил Пушкинский Дом, он стал активно разрабатывать малоизученную тему об истории пребывания великого поэта в разных местах России. В частности, из-под пера С. Ф. Платонова выходит, в позднейшей оценке С. О. Шмидта, «образец краеведческой литературы»²⁸ — исторический очерк «Далекое прошлое Пушкинского уголка» (1927 г.), первое глубокое научное исследование о пушкинских местах Псковского края. С. Ф. Платонов продолжал оказывать помощь провинциальным историкам и выступил редактором очерка П. М. Устимовича,²⁹ который был опубликован не без протекции академика. Известно, что С. Ф. Платонов готовил выступление в Псковском доме работников просвещения — лекцию на тему «Пушкин и его изучение за последние годы».³⁰ В этой связи следует упомянуть и исследование С. Ф. Платонова, о котором не раз шла речь в публикуемых письмах.³¹

²⁶ Абрамова Н. А. Исследование «Пещерного города» Эски-Кермен в 20-е и 30-е годы XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2015. № 7. С. 106–117.

²⁷ Сергей Федорович Платонов (Автобиография академика С. Ф. Платонова, написанная для «Огонька» // Огонек. 1927. № 35. С. 10–11. Здесь помещены два портрета ученого, один небольшой овальный (1884), второй — на четверть страницы журнала с подписью: «Академик С. Ф. Платонов у себя в кабинете», фотограф В. В. Пресняков.

²⁸ Советская историография. М., 1996. С. 222.

²⁹ Устимович П. М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927. 54 с.

³⁰ Псковский набат. 16.12.1927.

³¹ Платонов С. Ф. Пушкин и Крым (Памяти Б. Л. Модзалевского). С приложением письма проф. С. Адрианова — Пушкин и Крым // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59). Симферополь, 1928. С. 1–6. Эта публикация — не только дань памяти авторитетного литературоведа-пушкиниста (Дневник Пушкина, 1833–1835. М., 1923. 275 с.), но и выполнение просьбы А. И. Маркевича о присылке своих работ для «Известий», что С. Ф. Платонов делал и ранее (Платонов С. Ф. 1) Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 182–186; 2) Из воспоминаний // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 1 (58). Симферополь, 1927. С. 132–137).

Кроме того, следует упомянуть, что под редакцией С. Ф. Платонова вышли письма А. С. Пушкина к Е. М. Хитрово³² и книги М. Д. Беляева и А. А. Платонова;³³ академик способствует также передаче в Пушкинский Дом коллекции материалов Пушкина и о Пушкине (собранной в Париже А. Ф. Онегиным-Отто), выступает (в 1926 г.) с докладом к столетию со времени кончины писателя и историка Н. М. Карамзина, «драгоценной для россиян» памяти которого А. С. Пушкин, «гением его вдохновленный», посвятил своего «Бориса Годунова».³⁴

А. И. Маркевичу стало известно, что С. Ф. Платонов выступал с докладом о П. М. Строеве, и хотел получить этот текст. Из «Известий» специалист по истории Крыма узнает о Немецкой неделе и участии в ней С. Ф. Платонова, где он представил интересный доклад.³⁵ Сожалением А. И. Маркевич писал о пропущенном поздравлении с 200-летием библиотеки Академии наук, директором которой был С. Ф. Платонов с 22 августа 1925 г. по сентябрь 1928 г. Кстати, известен очерк по истории этой библиотеки.³⁶ В 1929 г. появилась информация о докладе С. Ф. Платонова в ОПИКе, который был охарактеризован как «дивный». Вскоре после избрания С. Ф. Платонова академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук в 1929 г. он получает искренние и теплые поздравления из Крыма. А. И. Маркевич обратил внимание и на упоминание в «Красной газете» о нездровье академика. Следовательно, кроме ответных писем, о которых не раз упоминается, были и другие каналы информации, доносившие до А. И. Маркевича сведения о научной и личной жизни друга.

Стараниями А. И. Маркевича продолжал издаваться сборник «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Среди предполагавшихся для второго тома авторов упомянуты Г. В. Вернадский, Б. Д. Греков. Для третьего тома «Известий» прислал статью А. И. Соболевский, там же опубликована статья Н. Л. Эрнста.³⁷ Со-

³² Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. 400 с. (Труды Пушкинского Дома. Вып. 48).

³³ Беляев М. Д., Платонов А. А. Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837–1927. Л., 1927. 27 с.

³⁴ Шмидт С. О. Послесловие к reprintному изданию книги С. Ф. Платонова «Далекое прошлое Пушкинского уголка: Исторический очерк» // Шмидт С. О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 493.

³⁵ Подробнее см.: Митрофанов В. В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С. Ф. Платонова. Нижневартовск, 2005. С. 93–128.

³⁶ Библиотека Академии наук СССР, 1728–1929. Краткий исторический очерк и путеводитель. Л., 1929. 115 с.

³⁷ Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1929. С. 15–43.

общается, что Н. И. Репников поставил ряд условий о порядке помешания его статьи,³⁸ которые, правда, не были перечислены.

Эти выпуски «Известий» Таврического общества И. Ю. Крачковский назвал «своеобразной энциклопедией по истории и культуре Крыма, которая долго будет служить путеводной нитью для всех исследователей края».³⁹

Интересны оценочные суждения о целом ряде известных краеведов и ученых. Например, высказано удивление карьерным скачком и переводом в Москву К. Э. Гриневича, которому способствовал Н. Ф. Петров. А. И. Маркевича возмутила, прежде всего, «нравственная сторона» поведения бывшего директора Керченского и Херсонесского музеев. О предполагаемом назначении В. Ф. Смолина директором Херсонесского музея написано, что оно «было бы очень удачным», а когда назначение состоялось, с удовлетворением отмечено, что оно «не только удачное, но и счастливое».

Немало строк посвящено начавшимся преследованиям и гонениям на представителей науки. Например, на С. А. Жебелева,⁴⁰ что «сильно огорчило» А. И. Маркевича. Ему «жалъ» Г. А. Замятин, которого изгнали в 1929 г. из Воронежского университета.⁴¹ Заметим, что известный краевед и знаток русско-шведских отношений XVII в. находился в переписке с С. Ф. Платоновым.⁴² Такие же методы стали применять и в Крыму, например, по словам А. И. Маркевича, «сильно ополчились» и «травят» Мамута Недима. Эти действия со стороны власти приводило к однозначному выводу: «*Опека, очевидно, над наукой не ослабевает, а растет...*».

³⁸ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник. 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 107–152.

³⁹ Крачковский И. Ю. Отзыв о научной деятельности А. И. Маркевича // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2. Симферополь, 2008. С. 577.

⁴⁰ Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. 2. СПб., 2000. С. 116–161; Шишкун В. А. Академик С. А. Жебелев и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 288–295. Такая трагическая ситуация заставила С. А. Жебелева опубликовать покаянное письмо (Ленинская правда. 1928. 30 ноября). По сведениям Ф. Ф. Перченка, его написал от имени археолога С. Ф. Ольденбург (Перченок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 184).

⁴¹ Акиньшин А. Н. Трагедия краеведов: по следам архива КГБ // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 214, 225.

⁴² Одиноков А. Н. Из эпистолярного наследия Г. А. Замятин // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН. 22 декабря 2008 г. Великий Новгород, 2009. С. 171–182.

А. И. Маркевич с интересом следил за полемикой между Е. Д. Поливановым и Н. Я. Марром. Известно, что 4 февраля 1929 г. ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ⁴³ выступил против академика⁴⁴ с конструктивной критикой яфетической теории. Сторонники Марра одержали победу, но только на два десятка лет, и в результате новой дискуссии 1950 г. теория была признана лженаучной, антимарксистской.⁴⁵ Ситуация будет становиться все более тревожной, о чем свидетельствует и письмо от 14 февраля 1929 г., где читаем: «но самодержавия и деспотизма в науке не люблю...». В этом состояло кредо известного специалиста по истории Крыма, его научная и общественная позиция.

Радуется А. И. Маркевич заслуженному избранию А. В. Орешникова — известного специалиста в области античной нумизматики — в члены-корреспонденты Академии наук,⁴⁶ огорчается смерти Б. Л. Модзалевского, М. М. Богословского⁴⁷ и А. И. Соболевского.

Внимательный взгляд многоопытного краеведа, знатока истории Крыма позволяет заметить тревожные тенденции, принимавшие «нерусский облик», что и нашло отражение в «статье», которую просит побыстрее опубликовать.

Немало подробностей узнаем о статьях, которые А. И. Маркевич готовил, переделывал, сокращал, отсыпал их С. Ф. Платонову, оказывавшего значимую помощь в их публикации в журналах «Известия АН СССР» и «Вестник знаний». Известен случай, когда С. Ф. Платонов 27 декабря 1928 г. обращался к И. Ю. Крачковскому за советом

⁴³ Ларцев В. Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988. 327 с.; Поливанов Е. Д. Заключительное слово. Из стенограммы 25 февраля 1929 г. // Поливанов Е. Д. Труды по общему и восточному языкознанию. М., 1991. С. 547; Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Сборник научных статей, посвященный 110 годовщине со дня рождения Е. Д. Поливанова. Смоленск, 2001. 348 с.

⁴⁴ Корнилов Н. В. Академик Н. Я. Марр (к 150-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. С. 271–283.

⁴⁵ Вельмезова Е. В. Лингвистическая дискуссия 1950 года как «спор» Марра и Сталина о законах // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3. № 4. С. 75–89.

⁴⁶ Сперанский М. Н. Алексей Васильевич Орешников (Некролог) // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. 1933. № 6–7. С. 413–416; Арциховский А. В. Памяти А. В. Орешникова // Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955. С. 7–13 (Труды ГИМ. Вып. 25).

⁴⁷ С. Ф. Платонов находился в дружеских отношениях с выдающимся учеником В. О. Ключевского, между ними шла регулярная «продолжающаяся всю жизнь» переписка. С. О. Шмидт назвал М. М. Богословского «близким ему (С. Ф. Платонову. — В. М.) москвичом» (Шмидт С. О. Предисловие // Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. В двух томах. Т. 1. М., 2003. С. 7).

по одной из статей, о которой идет речь и в письмах: «Многоуважаемый Игнатий Юлианович! Сюжет прилагаемой статьи А. И. Маркевича, быть может, Вас интересует. Если Вы взглянете на нее, я буду спокойнее, хотя лично ничего сомнительного в ней, в ее теперешнем виде, не нахожу. Во всяком случае от себя перешлите ее в издательство. За что заранее приношу Вам мою благодарность. Преданный Вам С. Платонов».⁴⁸

Был и курьезный, а скорее, неприятный случай, когда А. И. Маркевич, получив гонорар, должен был его возвращать ввиду отклонения статьи. Порой за публикации критики подвергался не только автор, но и те, кто ему помогал. Так было после выхода в свет статьи «Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» в рецензии А. Таксера с показательным названием.⁴⁹ Автор обвинил крымоведа в «сознательном искажении исторических фактов в целях оправдания варварской колонизаторской политики царизма», а С. Ф. Платонова в том, что академик «представил эту статью».

Замечательный краевед и исследователь истории Крыма помнит о смерти академика П. А. Вяземского, близкого друга А. С. Пушкина, поэта, воспевавшего Крым,⁵⁰ и работает над статьей по этому вопросу. Есть упоминания и о других исследованиях, ряд из них остаются неопубликованными до сих пор.

Упомянут факт подготовки Всесоюзного археологического съезда. По итогам Второй Херсонесской конференции 1927 г. была принята резолюция, восьмой пункт которой прямо указывал на «Созыв Всесоюзного археологического съезда» в 1928 г. в Москве.⁵¹ Запущенный организационный механизм заглох в 1929 г.

Несмотря на почтенный возраст, А. И. Маркевич строит планы работать в архиве Артиллерийского музея в Ленинграде, в Лефортовском в Москве, но вести дела в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии ему тяжело, поэтому хочет оставить пост председателя.

Выражается надежда на скорое свидание с С. Ф. Платоновым в Ленинграде, но этого не произошло. В ночь с 12 на 13 января 1930 г.

⁴⁸ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. С. 272.

⁴⁹ Таксер А. Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму. По поводу работы А. И. Маркевича «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» // Новый Восток. 1930. № 28. С. 232–239.

⁵⁰ Вяземский П. А. 1) К ружью! СПб., 1854. 31 с.; 2) Сонеты Мицкевича // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 65–71.

⁵¹ Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. По случаю столетия Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 63.

С. Ф. Платонов был арестован. Надеясь, что это недоразумение и он вскоре будет отпущен, А. И. Маркевич пишет академику письмо, датированное 4 марта, при этом адресант не уверен, скоро ли послание найдет адресата.

Письма содержат немало подробностей о семейных делах А. И. Маркевича, его материальном положении. Поэтому часто встречаются строки о пенсионном обеспечении, заработной плате. Сложная ситуация (в письме от 8 января 1929 г. сообщается: «*Мое материальное положение прямо отчаянное*») заставляла обращаться за содействием, порой эти просьбы были подробными и частыми, требующими подключения третьих лиц. Среди радостных моментов — упоминания о дочери, зяте и внуке.

Порой А. И. Маркевич просит и за других. Интересен сюжет о Надежде Сергеевне — сестре А. С. Лаппо-Данилевского. Взаимоотношения между С. Ф. Платоновым и последним хорошо известны.⁵² Сам А. И. Маркевич отзывался на смерть А. С. Лаппо-Данилевского известной статьей, где первым обратил внимание на новое направление научной деятельности историка.⁵³

Публикуемые письма наполнены разносторонними сведениями с упоминанием имен многих видных деятелей науки, историков и археологов, изучавших Крым. Кроме того, переписка С. Ф. Платонова и А. И. Маркевича является свидетельством теплых, дружеских отношений между одним «из наиболее выдающихся специалистов по русской истории...»⁵⁴ и «столпом крымоведения».⁵⁵ Их письма позволяют через личные коммуникативные связи обратить внимание на протекавшие в конце 1920-х годов процессы в науке и обществе, увидеть, как непросто, порой трагически заканчивалась жизнь людей, причастных к научному сообществу. Они же свидетельствуют о надвигающейся грозе под названием «Академическое дело».

⁵² Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 22; Брачев В. С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1997. С. 44–45, 50–51 и др.; Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 1999. С. 128–165; Ратьковский И. С. Пересядки судеб. А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов и Б. Д. Рязанов в 1918 г. // Клио. 2013. № 12 (84). С. 112–115.

⁵³ Маркевич А. И. Архивно-археологическая деятельность академика А. С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 160–166.

⁵⁴ Мильюков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) // Современные записки. Т. 51. Париж, 1933. С. 311.

⁵⁵ Калмыкова М. М. «Столпу крымоведения...» // Крымский архив. 2001. № 7. С. 328–333.

№ 35

Симферополь, Архивная, 28
18/II-1928

Дорогой Сергей Федорович!

Час тому назад Вы заставили меня всплакнуть. Но это были слезы не горя, а умиления, и как я хотел бы сейчас обнять Вас и поблагодарить за них...¹

Сердечное спасибо за внимание, оказанное Вами нашей Кате, спасибо за переданное мне ею согласие дать еще статейку для наших «Известий» (говорю «статейку», не смея рассчитывать на большее) и за чудное слово, произнесенное Вами 29/I в память Пушкина, которое «своими словами» передала Катя в только что полученном нами письме.

Лучше того, что сказали Вы, нельзя было сказать. А вот что плохо. В академическом, т. е. посвященном академии № «Огонька» помещен Ваш портрет,² и Вы на нем вышли значительно хуже сравнительно с видом Вашим летом прошлого года в Херсонесе. Дочь писала, что Вы были больны гриппом и недомогаете. Поэтому прошу и молю Вас, берегите себя, избегайте всякой возможности простудиться в это предательское время года и постараитесь побольше и получше отдохнуть летом, и хорошенько погреться на солнышке. Если изберете для этого Крым, то, надеюсь, дадите нам возможность повидать Вас. Нового съезда уже не устроим. А мне предстоит полный отдых: исполняется 10 лет службы в высш[ем] уч[ебном] заведении, и с некоторым увеличением пенсии надо будет уходить в отставку. И пора уже, через месяц мне стукнет 73 года. Хотелось бы только закончить некоторые свои работишкы и после этого сказать «довольно».

Сейчас у нас пренеприятное время. Февраль здесь — худшее время года: холод, сырость, снег, гололедица, слякоть — вот его прелести. В городе повальный грипп, полторы недели пролежала и Анна Николаевна, сегодня поднялась, но еще кашляет, чувствует слабость и принимает микстуру. Радуемся, что Катя, внук и зять здоровы, но всегда боишься за них. Я держусь кое-как, но в холодное время работаю мало и плохо, и чувствую себя сносно, а иногда и хорошо только в теплое время.

¹ Здесь и далее многоточие в ркп.

² Платонов С. Ф. Автобиография // Огонек. 1927. № 35. С. 10–11.

Рад, что Вы так сильно связали свои работы с Пушкиным. Г. В. Вернадский прислал мне оттиск, предназначавшийся для наших «Известий» и напечатанный в сокращенном виде в одном итальянском издании на тему: «Пушкин как историк».³

Вы, конечно, знаете эту работу. Если нет, и если не познакомит Вас с нею В. И. Вернадский, я Вам вышлю эту брошюру.

В заключение еще раз большое, сердечное спасибо Вам за внимание к Кате, а равно и ко мне. Анна Николаевна поручила мне и от нее благодарить Вас и вместе со мной передать привет и ее Надежде Николаевне.

Искренне преданный Вам, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 1–2 об.

№ 36

3/III-[1]928

Дорогой, глубокоочтимый Сергей Федорович!

Сейчас я только взял листик бумаги, чтобы писать Вам, как привнесли Ваше письмо от 26/II. Целую неделю шло оно. Спасибо большое за обещание дать статью, о которой Вы говорили мне, когда мы возвращались из Севастополя в Херсонес во время съезда.⁴ Эта присылка будет лестна для издательства «Изв[естий] Общ[ества] ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии]», а для меня особенно дорога. Кстати, мы получили субсидию от Главнауки и думаем начать печатание книги незамедлительно, как только выясним материал для нее и сговоримся с типографией. Поправляйтесь, выздоравливайте, а статью присылайте без переписки. Напечатаем исправно, об этом не беспокойтесь. Вам будет 25 оттисков (и, разумеется, книга), а если захотите получить больше, то придется уплатить за бумагу и набор. Но главное — поторапливайтесь. Желаем скорейшего и полного выздоровления и Надежде Николаевне.

Статью Г. В. Вернадского сегодня же отыщу и вышлю Вам на днях.

³ С докладом под таким же названием Г. В. Вернадский выступал на заседании Таврической ученой архивной комиссии, посвященном памяти А. С. Пушкина 18 октября 1920 г., см.: Вернадский Г. В. 1) Пушкин как историк // Преподавание истории в школе. 1998. № 8. С. 3; 2) Пушкин как историк // «Образ совершенства». Из наследия первой эмиграции. М., 1999. С. 21.

⁴ 10–13 сентября 1927 г. в Херсонесе состоялась Вторая конференция археологов СССР, посвященная 100-летию херсонесских раскопок.

Карьерой Гр[иневича]⁵ и мы удивлены, нравственная сторона ее очень несимпатична. Жалко, как человека и как здешнего работника, много сделавшего в Керчи и, особенно, в Херсонесе, в течение недолгого времени. Честолюбие в нем заглушило все другие стороны его души. Может быть, он еще опомнится, но как бы не было поздно.

Горячо жму Вашу руку.

Ваш весь душой, А. Маркевич.

Т. к. субсидия дана нам небольшая, то мы по прошлогоднему прибегаем к самообложению: кто сколько может дать, все будет наполовину.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 3–4.

№ 37

Симферополь, Архивная, 28
1/IV-1928

Дорогой Сергей Федорович!

Совестно мне надоедать Вам, зная, как перегружены Вы в настоящее время работой, но умоляю Вас прислать Вашу статью как можно скорее, так как отсутствие ее замедляет печатание наших «Известий». Медлит с присылкой и Б. Д. Греков, надеюсь, что № будет очень приличный.

У нас все еще нет тепла и весной даже не пахнет. А приближается Пасха, особенно здесь теплая. Очевидно, «все⁶ изменилось над нашим зодиаком».

Как бы я хотел слышать Вашу речь о Строеве!⁷ И как тяжело сознание этой полной невозможности. Ждем Катю и внука, хотя с запозданием они приедут из-за болезни детей по соседству с нами.

Всего, всего Вам доброго. На меня же не сердитесь за надоедливость и простите ради наступающей Пасхи.

Ваш всей душой, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 5–5 об.

⁵ Э. К. Гриневич работал директором Керченского музея, с 1924 г. — Херсонесского, с 1927 г. — в Москве: заместитель заведующего музейным отделом НКП РСФСР, ученый секретарь ВОСК, с 1928 г. — действительный член ИА РАНИОН.

⁶ Далее слово зачеркнуто.

⁷ Строев Павел Михайлович(1796–1876) — историк, археограф и библиограф, академик Санкт-Петербургской Академии наук. Выступление С. Ф. Платонова было опубликовано много лет спустя: Шмидт С. О. Речь академика С. Ф. Платонова на торжественном заседании в память 100-летия Археографической экспедиции 30 марта 1928 // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 362–366.

№ 38

Симферополь, Архивная, 28.
14/IV-1928 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Поздравляем еще раз с наступившим праздником, прошу принять сердечную мою благодарность за статью о Пушкине.⁸ Печатание нового выпуска наших «Известий» начнется на днях. Если бы Вы жалели получить более 25 оттисков, то их придется оплачивать за Ваш счет. Уведомьте. Разумеется, мы не будем в претензии, если Вы поместите эту же статью и в сборник в «Память Б. Л. Модзалевского»,⁹ неожиданная кончина которого и нас сильно огорчила. В субботу проф[ессор] Петухов¹⁰ сделает доклад в нашем Обществе о нем как ученом и человеке. Представляю себе, как Вас опечалила эта потеря. Вчера я получил вырезку из «Красной газеты», присланную мне Катей, со статьей Вашего зятя.¹¹ Какая милая, прекрасная статья. Завтра приезжает Катя к нам на все лето, к большой нашей радости. Анна Ник[олаевна] вместе со мною шлет сердечный привет Вам, Надежде

⁸ Платонов С. Ф. Пушкин и Крым (Памяти Б. Л. Модзалевского) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59). Симферополь, 1928. С. 1–6. После статьи имеется сделанная С. Ф. Платоновым приписка: «Предыдущая статья была доложена в публичном собрании Пушкинского Дома в Ленинграде в январе 1928 года». Далее следует текст о выступлении в прениях по этому докладу С. А. Адрианова. Эта работа переиздана см.: Митрофанов В. В. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск, 2014. С. 233–241.

⁹ Модзалевский Борис Львович (1874–1928) — генеалог, библиограф, редактор, литературовед-пушкинист, историк русской литературы, публикатор и комментатор сочинений А. С. Пушкина, член-корреспондент РАН (1918) и АН СССР (1925). Один из создателей Пушкинского Дома. Подробнее см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001; Модзалевская Т. Л. Лев Борисович Модзалевский. Страницы жизни. СПб., 2009. 114 с.

¹⁰ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948) — историк литературы и педагог, знаток древнерусской словесности, крымский пушкинист, член-корреспондент РАН, профессор Таврического университета.

¹¹ Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) — доктор филологических наук, исследователь творчества А. С. Пушкина, заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома.

В вечернем выпуске газеты были помещены траурные объявления от имени родственников покойного, от Академии наук и Пушкинского Дома, а также от правления Общества друзей Пушкинского заповедника (Красная газета. 1928. 4 апреля. № 93. С. 1).

Николаевне и всей Вашей семье. Хорошенько поправляйтесь на многие годы.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 6–6 об.

№ 39

Открытое письмо

Симферополь, Архивная, 28. 13/V-1928

Дорогой Сергей Федорович!

Узнал о новом заболевании Надежды Николаевны и прошу передать ей и принять наши пожелания скорейшего выздоровления. Ужасная зима и такая же весна этого года причинила везде и всем много бед. У нас теплая погода еще не установилась, внук уже успел схватить ангину, от которой еще не оправился и т. д. Печатание «Известий» началось, но идет медленно из-за недостатка сил типографии. Что-то и академические издания слабо подвигаются. Всего хорошего.

Ваш А. Маркевич.

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: В к. 6. VII акад. ставки
чен. ВУЗа.*

Неточность: 10/VII (1/2) 17/VII печатных (преподавание).

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 7–8.

№ 40

Симферополь. 22/VII-1928. Архивная, 28

Дорогой Сергей Федорович!

Я очень обрадовался, прочитавши в «Известиях СССР» о том, что Вы участвовали в Берлине в «Неделе русской истории»,¹² делали сообщение на тему «Проблемы Севера России»¹³ и т. д. Эта поездка и связанные со съездом в Берлине впечатлениями, знакомствами и т. д. отвлекли Вас, конечно, от горьких переживаний, связанных с Вашей потерей,¹⁴ хоть немножко успокоили Вас. Мое письмо по поводу кончины Надежды Николаевны Вы, вероятно, получили до отъезда из Пе-

¹² Неделя советской исторической науки состоялась в Берлине 7–14 июля 1928 г.

¹³ Доклад С. Ф. Платонова был опубликован, см.: Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // ЛЗАК за 1927–1928 гг. Вып. 35. Л., 1929. С. 105–114.

¹⁴ Речь идет о смерти Н. Н. Платоновой (жены С. Ф. Платонова) 28 июня 1928 г.

тербурга в Берлин.¹⁵ Очень хотел бы знать побольше об этом съезде, об отношениях между историками-марксистами, индивидуалистами и т. д., об участии в съезде р[усских] историков эмигрантов и т. д., и как я хотел бы узнать об этом именно от Вас. Но это «но», не буду, очень много, и приходится ждать хоть каких-нибудь косвенных и, конечно, неточных и неверных, главное, случайных сообщений. Во всяком случае, я рад, что этот съезд русских ученых, по-видимому, был удачен.

А я, несчастный, сижу в душном теперь до крайности Симферополе, не имея возможности, проще — денег, для поездки к морю и отдыха хоть на короткое время, отправляю только Анну Ник[олаевну] на недельку в Алушту к Кате на необходимый ей отдых от забот, хлопот всякого рода, дома работает не по силам.

На меня, теперь, как на одного Макара, сыплются шишки одна за другой и ударяют меня все больнее и больнее. Вот два последние удара: Восточное отделение нашего Крымского педаг[огического] инст[итута] возвело меня в звание профессора (я состоял официально в звании доцента). Правление с сочувств[ием] послало ходатайство об утверждении меня в Главнауку, и вот, спустя несколько месяцев, получаю ответ, что я утвержден в звании доцента, в котором состоял девять лет. На новый запрос ректора об этом «недоразумении» опять через несколько м[есяц]ев получен на днях ответ № 47 об утверждении меня в звании сверхштатного (по возрасту) профессора (с окл[адом] 85 р[ублей] в мес[яц]).

А вот другой удар по голове. Ректор возбудил ходатайство об увеличении пед-научной пенсии, данной мне год назад (60 р[ублей] в месяц) за 50 лет непрерывной службы по нар[одному] образованию или хотя бы для меня академической за выслугу 10 лет в ВУЗе, что дает мне маленькое увеличение пенсии. В ответ, опять спустя месяца четыре, получаю вчера уведомление, что мне назначена академическая пенсия в размере половины получаемого мною жалования, т. е. 40 р[ублей] в мес[яц] и, т[аким] обр[азом], пенсия мне не увеличена, а еще уменьшена. Что делать, я не знаю. Ректор и проректор в отъезде. Помогите мне, Сергей Федорович, в этой новой беде. Не можете ли Вы замолвить за меня, т. е. обо мне словечко в Москве, напр[имер], М. Н. Покровскому¹⁶ и попросить пересмотреть мое дело о пенсии. Ведь двух пенсий получать нельзя. Мне 73 г., и, во всяком случае, служба мо-

¹⁵ Это письмо отсутствует.

¹⁶ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — историк-марксист, общественный и политический деятель. С мая 1918 г. до конца жизни — заместитель наркома просвещения РСФСР. В Совнаркоме М. Н. Покровский отвечал за сферу науки и высшего образования.

жет кончиться скоро, особенно ввиду сокращения штатов, и при мысли об этом голова идет кругом. Очень прошу Вас принять участие в моем деле.

Остальное все по-старому, т. е. по-прежнему. № 2 «Известий» сдан в брошюровку. Как будто хорош и достоин Вашего участия в нем. Всего Вам лучшего. Жене я не сказал о моей последней беде.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 8–9 об.

№ 41

*Открытое письмо
Симферополь. 17/VIII-1928*

Дорогой Сергей Федорович!

Около месяца назад я беспокоил Вас письмом. Простите, все обошлось благополучно. Посылаю Вам экземпляр № 2 (59) наших «Известий» и отиски Вашей статьи (неполное число их произошло по вине типографии). Черкните об их получении и хоть в самых кратких словах о поездке. А будет ли напечатана моя статья в «Известиях» Академии? Если все еще надо сократить — пусть пришлют; если же отказ — возвратите ее совсем. Сообщите Ваше мнение об этом выпуске «Известий» наших. Собираем материал для № 3-го. Довольно, лишь бы были деньги. От Б. Д. Грекова мы знаем, что Вы уехали из Ленинграда здоровым и бодрым. Думаем, что и теперь чувствуете себя хорошо, но очень прошу Вас уменьшить бремя своих обязанностей, не переутомляйтесь, побольше отдыхайте. Лето у нас было плохое, сухое и холодное. Плохо насчет пищи, питания и т. д. Придется питьаться акридами,¹⁷ [потому] ч[то] и мед недоступен. Крепко жму руку. Всему дому Вашему низкий поклон.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 10.

№ 42

Симферополь, Архивная, 28
2/XII-1928

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Наконец я получил корректуру своей статьи, просмотрел, отправил обратно в Академию и чувствую душевную потребность еще раз

---

¹⁷ В выражении: питьаться (диким медом и) акридами (*шутл.*), значит постничать.

горячо поблагодарить Вас за оказанное мне внимание, благодаря которому она появится в свет. Я писал ее с большим старанием, но как она будет принята, боюсь думать. Тема неважная, в развитии ее нет публицистической струи, над ней в настоящее время нет шельмования прошлого, проклятий и т. д. Беспристрастие теперь не в чести. Во всяком случае, большое спасибо Вам.

История с С. А. Ж[ебелевым]¹⁸ и др[угими] меня сильно огорчила. Все это неприятно и обидно. Опека, очевидно, над наукой не ослабевает, а растет, нивелировка все более усиливается. Отличилась и наша ассоциация НР,¹⁹ но по существу не она, а всего два лица из его бюро.

Надо было показать, какие мы паиньки, как послушны, хотя сами делаем очень мало, а инкриминируемой книги и статей и в глаза не видели...

Как Вы живете-можете? Мелькнула, правда, кажется в «Красной газете», ленинградской заметка о Вашем нездоровье. Очень прошу Вас беречь себя, не болеть и поскорее поправляться, если нездоровы. Что касается меня, то у меня положительно во всех отношениях все по-старому. Анна Николаевна вместе со мной шлет Вам сердечный привет.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 11–11 об.

№ 43

Симферополь, Архивная, 28
27/XII-1928

Дорогой и глубокочтимый Сергей Федорович!

Позвольте, помня старину светлую, поздравить Вас с наступающим Новым годом и заnim праздникою Рождества Христова и пожелать Вам побольше здоровья и всяческого благополучия. Оканчивающийся год был тяжелым, очень тяжелым для Вас — пусть Новый даст Вам утешение, душевный покой. И я провожаю старый год без всякого сожаления и, правду сказать, не ожидаю каких-либо благодеяний от его приемника. Лишь бы пакостей и гадостей было в нем поменьше, и с этим примирюсь!

¹⁸ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) — филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии; профессор Ленинградского университета; академик АН СССР (1927). В конце 1920-х годов подвергся гонениям.

¹⁹ Научных работников.

После некоторого подъема в научном отношении у нас теперь застишье. Работа идет, но вялым темпом. Я, впрочем, написал статью «Смутные годы мнимой независимости Крымского ханства»²⁰ — это ввиду 150-летия с того времени. Если можно, где-нибудь напечатать. Хотелось бы издать в Новый год № «Известий» нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии], но это будет зависеть от того, получим ли субсидию свыше, а пока живем надеждой, данной тоже свыше взамен счастья.

После хорошей осени у нас вдруг появилась зима, три дня лежал снег, ударили морозы, а сейчас обычная в эту пору погода 2–3 гр[адуса] мороза утром и солнечными в общем днями, что вполне было бы приемлемо, если бы не надо было топить печей.

Простите, что я не принес поздравления библиотеке Академии по случаю 200-летия ее существования, но я узнал об этом юбилее очень поздно и счел неловким посыпать запоздавшее поздравление, от всей души желая библиотеке дальнейшего развития и процветания, а маститому ее директору многих-многих лет энергичной работы во славу науки. Всей Вашей семье мой низкий поклон и привет. Анна Ник[олаевна] шлет Вам свои сердечные пожелания и всех благ.

Ваш А. Маркович.

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 12–12 об.

№ 44

Симферополь, Архивная, 28
2/1-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Я глубоко тронут Вашим вниманием — присылкой последней корректуры моей статейки с крайне интересными сообщениями о вещах, о которых мы здесь, в Малой Татарии, ничего не знаем. Мне Репников²¹ писал о своих раскопках в Эске-Кермене, что он доволен ими и что он готовит статью о них, которая а) будет переведена на немецкий язык, б) будет доложена на публичном заседании Академии наук СССР в январе и в) что будет прислана для помещения в «Известиях» нашего Общества при условии соблюдения трех его условий, из которых одно пустяковое, другое с трудом осуществимо, а третье не может быть приемлемо ни в каком случае. Что из этого выходит, не знаем.

²⁰ История Крымского ханства была предметом исследования А. И. Марковича и ранее, так, в 1923 г. был опубликован «Краткий очерк истории Крымского ханства».

²¹ Репников Николай Иванович (1882–1940) — археолог.

Вы правы, с переходом научных учреждений и организаций на местные средства мы можем перейти в небытие, а мне так хотелось бы выпустить в свет в этом году книжку наших «Известий». У наших властей денег нет, а претензий слишком много, и ничего не выходит. В последнее время выяснилось, что Гриневичем и здешняя администрация недовольна и не желает его пребывания в Херсонесе, ранее как и Репникова. Что из этого выйдет — не могу знать. Назначение Смолина²² было бы очень удачным. Как бы не было с Репниковым, случилось что-то комичное: я не думаю, чтобы он серьезно мог думать, что в Эски-Кермене (был найден) Дорос.²³ К тому же он не раскапывал городища Эски-Кермена, а только погребения, т. е. могильник. Во всяком случае, очень пикантно. Любопытна и катафасия с Ф. Н. П.²⁴

Я действительно рад, что моя статейка,²⁵ наконец, печатается в «Известиях» Академии, но опечаленическими опечатками в последней корректуре, очень досадными. Если уже нельзя исправить их, то просил бы Вашего распоряжения, чтобы опечатки эти были оговорены в книге и в оттисках. А Вам еще раз глубокое и сердечное спасибо. Жена шлет Вам привет.

Ваш А. Маркевич.

Р. С. Все опечатки были мною исправлены в корректуре.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 13–14.

№ 45

Симферополь, Архивная, 28. 8/I-1929

Помета: Ответ 15.1

Дорогой Сергей Федорович!

Сердечно благодарю Вас за внимание и согласие пристроить мою статью, если она окажется этого достойной. Мне кажется, что она

²² Смолин Виктор Федорович (1890–1932) — известный исследователь Крыма, руководил Севастопольским отделением Таврического общества истории, археологии и этнографии, директор Херсонесского музея.

²³ Дори-Дорос — старинное название страны или укрепления в Крыму, географическое положение которых еще не выяснено.

²⁴ Петров Федор Николаевич (1876–1973) — в 1923–1927 годах начальник Главного управления научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР; в 1929–1933 годах — председатель Всесоюзного общества культурных связей с зарубежьем. В 1926 г. открывал конференцию в Керчи. Речь идет о кадровых перестановках в течение 1929 г. во всех головных научных организациях, затронувших и Ф. Н. Петрова.

²⁵ Маркевич А. И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. 1928. № 4–7. С. 375–405; 1929. № 1. С. 1–16.

может представить интерес, заглавие: «Смутные годы мнимой независимости Крымского ханства». Центральные моменты: оберегание Суворовым Крымского побережья, переселение христиан из Крыма и недовольство Шагином²⁶ и бунт татар — все события 1779 г. (150 лет назад), но статья охватывает время 1769–1783 гг. Сделать статью популярной, т. е. убрать ссылки, цитаты и т. д. можно, но беда с размерами статьи. Размеры моей работы прибл[изительно] 2 печатных листа, а Вы даете только 10 000 тип[ографских] знаков, это, кажется, меньше полулиста. Неужели придется писать новую статью? Но я бы и на это согласился, ввиду гонорара.

Мое материальное положение прямо отчаянное. Я сегодня же возьмусь за тщательный просмотр статьи, вчерне готовой, а Вас очень прошу черкнуть мне точно, какой тахимит статьи я должен иметь в виду. Недели через 2–3 я мог бы статью выслать. Она будет написана вполне четко, но не на машинке. Простите, что надоедаю Вам.

Искренне преданный Вам, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 15–15 об.

№ 46

Симферополь. 25/I-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Да будет благословенно Ваше имя ныне, присно и во веки веков. Еще раз спасибо Вам за внимание ко мне и заботы обо мне. Завтра или послезавтра я статью посылаю Вам. Прошу отнести к ней строго, и если она покажется Вам неинтересной и неподходящей для «В[естника] з[нания]»,²⁷ то сейчас же возвратите. Если же она при-

²⁶ Шагин Гирей (1745–1787) — последний крымский хан из рода Гиреев, потомков Чингисхана, правивших в Крыму с XV века. Возведенный на престол при поддержке России в 1777 г., Шагин Гирей пытался путем реформ добиться полной независимости Крыма. Экономическая необеспеченность реформ, торопливость и нежелание считаться с традициями вызвали широкое недовольство населения, подогретое происками Порты и жестокой борьбой за власть в правящей верхушке ханства. С 1778 по 1782 год русские войска трижды восстанавливали Шагина Гирея на престоле. В 1783 г. хан отрекся от власти в пользу России. С 1784 г. жил со своим гаремом и свитой в Воронеже, затем в Калуге; по его просьбе был отпущен в Турцию. Принятый там с показным почетом Шагин Гирей затем был сослан на о. Родос (место пребывания опальных ханов Крыма) и в августе 1787 г. злодейски убит.

²⁷ Двухнедельный иллюстрированный научно-популярный журнал «Вестник знания» был возобновлен в 1922 г. Редакторами были академик В. М. Бехтерев до своей смерти в 1928 г., академик С. Ф. Платонов до ареста в 1930 г. Содержание журнала — краткие эссе, касающиеся разных областей знания — от литературы до современной физики.

знана будет сносной, то делайте с ней, что хотите. Она представляет сокращение на 1/3 более крупной работы в интересах популярных. По получении Вашей открытки я сделал в ней еще сокращения, так что всего в ней размер ее на 1 печ[атный] лист с небольшим. Я думаю, что можно было бы выбросить все ссылки (выноски), а вместо них приложить в конце статьи список источников и пособий, которые прилагаю и прошу поместить его в оттисках, если излишне будет прилагать его в книге «В[естника] з[наний]», но очень просил бы прислать мне их 40–50 (для обмена с друзьями и знакомыми) с тем, что за дополнительные оттиски и присоединение «литературы» редакция сделает вычет из моего гонорара. Прошу еще Вас поместить мою статейку поскорее и, если возможно, прислать мне в виде аванса часть гонорара. На сокращения в статье, кроме сделанных мною, я вполне согласен, лишь бы только они сделаны были Вами, чем с Вашего ведома. Прошу о помещении ее в скором времени не из-за мелких личных повадок, а потому, что этого требует время и наше теперешнее положение в Крыму, принимающее все более и более не русский облик, что сказывается уже и в статейках здешних политиков об отношениях России к Крыму и Турции. Иногда, кажется, что мы живем здесь в ту пору, которая описывается в моей статье, и дело еще хуже теперь потому, что у нас нет теперь Румянцевых,²⁸ Суворовых,²⁹ Паниных,³⁰ Щербининых,³¹ нет Екатерины... Говорю это вполне серьезно. Издать мою статейку здесь никак нельзя, хотя написана она, как увидите, вполне беспристрастно. Во всяком случае, вполне полагаюсь на Ваше благоугодное зрение. Не откажите черкнуть два слова о результатах ознакомления Вашего с моей статейкой.

Анна Николаевна, сегодняшняя новорожденная, носящая имя не Татьяны, а Анны только ради бабушки, шлет Вам самый «сердеч-

²⁸ Румянцев Петр Александрович, граф (1725–1796) — полководец и военный теоретик. Главнокомандующий действующей армией в ходе Русско-турецкой войны (1768–1774). За победы над турками при Ларге и Кагуле, которые привели к заключению выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мира, удостоен титула «Задунайский».

²⁹ Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — полководец, основоположник русской военной теории, генералиссимус (1799), см.: Маркевич А. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму (к 6-му мая 1900 года). Симферополь, 1900. 30 с.

³⁰ Панин Никита Иванович, граф (1718–1783) — дипломат и государственный деятель, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины Великой.

³¹ Щербинин Евдоким Алексеевич (1728–1783) — генерал-аншеф, губернатор Слободско-Украинской губернии (1765–1775). Участвовал в дипломатическом оформлении результатов побед русского оружия в Крыму.

ный привет». «Татьяний день» мы ежегодно скромно, но весело празднуем в кругу хороших знакомых и друзей, и эта вечеринка, по общему мнению, всегда напоминает старое время нашего студенчества и нашей молодости. Придется мне сегодня подвинуть себя сильно и из-за «подготовительных» работ к этому я не посылаю Вам статьи сегодня.

Ваш А. Маркевич.

P. S. Еще два слова. Если признаете нужным, в интересах сокращения статьи выкинуть первую главу (1), кроме первого вступительного абзаца, то я и на это, конечно, буду согласен.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 16–17 об.

№ 47

Дорогой Сергей Федорович!

Еще раз беспокою Вас. Меня преследует мысль, что, быть может, Вас затруднит или покажется неудобным сокращение моей статьи, и потому, если это так, то будьте добры прислать ее мне для сокращения. А можно было бы прислать корректуру в гранках без отдела о безземельных татарах в конце статьи (подряд страницы 80–100) и только. Сделаете, как найдете лучшим.

Как я рад, что избран в члены-корреспонденты Академии А. В. Орешников.³² Вот поистине правильное избрание достойного работника. Замятин³³ мне жаль, хотя его мало знаю по трудам, а лично вовсе не знаком с ним.

Радуюсь, что грипп у Вас прошел скоро, но прошу Вас остерегаться теперь простуды, чтобы эта подлая болезнь не произвела рецидива.

Мы пережили две недели форменной зимы, с 10 по ночам, а сейчас у нас сильная слякоть и сырость. «Вот и все», как говорится в одной комедии.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3485. Л. 44–44 об.

³² Орешников Алексей Васильевич (1855–1933) — специалист по русской и античной нумизматике, член-корреспондент АН СССР (1928).

³³ Замятин Герман Андреевич (1882–1953) — историк, краевед, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Молотовского педагогического института, профессор историко-филологического факультета Молотовского университета (1942–1947). В 1929 г. в результате борьбы с «узким академизмом» Г. А. Замятин был уволен из Воронежского университета и перешел работать в областное архивное бюро. В 1930 г. был арестован по «делу» «Воронежской областной монархической контрреволюционной организации „Краеведы“», связанной с «монархической организацией» в АН СССР во главе с С. Ф. Платоновым. В июне 1931 г. был заочно приговорен коллегией ОГПУ к трем годам лагерей.

№ 48

Симферополь, Архивная, 28
1 февр[аля] [1]929

Дорогой Сергей Федорович!

Наконец я высылаю Вам свою работишку. Если плоха, верните; если найдете сносной, имейте ввиду, что она сокращена на 1/3 из большой работы, чтобы сделать ее популярной, а потом, как видите, сокращена еще раз до указанного Вами предела. Я уже писал Вам, что выкинуть и выноски, и тогда я просил бы, если не в журнале, так в оттисках приложить литературу. И еще: если размеры статейки все-таки превысят 20000 знаков, то за добавочную часть я не желаю получить гонорар, чтобы не стеснять редакцию. Выйдет, пожалуй, немного больше печатного листа. Но я полагаюсь вполне на Ваше усмотрение. Конечно, я бы желал, чтобы статейка была помещена в «В[естнике] з[наний]», самое подходящее время теперь для ее выхода в свет, а то будет поздно. К тому же по содержанию она тесно связана с моей статьей, которая печатается в «Известиях» Академии. Очень прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, прочесть статью и указать, если надо будет, что именно можно или нужно в ней вычеркнуть без ущерба ее содержания. Меня просят приехать в Москву на собрание Предвар[ительного] комитета Археолог[ического] всесоюзного съезда, но я отказался, так как переживаю финансовый крах в своем бюджете. Тут не до съездов, и до забвения всего, отрешение от всего и долгим-долгим.

Ваш А. Маркевич.

Простите, что некоторые страницы статьи не переписаны еще раз: у нас бумажный голод, писчей бумаги нет в продаже. Говорят — будет через неделю. Я набрал ее у себя сколько было. Повторяю: если надо пожертвовать для сокращения статьи первой главой (1), я согласен. Оставьте только начальный абзац. Тогда дело решится просто. Я начал с этой главы именно ради популярности статьи.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 18–19.

№ 49

14/ II-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Проболев основательно гриппом и пролежав в кровати ровно неделю, я сегодня побыл немного на воздухе. Кстати, морозы прошли, и светит солнце, под влиянием которого быстро тает снег, и сажусь

к столу, чтобы отнять у Вас несколько минут от работы. Утром получил открытку Вашу с сообщением о болезни и очень опечалился, затем принесли приглашение на торжественное заседание Академии наук, т. е. уведомление о нем, и весь вечер я представлял себе это заседание, а еще больше саму Академию, нынешние ее затруднения, осложнения, невзгоды. Вышло так, что Академия обе руки протянула общественности, а от нее получила пренебрежение, дерзкие обиды, оскорбления. Я уверен, что все это образуется, сделается достоянием истории, но сейчас крайне горько переживать это вдали и в стороне от вспыхнувшего вулкана — каково же Вам? Выступление М.... его подголоска Ор..., дополненное пошлым заявлением Лар...,³⁴ отвратительны и гнусны. Но есть категория людей, которая смакует все это, злорадствует, делает Академию предметом пошлых разговоров и приходится уходить от всего этого, замыкаться в себе. Не знаю, была ли наша Катя на вечернем заседании АН; если попала — опишет мне его. Уверен, что все прошло с надлежащим подъемом и достоинством.

Убеждали меня поехать по командировке в Москву на собрание Предварительного комитета Археологического съезда, но я отказался, хотя это лишило меня возможности заглянуть в Ленинград, повидать своих, обнять Вас. Не до проездок мне уже, имеем в виду близкую уже более серьезную дорогу. Этот грипп очень ярко показал мне, как ненадежно уже мое сердце. Но распространяться об этом не буду, чтобы не тревожить Вас.

Решение Ваше относительно моей статьи предвижу: оно будет отрицательное. Тема хорошая и как будто подходящая — ведь 150 лет русской власти в Крыму нешуточное дело, и ради уже этого нельзя забывать об этом, но в моей статье нет современного подхода, нет брани, тенденциозности и т. д. Значит, лучше молчать. А вносить публистику в статью я не хотел. О, если бы Вы знали, могли представить себе, в каких формах выражаются татаризация (и жидовизация) Крыма — Вы пришли бы к недоумению, как можно жить здесь теперь.

И будь при квартире Катя, не комната, я уже сбежал бы отсюда, но горе мое в том, что многое приковывает меня к Анне Николаевне, к Крыму, почему и приходится в нем сидеть. Так уж и досидим в нем, по-видимому, до конца бытия нашего.

В Херсонес приемником Гриневича назначен профессор Смолин, и я считаю это назначение не только удачным, но и счастливым.

³⁴ Ларин Ю. А. — публицист, член Коммунистической академии. 25 января 1929 г. опубликовал статью (Ларин Ю. После выборов в Академию. Академики и политика // Правда. 1929. 25 января).

Лишил бы удержался он здесь... Общество наше ист[ории], арх[еологии] и этногр[афии] действует, но едва мы умудримся выпустить в этом году № «Известий». Субсидии дали всего 400 руб[лей], на эти деньги далеко не уедешь. Но, может быть, и выпустим книжку. Пригласите к этому изданию, кого сочтете возможным. Будем очень благодарны. А. И. Соболевский³⁵ прислал уже статейку.³⁶ Ждем обещанных Вами изданий Пушкинского Дома. Думаю, что если бы покопаться хорошенъко в материалах Пушкинского Дома, нашелся бы и по Крыму интересный материал, напр[имер], в бумагах Л. Н. Майкова,³⁷ не раз проживавшего здесь, А. К. Толстого,³⁸ даже П. А. Вяземского.³⁹ Но пока довольно.

Весь Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 20–21 об.

№ 50

Открытое письмо

Дорогой Сергей Федорович!

Низко кланяюсь Вам и сердечно благодарю за благую весть. Разумеется, я согласен наперед на все сокращения, изменения и дополнения, так как уверен, что все будет сделано в интересах истинного знания. Я прошу одного — скорейшего издания моей работы, т. к. могу замерзнуть до ее появления в печати. Говорят, что у нас, в Крыму, уже замерзло более 20 человек и погибло много скота. Не надвигается ли новое обледенение земли, а, пожалуй, и окончательное. Но пока что желаю Вам скорейшего выздоровления и полной поправки с началом весны. Я перенес грипп, по-видимому, благополучно, но пришлось пролежать несколько дней. «Пушкинский Дом»

³⁵ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — лингвист, палеограф, историк литературы, славист, академик.

³⁶ Соболевский А. И. Топонимические заметки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1930. С. 1–3.

³⁷ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — видный исследователь истории русской литературы, академик.

³⁸ Толстой Алексей Константинович, граф (1817–1875) — писатель, поэт, драматург.

³⁹ Вяземский Петр Андреевич, князь (1792–1878) — поэт, литературный критик, историк, мемуарист, переводчик, публицист, государственный деятель. Один из основателей и первый председатель Русского исторического общества (1866), действительный член Академии Российской (1839), ординарный член императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1841).

обещал выслать нашему Обществу ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии] свои издания. Не откажите ускорить высылку их. Какой дивный, судя по теме, доклад Вы сделали в Москве в ОПИКе.⁴⁰ Посыпал пеплом главу и разорвал свое рубище от горя, что этот доклад не сделан у нас или для нас. Жена душевно шлет Вам свои сердечные пожелания.

Симферополь, Архивная, 28.

Ваш А. Маркевич. 3/III-1929.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 22.

№ 51

Получено 25 марта 1929

Издательству П. П. Сойкина.⁴¹ Спешу уведомить, что препровожденные мне тридцать (30) руб[лей] за статью для «Вестнике знания» мною с благодарностью получены.

С почтением Маркевич Арсений Иван[ович].

Симферополь, Архивная, 28. 21 марта 1929 г.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 23.

№ 52

Ленинград. Стремянная, 8. Издательство П. П. Сойкина. Академику С. Ф. Платонову.

Рукой С. Ф. Платонова: Возвращаю 30 руб[лей], которые посланы были из моего гонорара. Платонов.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 24.

Текст на конверте.

⁴⁰ В 1922 г. Петербургская археографическая комиссия была передана в ведение Российской академии наук, в 1926 г. на базе Археографической комиссии и Постоянной исторической комиссии открыта Историко-археографическая комиссия при АН СССР, преобразованная в 1931 г. в Историко-археографический институт. В 1956 г. по инициативе М. Н. Тихомирова создана Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР (ныне РАН).

⁴¹ Сойкин Петр Петрович (1862–1938) — книгоиздатель. После Октябрьской революции его издательство было национализировано, но возобновило свою деятельность в период НЭПа в 1922 г. и успело выпустить свыше 100 книг по различным отраслям наук. В 1930 г. издательство влилось в Леноблиздат.

№ 53

31/III-1929

Дорогой Сергей Федорович!

С радостью узнал от вернувшегося восьмовояси Н. Л. Эрнста о том, что Вы здоровы и полны, как всегда, бодрости и энергии. Теперь бы скорее дождаться весны. Небывалый в Крыму холод прямо замучил нас. И теперь пишу с трудом, руки озябли, и пальцы плохо выводят буквы. Но тепло, по-видимому, настанет нескоро, нет мух, нет птиц, только петухи уже запели. Сегодня получил, наконец, «Известия» Академии с началом моей статьи и приношу Вам глубокую благодарность еще раз за одобрение ее. Без этого она осталась бы в рукописи до окончания моего, но зато кое-кто не позавидовал бы мне по случаю появления ее в свет, да еще в академическом издании...

Недели две назад я получил и аванс (30 р[ублей]) за статью, рекомендованную Вами в «Вестник знания». Хотелось бы, конечно, знать, в каком виде она выйдет в свет, и я сердечно прошу Вас принять участие в ее просмотре и редакционных изменениях. И надеюсь я поработал немало. Мозг еще кое-как действует, хотя через две недели мне стукнет 74 г. И сейчас я не без дела, и работа только отвлекает от томящих переживаний. При нынешних условиях и семейных обстоятельствах жить на 90 р[ублей] пенсии и 45 р[ублей] жалования (из чего много и нет, на вычеты и другие взносы) очень трудно, а пенсии не прибавляют (15 %). Приходиться сидеть на шее и носить рвань. Простите, что пишу об этом, но уж так выходит у меня, что в уме, то и на языке. Сегодня мы с Анной посмеялись, но без злобы и осуждения, прочитав в советских «Известиях» о том, как Поливанов⁴² отделал Марра.⁴³ Кто прав, конечно, не знаю и не берусь судить, но самодержавия и деспотизма в науке не люблю и термин «первый советский ученый» мне показался неподходящим. У нас мелькнула надежда на издание № 3 «Известий» нашего Общ[ества] ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии], надо кое-что подготовить для него. Эх,

⁴² Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) — лингвист, востоковед и литературовед, профессор ряда университетов, активный критик марризма. Один из основоположников советской социолингвистики и исторической фонологии, создатель оригинальной теории языковой эволюции.

⁴³ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) — востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик императорской АН (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После Октябрьской революции получил широкую известность как создатель «нового учения о языке» или «яфетической теории», значительное число произвольных и недоказуемых утверждений которого относится к псевдонауке.

если бы дали нам статью о готском вопросе в русской историч[еской] литературе! Несказанно был бы Вам благодарен. Но на «нет» и суда не будет. А пока низко кланяюсь и благодарю за ласку. Хотел еще написать 1-го апреля, но откладываю, чтобы Вы не подумали, что говорю в шутку.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 25–26 об.

№ 54

12/IV-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Прежде всего позвольте радостно поздравить Вас с званием секретаря Гуманит[арного] отд[еления] Академии.⁴⁴ Радостно, прежде всего, то, что именно Вы приняли это звание. Радостно за науку и Академию. Но у Вас, конечно, прибавилось много работы и забот, и я от души желаю Вам одоления их в добром здравии и с неослабной энергией.

Что касается моей статьи, то я, как Вы видели из моих писем, мало питал надежды на ее помещение в «В[естнике] з[нания]». Переделка и в коротеньку популярную заметку меня смущала. Теперь меня, конечно, тяготит высылка аванса за нее, и я должен его вернуть, только не сейчас (теперь совершенно не в силах), а впоследствии, м[ожет] б[ыть], частями. Спасибо Вам за хлопоты из-за нее и заботы о ней. Я понимаю отлично, что для академических изданий она покажется излишней, в скором времени появиться в печати не может и может быть пригодной только ровно через 4 года, когда исполнится 150 лет со времени присоединения Крыма к России, конечно, с дополнениями. Но тогда меня не будет на белом свете. Сегодня мне стукнуло 74 г. и едва проживу еще год. Прошу Вас, сердечно любимый Сергей Федорович, вот о чем. Сообщите откровенно недостатки статьи, так как я этой темы не хотел бы оставлять и, кроме того, я хотел бы, чтобы не было забыто, что я в истекшем году занимался этим вопросом, чтобы след моей работе остался в протоколе или отчете и т. п. Академии. Продолжая работу, я буду окрылен сознанием, что она оставит память о себе. А рукопись мою я просил бы возвратить мне, если она не будет принята в Академии и потребует изменений по Вашему усмотрению. Ради Бога, сделайте это.

Теперь о другом. Вы знаете, что 28/XI прошлого года исполнилось 50 лет со дня смерти поэта, критика, публициста, академика

⁴⁴ В 1929 г. на мартовской сессии АН СССР С. Ф. Платонов был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук (ОГН).

кн. П. А. Вяземского. Занятый татарами, я не успел к этому сроку написать что-нибудь о нем, а потом свалил грипп и кончил недавно работу, начатую, впрочем, давно. Только недавно 5 числа этого [месяца] я сделал сообщение о Вяземском в заседании нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этнографии, и, кроме того, напечатал маленькую статейку о нем для наших «Известий» под заглавием «П. А. Вяземский и Крым».⁴⁵ В Академии, Пушкинском Доме и т. д. несомненно поминали Вяземского. Но, быть может, Вы не отказали бы указать на эту мою работу где следует «promemoria».⁴⁶ Я писал с глубоким почтением к нашему писателю, не думая об издании своей статьи. Завтра я вышлю Вам ее по адресу Академии, но, конечно, на Ваше имя.

Наконец, два слова об Эски-Кермен. Я очень рад, что он попал в ведение Академии наук, хотя желал бы, что в деле участвовала и АИМК,⁴⁷ особенно в лице С. А. Жебелева, который 14–15 лет тому назад принимал живое участие в подготовке работ к предполагавшемуся Арх[еологическому] съезду в Крыму, когда намечены были мною и пок[ойным] А. Л. Б-Делагардом раскопки Эски-Кермена. Участие немцев в этом деле, конечно, также желательно, хотя бы для того, чтобы окончательно развенчать их проблемы о немецком характере населения горного Крыма и по линии берега или «Готии» в среднее и позднее средневековье. Это население было уже греческим, хотя, конечно, в крови его была частичка германская, но самая ничтожная часть. Проблема Репникова насчет Эски-Кермена в моих глазах никакой цены не имеет. По моему мнению, в русско-германскую ком[иссию] должны были бы войти и Репников, и Н. Л. Эрнст. Вдвоем они сразу переругаются, а в акад[емической] комиссии будут работать оба.

Давать предпочтение тому или другому не следовало бы. Эрнст начал раньше работу на Эски-Кермен, но статью о ней сдал в Моск[овское] отделение АИМК, где она лежит и сейчас в рукописи, а Репников начал изучение его позже, налетел и нашумел о себе и в Ленинграде, и в Москве. Н. Л. Эрнст — высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержанкой, достаточно аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе. Репников копал в Херсонесе, видел раскопки Фармаковского⁴⁸ в Ольвии,

⁴⁵ Маркевич А. И. П. А. Вяземский и Крым (к 50-летию его смерти) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1929. С. 113–115.

⁴⁶ Для памяти, в память о ком-либо (лат.).

⁴⁷ Академия истории материальной культуры.

⁴⁸ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) — историк искусства и археолог, историк античности. Член-корреспондент АН СССР (1914), с 1919 г. профессор Ленинградского университета. В начале XX в. проводил большие раскопки древнегреческой Ольвии.

копал на Ладоге и др., но научной подготовки у него нет. Оба они дополняют друг друга, и вместе каждый по определенному заданию будут работать хорошо и с пользой для дела. Эрнст будет и отличным переводчиком. Борьбы самомнений здесь быть не должно, и Академия ее устранит.

Я от всей души рад намеченному плану изучения Эски-Кермена. Это предприятие очень ценно и выяснит многое. У меня лично есть своя проблема Эски-Кермена, которую я выясню для себя и сообщу по окончании раскопки его. Теперь поднимать ее не стоит. Еще одно слово. Комиссию в русской части надо обеспечить солидно. Хорошо было бы пригласить Д. В. Айналова, еще кого-либо из византологов и А. А. Спицына. Если работа начнется в мае-июне, то к осени, при соответствующих материальных средствах, будет сделано много и к Московскому археологическому съезду Крым даст ценные результаты. И лучше сразу сделать работу большую, чем только начать, растянуть ее на несколько лет и потратить много лишних денег. В заключение скажу: Эрнст заслуживает полного доверия.

Всегда Ваш, А. Маркович.

Анна Николаевна просит Вас принять ее самый сердечный привет.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 27–29 об.

№ 55

12/IV-1929

Симферополь, Архивная, 28

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня я хотел высказать на Ваше благоусмотрение статью свою о Вяземском, но вместо посылаю Вам прошение Н. С. Лаппо-Данилевской⁴⁹ со своим ходатайством. Посылаю их Вам, так как не знаю точно, как адресовать такие бумаги: на имя Академии или непременного секретаря, что и Вы, передавая кому следует эти бумаги, спроводите их своим добрым словом. Если мое заявление покажется Вам неуместным, плохо составленным, черкните открытку — выплюю другое. Я писал его с самым теплым чувством, хорошо зная прекрасную, неблагополучную судьбу семьи Л-Д[анилевски]х, и думая о том,

⁴⁹ Лаппо-Данилевская Надежда Сергеевна (1872–1944) — дочь таврического вице-губернатора (в 1873–1879 годах) Сергея Александровича Лаппо-Данилевского (1834–1911), сестра академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919). Ей привелось пережить троих сыновей — двое погибли в лагерях в 1930-е годы; третий, отбыв в 1930–1933 годах заключение в Свирилаге, ушел в 1941 г. добровольцем на фронт и погиб.

что будет с моей Анной Николаевной, когда я навсегда приму горизонтальное положение. Что касается моей статьи о Вяземском, то очень прошу Вас сообщить мне, интересует ли кого-нибудь эта тема и в каком духе уместна была бы статья, и тогда я вышлю ее Вам немедленно, тогда она не затруднит никого предварит[ельным] ее чтением. Только очень прошу сделать это, не откладывая. Не откажите сообщить доверительно, как принято будет прошение Н. С. Л.-Д[анилевской]. А я два дня или три отдохну и примусь за другую очередную работу. Чувствую себя теперь сносно и надо использовать это время, тем более, что из-за холода приходится сидеть в комнате. Когда придет внук, придется проводить с ним много времени на воздухе.

Да еще маленький вопрос. Где в настоящее время данилевский архив? Передана ли хоть часть его в Дом Пушкина? (Вышло два вопроса, но связанных между собою). В последнее время меня преследует настойчивая мысль побывать в Петербурге. Вот это трудная проблема. Главным образом она будет решена в положительном смысле, если увеличат мне пенсию, но в настоящее время ожидать этого трудно. Подумайте, Сергей Федорович, могло ли бы состояться ходатайство или заявление об этом Академии. Ведь оканчивается 53 года моей службы и научной работы без перерыва и потом энергичной в советские годы. Через год мне будет 75 лет от роду. Неужели нельзя прибавить к получаемым мною 90 р[ублям] пенсии (по званию заштатного профессора) сколько полагается до нормы профессорской пенсии? Я был бы счастлив, удовлетворен и, конечно, отблагодарил бы за эту оценку моей работы. При случае поговорите с Покровским. Я лично обратиться к нему не в силах.

Ваш А. Маркевич.

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 30–31 об.

№ 56

Симферополь, Архивная, 28
19/IV-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю Вам статью о Вяземском, о которой писал в последнем письме, но с опозданием из-за служебной работы и житейских забот и хлопот. Я не имею никаких особых желаний на счет употребления ее и прошу Вас только прочесть ее. Меня, конечно, более всего удовлетворило бы, если бы Вы заявили о моей работе в Академии, т. к., кажется, один из весьма немногих вспоминаю о 50-летии со времени смерти Вяземского. Пусть это обстоятельство останется в протоколах или отчете Академии о трудах ее чл-корреспондентов.

К изданиям Академии моя работа не подходит, но если бы хоть в сокращенном виде, против чего не имею ничего, она пригодна была для «В[естника] з[наний]», то это сняло бы с меня большую нравственную обузу. А сделать сокращения в ней очень легко. Ради Христа, прошу только не сердиться на меня за назойливость, надоедание своей особой. Больше не буду, как говорят дети. А пока простите хоть ради Вашего поста и предстоящей Пасхи.

А затем остаюсь Ваш всегда, А. Маркевич.

Черкните, может ли Н. С. Л-Д[анилевская] рассчитывать на какое-либо пособие. Конечно, оно не может быть значительно, но и небольшое внесло бы радость и свет в ее злополучную судьбу.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 32.

№ 57

Симферополь, Архивная, 28
23 /IV-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Сердечно благодарю Вас за новое проявление внимания ко мне, выраженное в рекомендации и второй моей работы в Академии наук. Большое спасибо Вам. Я говорил о ее возвращении мне только на тот случай, если бы не удалось пристроить ее в Ленинграде, а раз это оказалось возможным, да еще в такой лестной для меня форме, то мне остается только радоваться. Я знаю, что моя работишка может появиться в свет не так скоро, но все-таки желал бы, чтоб она была напечатана, если возможно, в этом году. Мне придется дополнить ее более подробными данными о переселении греков и др. христиан из Крыма в 1778 г., т. е. отметить событие, очень важное и случившееся ровно 150 лет тому назад.

Буду, конечно, покорнейше просить высыпки мне работы в гранках для просмотра корректуры, а вставка будет невелика, 1 или 2 страницы, без какой-либо переделки в тексте, т. е. без затруднений для типографии. Вставку же эту будет сделать необходимо. Для «В[естника] з[наний]» она не подходила. Во всем остальном я полагаюсь на Ваше усмотрение. Ваше мнение крайне дорого, я счастлив был, читая в Вашем письмеце, что Вы с неохотой вернули бы мне статью, счастлив и сейчас, и никогда не забуду этого.

Со статьей о Вяземском поступите, как будет Вам угодно. Ее можно и выбросить, т. к. у меня остался черновик для внука.

Предположение Ваше приехать в Крым летом меня и Анну Николаевну очень обрадовало. Мы надеемся, что на этот раз Вы загляните

и к нам в Симф[ерополь]. Это будет для нас большой радостью и утешением.

Знаю и понимаю хорошо, как Вы теперь заняты, и тем дороже мне оказываемые Вами заботы обо мне. Простите, не пеняйте на меня. У нас еще мало тепла, а ночи очень холодные. Ждем дочь и внука, разумеется, у нас в квартире много суеты, много хлопот и забот.

Ну, довольно. Крепко обнимаю Вас.

Ваш глубоко уважающий и искренно любящий, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 33–34.

№ 58

Симферополь. 30 /IV-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Помня старину святую, приветствую Вас с наступающим Светлым праздником и радостно обнимаю Вас, прося передать мое сердечное приветствие и всем Вашим. Хорошее настроение мое омрачилось кончиной М. М. Богословского,⁵⁰ которого я очень уважал, т. е. почитал как ученого, хотя лично не знал его. Если соберетесь написать мне пару слов, черкните, чем он был болен, что вызвало эту неожиданную смерть его. Другое огорчение мое вызвало то обстоятельство, что Н. Л. Эрнст до сих пор не удостоился послать Вам его, № наших «Известий», а я был уверен, что он это сделал сейчас же по выходе книги. Эту чужую вину я на днях загляжу высылкой Вам экземпляра, а пока прошу извинить нас за этот крайне для меня досадный недосмотр.

Вы, вероятно, получили ходатайство Н. С. Л-Д[анилевской] о назначении ей пособия от Академии, в память ее брата. Знаю, что это ходатайство, м[ожет] б[ыть], затруднило Академию, но что делать. Здесь в этом отношении ничего нельзя сделать. А пособием, хотя бы небольшим, она будет счастлива. У нас еще холодно, сырьо, и наша Катя решила приехать к нам не к Пасхе, а в половине мая, что мы с Анной Николаевной вполне одобляем.

Я получил хорошие отзывы о статье моей, напечатанной в «Изvestиях» Академии. Боюсь, что в Ленинграде ее не одобряют,⁵¹ но все-

⁵⁰ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) — историк, академик (1921).

⁵¹ Укажем на резко отрицательное отношение к работе, например, А. Таксер писал о «сознательном искажении исторических фактов в целях оправдания варварской колонизаторской политики царизма» (*Таксер А. Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму. По поводу работы А. И. Маркевича «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» // Новый Восток.*

таки прошу сообщить, что говорят, откровенно. Я только могу сказать, что работал над ней добросовестно. Досадно, что следующий № «Известий» Академии выйдет, кажется, нескоро. Теперь сижу над другой работишкой, потому что «пою дондеже есмь»,⁵² и чувствую, что скоро уже мне пение прекратиться. Мы здесь в нашем Обществе ист[ории], арх[еологии] и эти[ографии] собираемся печатать новый выпуск «Известий», что осуществить по нынешним временам очень нелегко и по финансовым, и по цензурным, и по другим причинам (напр[имер], зависти, злобы и т. п.). С радостью ожидаю Вашего приезда в Крым летом. Избрание К.⁵³ вице-президенты Академии меня несколько удивило. Впрочем, в этом отношении я совсем неосведомлен. С надеждой получить от Вас на днях письмечко, низко кланяюсь, прося извинить в беспокойстве.

Ваш А. Маркович.

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3486. Л. 35–36.

№ 59

14/V [1]929

Дорогой Сергей Федорович!

Спасибо за весточку, хотя и коротеньку. Я хорошо знаю и понимаю, как Вы теперь обременены работою и всякого рода обязанностями председательства, консультации, руководства и т. д. Ваш опыт и такт очень важны, и потому надо беречь свои силы, ибо и для выдающейся энергии и работоспособности есть пределы. Не следует Вам поэтому вскакивать на трамвай на его ходу, о чем знаю из доверительных источников, не доверяйте и слишком раннему теплу и ждите у моря установившейся теплой погоды. Жаль будет, если не приедете в Крым летом «погреться». Какой-то ленинградский профессор Обер... (конца фамилии не помню) появился уже в Крыму за поисками готов, но их он найдет не раньше, чем будут найдены «ключевые деревья» в Крыму, равно как и Репниковский Дорос-Эски-Кермен⁵⁴ бу-

№ 28. С. 239). В этой же рецензии обвинения были выдвинуты и против С. Ф. Платонова, который содействовал публикации работы А. И. Марковича.

⁵² Пою богу моему, дондеже есмь (Пс. 103, 33).

⁵³ С 15 мая 1929 г. по 28 февраля 1939 г. вице-президентом АН СССР был Глеб Максимилианович Кржижановский (1872–1959) — деятель революционного движения в России, советский государственный и партийный деятель; ученый-энергетик, академик, литератор, экономист и экономико-географ.

⁵⁴ В 1929 г. была высказана гипотеза, согласно которой Эски-Кермен есть изначальный крымский Дорос, центр средневековой Крымской Готии и Готской епархии

дут открыты уже после того, как римский папа сделается советским патриархом. Впрочем, это мое мнение не авторитетно, потому что, как сказал А. А. Спицын на заседании Керченской конференции, я в археологии «ничего не знаю», что не мешает мне, конечно, любить ее, ее чувствовать и содействовать ее успехам и искреннему желанию, чтобы городище Эски-Кермен было обследовано, изучено во всей полноте, если не в этом году, то в будущем (одного года для него недостаточно) и чтобы немецкие денежки не плакали...

Очень прошу Вас, Сергей Федорович, сообщить Над. Сер. Лаппо-Данилевской как отнеслась Академия к ее просьбе о пособии. Я встретил ее как-то на улице, она очень озабочена этим вопросом.

Моя статейка о Вяземском оказалась, конечно, негодной, и я прошу Вас переслать ее мне обратно или с Кошляковыми, которые собираются уже к нам, или с Б. Д. Грековым, который, как сказали мне его родственники, будет в Симферополе с семьей к началу или в начале июня. Что же касается статьи моей о Крымском ханстве, то был бы рад, даже счастлив, если бы она появилась в печати хоть в начале будущего года, предела моего существования на белом свете.

Оттиски статьи моей, напечатанной в «Известиях», я получил (50), но без сообщения, сколько с меня причитается за 25 из них, как дополнительных. Убеждаюсь, что она была нужна. Выпросила у меня статейку и Украинская академия, а сейчас оканчиваю статейку⁵⁵ для № 3 (60) наших «Известий», который начинаем печатать с риском обанкротиться и вылететь в воздух. Но от судьбы не уйдешь.

Крепко жму Вашу руку и горячо обнимаю Вас. Анна Nikolaevna шлет Вам самые искренние пожелания всех благ.

Искренно преданный Вам, А. Маркевич.

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 1–2 об.

№ 60

Симферополь. 24/V-1929
Архивная, 28

Дорогой Сергей Федорович!

Спасибо за маленькое письмецо и с нетерпением буду ждать большого. Рад, что и в этом году Вы побываете в Тавриде, и надеюсь, что

в Крыму в период раннего средневековья, позднее перенесенный на гору Мангуп (*Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия ГАИМК. Т. 12. Вып. 1–8. Л., 1932. С. 107–152.*)

⁵⁵ *Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827–1927). Памяти Хрисанфа Петровича Ящуржинского // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1930. С. 4–14.*

увидимся на этот раз в Симферополе. Приятно, что Эски-Керменские исследования будут продолжаться, жаль только, что они, по-видимому, захватят не все лето. Раскопки на Эски-Кермене давно уже я считал необходимыми, с этим соглашался и Бертье-Делагард. Он так и не дождался их, а я хотя дождался, но до конца их, вероятно, не доживу. Там работы будет на несколько лет, а мои времена и сроки приближаются к концу. К сожалению, и процесса раскопок я, по всей вероятности, не увижу. Тут спутался целый ряд препятствий, из которых я вынужден обратить Ваше внимание на одно, хотя оно кажется мне косвенным. Как председателя Таврического Общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н. И. Репникова с Н. Л. Эрнстом,⁵⁶ я очень желал, чтоб они прекратились, и самолюбие того и другого лица было принесено в жертву науке. Но отношения между ними осложнились, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили как будто желания примирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н. Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны с работой с Эски-Керменом, по-моему, Эрнст больше, но это все равно, и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того или другого должно вызвать только сожаление. Со стороны оно представляется даже странным. Н. Л. Эрнст, повторяю, ни в каком случае не настаивал бы на исключительном, преимущественном положении, он высоко культурный, скромный и горячо преданный науке человек. Пренебрежение, недоверие, устранение его, конечно, были ему обидны, но он ничем некорректным не проявил этого. И, между тем, в последнее время произошел инцидент, который задевает его честь, нравственное достоинство и вызывает возмущение в научных кругах в Симферополе. Здесь получено письмо, написанное после доклада Н. И. Репникова об Эски-Кермене в Академии наук, в котором сообщается, что будто бы на вопрос к докладчику, как будто бы Айналова,⁵⁷ о работах Эрнста на Эски-Кермене Н. И. Репников ответил, что об этих работах он ничего не знает, но имеет основание думать, что чертежи Эрнста взяты из бумаг пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда, равно как в Ленинградепущен слух, что Эрнст будто бы⁵⁸ заимствовал оттуда и чертежи к своей статье о во-

⁵⁶ Здесь и далее подчеркнуто С. Ф. Платоновым синим карандашом.

⁵⁷ Слова «как будто бы Айналовым» написаны над строкой рукой А. И. Маркевича.

⁵⁸ Слова «в Ленинградепущен слух, что Эрнст будто бы» вписаны над строкой рукой А. И. Маркевича.

ротах Менгли Гирея в Бахчисарайском дворце.⁵⁹ Если действительно это было сказано Репниковым, то этот поступок является форменным пасквилем, недостойным порядочного, благородного человека. Обвинение в плагиате — ужасное дело, к нему отнести спокойно, равнодушно нельзя, и я волнуюсь не только как человек, хорошо знающий Эрнста, но и как председатель Общества научного, в котором он один из полезнейших работников. Теперь укажу факты. Бумаги пок[ойного] Бертье-Делагарда получены в Симферополе из Ялты, от исполкома в 1927 г., а Эрнст прочел в нашем Обществе доклад об указанных дверях в Бахч[исарайском] дворце в 1922 г.⁶⁰ т. е. пятью годами раньше⁶¹ вскрытия рукописей Б[ертье]-Делагарда; первый доклад свой об Эски-Керменских работах с приложением своих чертежей он сделал в Москве и Керчи в 1926 г., т. е. за год до начатого разбора рукописей Б[ертье]-Д[елагарда], а работу в Эски-Кермене начал в 1925 г. Вот истина. Сергей Федорович, я пишу Вам все это вполне доверительно⁶² и прошу отнести к этому факту внимательно. Я не хотел бы доводить официально об этом возмутительном слухе, пока он не проверен, до Академии наук и Академии ист[ории] матер[иальной] культуры. Меня же не вините за причиняемое беспокойство. Вы понимаете мое положение.

Ваш Маркевич.⁶³

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 3–4 об.

⁵⁹ Начало строительства связано с именем хана Сахиба I Герая (1532–1551).

⁶⁰ Текст подчеркнут С. Ф. Платоновым красным карандашом.

⁶¹ Далее зачеркнуто «в письме».

⁶² Здесь и далее не оговоренные подчеркивания сделанные автором письма.

⁶³ В архиве С. Ф. Платонова сохранился черновик ответного письма, который помещаем здесь. «30. V. 1929. Карандашная помета С. Ф. Платонова: «А. И. Маркевичу. 24. III» (далее зачеркнуто: 24 марта 1929 г.).

— Проф[ессор] Айналов на докладе Н. И. Репникова в Академической комиссии по истории знаний в России не был и докладчика о Н. Л. Эрнсте не спрашивал (далее зачеркнуто: в апреле).

— В Ак[адемии] ист[ории] м[атериальной] культуры Н. И. Репников в своем докладе 28. III (далее зачеркнуто: в апреле) 1929 о «плагиатах» и «заимствованиях» (далее зачеркнуто многоточие) Н. Л. Эрнста не говорил.

— Разговор об этом, как я слышал, был на позднейшем докладе п[рофессора] Ровдоникаса 9 мая в той же Ак[адемии] ист[ории] м[атериальной] культуры. Мы с А. А. Спицыным получили повестки на это заседание, но оба не пошли.

— Слух о том, что Н. Л. Эрнст воспользовался архивом Б. де Лагарда дошел до меня в то же время приватным путем, и я считал необходимым в интересах истины просить т. Полканова, бывшего тогда в С-П[етер]б[урге] (текст курсивом дописан сверху) его проверить.

— Как только в Ак[адемии] наук стало документально известно о работах Н. Л. Эрнста в Эски-Кермене, я и акад[емик] Вернадский приняли меры, чтобы привлечь его к делу. Он в Питер не приехал, но прислал обстоятельное письмо

№ 61

Проспект Красных Зорь, 73/75, кв. 13
2/IV–1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

И я скорблю по случаю А. И. Соболевского,⁶⁴ которого очень уважал и как ученого, и как человека. Еще одно «тemento»,⁶⁵ еще убавилось одним сверстником. Спасибо за последнюю открытку. Все-таки надеюсь, что до приезда в августе напишите мне. Страшно тяжело душевное одиночество, хотя и ослабленное приездом наших ленинградцев и перевернувших вверх дном наше обычное житье. На беду погода у нас далеко не летняя, хотя, говорят, благоприятная для посевов, а это большое утешение. Горячо жму Вашу руку.

Душевно преданный, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 5.

№ 62

Симферополь, Архивная, 28. 9/VII- 1929

Дорогой Сергей Федорович!

Ждал я, ждал обещанного Вами «большого письма»⁶⁶ и не дождался. Из этого вижу, что, во-первых, Вы и сейчас еще обременены работой и, во-вторых, не отменяете поездки в Крым в августе, когда нам можно будет лично поговорить о многом. Питаю надежду, что это состоится в Симферополе и прошу, по возможности, заблаговременно предупредить о времени приезда. Есть у меня к Вам и другие две просьбы.

1. Вы писали, что статья моя, посланная для помещения в «Вестник знания» «Последние годы Крымского ханства» принята для «Известий Академии наук». Так как она представляет сокращение более крупной, то я просил бы Вас очень, Сергей Федорович, дать мне возможность внести в нее несколько маленьких дополнений. Конечно,

В. И. Вернадскому. Копия этого письма (от 21. III.) есть у меня в деле. Письмо (*перед словом зачеркнуто: оно*) производит очень (слово курсивом дописано сверху) благоприятное впечатление, но есть признаки раздражения против Н. И. Р[епнико]ва (далее зачеркнуто: Почему Эрнст и уклоняется от ...)» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1845. Л. 1). Этот текст без указания на его черновой характер, без вставок, многочленный, сокращений, зачеркваний опубликован как «ответное письмо» (*Непомнящий* А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород, 2018. С. 169).

⁶⁴ Умер 24 мая 1929 г.

⁶⁵ Помни (*лат*).

⁶⁶ Кавычки не закрыты.

это можно сделать и при корректуре статьи в гранках, но, быть может, удобнее было бы сделать до печатания, и если Вы согласны с этим, то нельзя ли было бы выслать мне статью теперь для просмотра и внесения дополнений дня на три — не больше. А, м[ожет] б[ыть], привезете статью?

2. Вторая просьба щекотливого порядка, польному у меня вопросу о пенсии. Я получаю академическую пенсию, но, конечно, сверхштатного профессора, 90 р[уб]. в м[еся]ц. С октября прошлого года она «автоматически» должна была быть увеличенной на 15%, но до сих пор я этой прибавки не получаю. Вы, Сергей Федорович, часто бываете в Москве, и я очень прошу Вас в Главнауке закинуть слово по этому поводу, когда Вы там будете. Меня кормят только обещаниями. Просил Гриневича. Ему сказали, что прибавка будет с 1 июля, а вот сегодня 9-ое, а ее нет. Не откажите исполнить эту просьбу, конечно, при возможности. Был здесь киевский академик Крымский⁶⁷ и связал меня с Украинской академией. Я послал туда две статьи.⁶⁸ Печатают уже. И вот утешение.

Как много неприятного в деле об Эски-Керменских раскопках... Хоть бы скорее они начались. Привет Вам и Вашим.

А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 6–6 об.

№ 63

*Почтовая карточка
19 /VII-1929 г.*

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю эту цедулку⁶⁹ в надежде, что она захватит еще Вас дома. Очень рад, что Вы решили быть в Симферополе. Переночевать, конечно, у нас есть где и, прежде всего, конечно, на Архивной ул., 28, во дворе кв. № 2, у нас, если Вас не испугает отсутствие всяческого комфорта. Если же бы Вы захотели остановиться в гостинице, то лучше «Ленинградская», «Дом крестьянина». По-видимому, Вы будете в Симферополе в одно время с Грековым. Если бы я знал день Вашего при-

⁶⁷ Крымский Агафангел (Агатангел) Ефимович (1871–1942) — историк, писатель, переводчик, востоковед, тюрколог, семитолог.

⁶⁸ Маркевич А. І. З культурної минувщини Криму XIX в.: Короткі нариси // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89; 2) Філологічна катедра під керуванням А. Ю. Кримського, Тюркологічна комісія // Студії з Криму. № 2. I–IX. С. 107–158.

⁶⁹ Цедулка (укр.) — записка.

езды, то постарался бы устроить заседание нашего Общества с докладом Бориса Дмитриевича, примерно в 7 ч[ас.] вечера при Вашем участии. За обещание спасибо.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 7.

№ 64

*Открытка. Адрес: Гаспра. Санатория ЦКБ
Академику Сергею Федоровичу Платонову
2/VIII-1929. Симферополь, Архивная, 28*

Дорогой Сергей Федорович, примите мой, А[нны] Н[иколаевны] сердечный привет по случаю прибытия в Крым и желания благополучного отдыха под солнцем Тавриды. С нетерпением жду свидания с Вами в Ак-мечети. К сожалению, у себя принять Вас не можем. Но, конечно, Вы будете нашим дорогим гостем.

Полканова зовут Александр Иванович.⁷⁰ Жаль, что Б. Д. Греков будет здесь, по-видимому, раньше Вас. С большим удовольствием прочем я Вашу статью в трудах Археографической комиссии (берлинскую).⁷¹ Вып. 3 (60) «Известий» печатается, но медленно, с перерывами. Книга выйдет в свет, думаю, не раньше конца сентября. Хотя материал уже собран. Наши ленинградцы в Алуште (рабочий уголок, дача Магденко), но Вы, вероятно, там не остановитесь на пути сюда. Итак, до радостного свидания.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 8.

№ 65

Симферополь, Архивная, 28
19 авг[уста] 1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Я бесконечно рад, что Вы довольны своей экскурсией в Симферополь и Эски-Кермен. Сожалею только о том, что Вы совершили ее

⁷⁰ Полканов Александр Иванович (1884–1971) — историк, археолог, этнограф, искусствовед; юрист, общественный деятель. Организатор науки, музейного дела, охраны и изучения памятников истории и культуры Крыма.

⁷¹ Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // ЛЗАК за 1927–1928 гг. Вып. 35. Л., 1929. С. 105–114.

так скоропалительно. Скорбит об этом и Анна Николаевна, которая задержалась дома по хозяйству и подошла к автомобильной конторе, чтобы проститься с Вами, сейчас же после Вашего отъезда. Надеемся, что в сентябре мы еще увидимся. Мое хорошее самочувствие во время Вашего отъезда оказалось только нервной вспышкой, которая сменилась потом сильной усталостью, потребовавшей даже обращения к йоду, пух *vomica*⁷² и валериане, употреблением которых я разнообразжу со вчерашнего дня свой обычный режим. Зато, побывав на Эски-Кермене и увидев остатки его стен, откопанные в прошлом году Ник[олаем] Ив[ановичем],⁷³ я в высшей степени удовлетворен тем, что видел, и всегда буду глубоко признателен Вам за то, что Вы взяли меня с собой в эту поездку. Второй раз я не смогу поехать с Вами на Эски и разве с подножия его буду наблюдать Ваше восхождение на его вершину, конечно, не тем путем, каким нам пришлось идти из Черкес-Кермена,⁷⁴ а обычной тропинкой, ходьба по которой не представляет особых трудностей, что я испытал три раза.

Прилагаю при сем и заявление в Академию. Если написано оно плохо, скажите, что и как изменить. Отсюда ход[атайст]во пойдет на днях, говорят, но я уверен, что оно будет иметь совершенно казенный, сухой характер. Да много что было сделано мною, не имеет вовсе цены в глазах нынешних людей, даже стоящих при науке. Если Вы, Сергей Федорович, присоедините к моему заявлению свое словцо и замолвите обо мне в Москве,⁷⁵ ходатайство обо мне⁷⁶ будет иметь успех. Ведь мне осталось существовать на белом свете недолго и значит я не обременю слишком расходами казны на мою особу, как и в прошлом никогда этого не было. Я не умел «просить» о себе. Но довольно об этом.

Гриневич зовет в Херсонес, но не поеду туда, так как он сам теперь там гость, а не хозяин. Раскопки его на Гераклейском полуострове очень интересны, но я довольно хорошо знакомился с ними в прошлом году. Какие удивительные места, с памятниками глубокой древности оставлялись без внимания [бывшей] Археологической комиссии. Правда, у нас было мало средств, но была полная возможность знать и беречь их, а этого не было. Но не пристало мне говорить об этом.

⁷² *Strychnos pux vomica* (*лат.*) — чилибуха (рвотный орех), применяют при воспалениях желудочно-кишечного тракта.

⁷³ Речь идет о Н. И. Репникове.

⁷⁴ Черкес-Кермен — татарская деревня Таврической губернии Симферопольского уезда, в 17 верстах от Бахчисарайя.

⁷⁵ Далее зачеркнуто «мое».

⁷⁶ Слова «обо мне» написаны над строкой рукой А. И. Маркевича.

Надеюсь, что Вы из Гаспры еще черкнете мне. Думаю, что немцев можно вполне заинтересовать раскопками на Эски-Кермене, а Мангуп всегда сам за себя стоит, даже в нынешнем состоянии.

Я занят теперь, как говорил Вам, татарщиной — русско-татарской школой. В перспективе другая большая работа. Прошу передать мой поклон Вашей семье. Анна Николаевна тепло приветствует Вас, а я горячо, как могу, обнимаю Вас.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 9–10 об.

№ 66

Симферополь. 29/VIII-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с благополучным прибытием (уверен) домой. Почему-то мне кажется, что немцы все-таки приедут и мы скоро опять увидимся. Но как бы ни было, приезд Ваш снова имел очень большое значение в ходе исследований Эски-Кермена. Благодаря Вам эта работа избавилась от приставшей к ней грязи, пошлости и получила совершенно строгий, спокойный и вполне достаточно научный характер. От души желаю, чтобы такой же характер отмечал эту работу и впредь и чтобы изучение Эски-Кермена выявило силу русской науки в должной мере. Твердо уверен, что так и будет.

Я поправился после усталости от осмотра стен Эски-Кермен, но в последнее время чувствую себя неважно. Как будто весь организм расшатался. Подбадриваю себя йодом и другими снадобьями медицинской кухни. Главное тут угнетенное состояние духа, связанное с думами о пенсии. Представления отсюда уже посланы, но я плохо верю в их силу, вся моя надежда на Ленинград, на Академию, на Вас лично. Н. С. Державин⁷⁷ также обещал поддержать ходатайством обо мне в ЦКБ,⁷⁸ как член правления Центральной секции научных работников. Если бы составить коллективное заявление, то я думаю, академики Вернадский, Жебелев, Марр, Крачковский, Самойлович,⁷⁹

⁷⁷ Державин Николай Севастьянович (1877–1953) — филолог-славист и историк, академик АН СССР (1931).

⁷⁸ Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР — исполнительный орган советской власти, задачей которого являлось создание рабочих условий для научно-технической и творческой интеллигенции России в условиях военного коммунизма. Была создана согласно Постановлению СНК РСФСР от 6 декабря 1921 «Об улучшении быта ученых».

⁷⁹ Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) — востоковед, академик АН СССР (1929), один из крупнейших российских тюркологов первой половины XX века.

В. В. Бартольд, Бузескул⁸⁰ охотно подпишали бы его. Правда, время теперь малоподходящее для каких бы то ни было ходатайств, связанных с отпуском средств, но мне ведь придется недолго обременять казну выдачами, а просимого я заслужил вполне.

Ну, что будет, пусть будет. Буду ждать терпеливо и молча, и Вам надоедать не буду по этому делу.

А насчет раскопок ничего не знаю. Сейчас здесь татарский съезд по улучшению нового татарского алфавита с участием А. Н. Самойловича. Завтра должен приехать зять из Алушты по пути в Ленинград, а Катя останется на некоторое время, и к ней хочет поехать Анна Николаевна. У сына семейные осложнения, и новые заботы валятся на меня и особенно на А[нну] Н[иколаевну]. Нет покоя нам в старости.

Вчера был у нас Соколовский с женой Турой — массажистской. Довольно странные люди. Хотят перебраться сюда из Ленинграда на жительство... Она какая-то восторженная, а он, как видно, себе на уме. Примите наши пожелания всего лучшего и не забывайте нас.

Ваш А. Маркевич.

P. S. Сейчас получил Ваше сообщение о ходат[айстве] Академии о моей пенсии. От души благодарю и Вам желаю всех благ.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 11–13.

№ 67

Симферополь. 9 /IX 1929
Помета: Получено 16 /IX

Дорогой Сергей Федорович!

Сожалею о том, что Вы не приехали теперь к нам, но, в сущности, я почти был уверен, что «сентябрьский» приезд Ваш сюда не состоится. Данное мне Академией поручение в принципе лестное, но не легкое, я счел долгом исполнить в точности и, послав краткую телеграмму Академии, сообщаю Вам подробности о приезде в Крым немецких ученых. Прежде всего, скажу, что в основу исполнения поручения возложенного на меня, я положил две обязанности: а) обставить приезд и пребывание в Крыму проф. Зауера⁸¹ и Финдейзена⁸² как можно

⁸⁰ Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) — историк античности, историограф российского антиковедения, академик АН СССР (1922).

⁸¹ Зауэр Йозеф (1872–1949) — немецкий католический богослов, представитель Общества взаимопомощи немецкой науки, профессор христианской археологии и истории искусств теологического факультета Университета Альберта Людвига в Фрайбурге,

⁸² Финдейзен Ганс (1903–1968) — этнограф, ассистент берлинского Музея народоведения (1922–1934).

приличнее и полнее в научном отношении и б) устроить как можно целенаправленнее отношения между Репниковым и Эрнстом в Эски-Кермене во время их совместного пребывания там и в присутствии гостей. Пока все это мне удалось и, думаю, вполне. Перехожу к подробностям.

{Получив Вашу первую телеграмму, я сейчас же сообщил ее содержание Н. Л. Эрнству, который охотно принял предложение академии и вместе мы отправились к Мамут Недиму,⁸³ который также получил телеграмму соответствующего содержания, и мы легко говорились о порядке приема гостей. Нарком просвещения распорядился отвести для германских ученых два номера в гостинице, выхлопотать у Совнаркома казенный автомобиль для проезда в Эски-Кермен и т. д., но не обещал (хотя желал) встретить в 3 час[аса] ночи гостей на вокзале. И вышло к лучшему, так как мы были уверены, что и Зауэр и Финдейзен так приедут из Ленинграда, как думали и Вы, то и я, и Эрнст были на вокзале к 3 часам[асам] ночи, когда приходит сюда первый скорый ленинградский поезд. Но в нем наших гостей не оказалось, и мы остались до второго поезда, который (с опозданием) пришел в 5 час[асов] утра. Из него вышел в Симферополе только один пассажир, и кондуктор сообщил нам, что в поезде едут два ученых немца, но в разных вагонах, один из них с женой, едут в Севастополь и раздетые спят. Мы решили выяснить, кто это такие, и Эрнст толкнулся к тому, который ехал один. Оказалось, что это профессор] Зауэр. Он долго не отворял купе, потом разговорился с Николаем Львовичем и сообщил, что они с Финдейзеном к нам едут из Москвы и чтобы никого не стеснять ночью, когда в Симферополь прибывает поезд, прибывают поезда с севера, решили ехать до Севастополя, а оттуда с первым поездом или автобусом приехать в Симферополь уже днем. Решение было довольно неосновательное и даже вышло не совсем удачным и для самих ученых немцев. Я и Эрнст с кислыми минами после бессонной ночи пошли по домам. Положение затруднялось тем, что поезд из Севастополя, в котором могли они приехать, приезжает в Симферополь в 4 час[аса] по полудню и значит, думали мы, наши гости прежде чем действительно прибудут в автомобиле, что недешево обойдется им, или прождут в Севастополе до полвины второго часа дня, когда уходит сюда поезд. Но Эрнст успел сказать Зауеру, что номера для них имеются в «Ленинградской» (лучшей здесь) гостинице и мне обещал наведываться в эту гостиницу в течение дня.

⁸³ Мамут Недим (1893–1938) — нарком просвещения Крымской АССР (март 1928 — октябрь 1929). Арестован в Симферополе 26 мая 1937 г., расстрелян 17 апреля 1938 г., реабилитирован 14 июня 1958 г. (Деятели крымско-татарской культуры (1921–1944 гг.). Библиографический словарь. Симферополь, 1999).

Так и вышло. Он захватил немцев сейчас после их приезда, страшно запыленных и несколько сконфуженных. Решили так, что они примут ванные, пообедают и потом пойдут к Наркомпросу (с Эрнстом), а затем в музей, куда приеду и я. Но пока немцы мылись и обедали, служебное время прошло. Наркомпрос, поджидавший их, ушел домой, а я и Эрнст встретили их в музее. Здесь мы провели около 2-х часов, приятно побеседовали и т. д. Толкнулись затем к Мамут Недиму, а он в это время пошел к ним. Тут они познакомились с ним, вместе поужинали и решено было на другой день, т. е. вчера (воскресенье), ехать в 9½ утра с германцами в Эски-Кермен и объехать с ними центральную часть Крыма (Мангуп-Кале,⁸⁴ Эски-Кермен, Качи-Кальон,⁸⁵ Сюрень⁸⁶ т. д.), а равно те места южного берега, где были сделаны в готских погребениях важные находки, то я передал ему расписку и присланные академией деньги, оставив у себя несколько рублей на расходы этой экспедиции. Вчера в 9 [часов] 40 м[инут] мы впятером (Зауер, Финдейзен с женой, Наркомпрос, Эрнст и я) двинулись в путь на отличном казенном автомобиле, причем немцы захватили с собой и значительную часть багажа своего, а Эрнст провизию на несколько дней, т. к. в д. Черкес-Кермене в этом отношении выяснились значительные неудобства. Мамут Недим решил заехать в Бахчисарай, в котором был попутно осмотрен дворец и музей, а затем в 2 ч[аса] с минутами мы прибыли на место, позавтракали и отправились на Эски-Кермен в обществе Репникова, Мацулевича, Эрнста и др. и осмотрели его обстоятельно.⁸⁷

Тут мне удалось переговорить с Н. И. Репниковым и наладить его общение с Эрнстом. Оба дали мне слово быть в своих отношениях вполне корректными, имея ввиду достоинства русской науки (Репников при прощании сказал мне: «Ваш совет, А[рсений] И[ванович], я исполню, как отцовский завет»). Должен сказать я, что германские ученые остались всем виденным в эти два дня вполне довольными и выражали мне искреннюю благодарность. Проф[ессор] Зауер — человек лет под 50, историк-археолог, очень приятный человек; Финдейзен — молодой этнограф, жена его — русская ленинградка, также занимается этнографией. Она будет жить в Бахчисарае, где будет отведена ей комната в дворцовом здании и изучать татарщину. В 7 ч[асов]

⁸⁴ Пещерный город.

⁸⁵ Качи-Кальон — пещерный город, где расположен средневековый пещерный монастырь.

⁸⁶ В пещере-гроте Сюрень археологи обнаружили многочисленные орудия труда древнего человека, в том числе кремневые скребки и резцы.

⁸⁷ Здесь и далее текст в фигурных скобках справа выделен вертикальной линией красным карандашом.

20 м[инут] вечера мы с М. Недимом вернулись в Симферополь. Дома я нашел Вашу вторую телеграмму, на которую в ответ послал сегодня уведомление в Академию (телеграммой). Проф[ессор] Егоров⁸⁸ прислал лаконичную телеграмму «приветствуя гостей», но сам не приехал, равно и проф[ессор] Саломон.⁸⁹ Репников оканчивает раскопки на Эски-Кермене 15–20, т. е. через неделю. Я, несмотря на недомогания, вчера был на Эски-Кермене...

Весь Ваш, А. Маркевич.⁹⁰

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 14–14 об.

Печатный текст:

Симферополь 9/IX [19]29. Получено 16. Зауер, Финдейзен, что выделено красным. Верно: Делопроизводитель АН СССР Е. Сабанина.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 15.

№ 68

13 /IX-1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Вы, вероятно, получили мое письмо с подробным докладом о приезде немецких ученых и т. д. Сообщаю в дополнение к нему, что вчера был у меня проф. Гамбургского ун[иверсите]та (по истории Восточной Европы) Саломон, приехавший сюда для изучения положения еврейских камней в Крыму и для побывки на Эски-Кермене, который интересует его в меньшей мере. Сегодня утром он отправился (по крайней мере, думал отправиться) туда, а вечером вернется сюда и снова будет у меня. Вероятно, после второго свидания с ним я окончу это письмо, а пока продолжаю. Проф[ессор] Егоров, по словам Саломона, уже в Москве, так на Эски-Кирмене он и не был. Са-

⁸⁸ Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) — член-корреспондент АН по отделению гуманитарных наук, историк культуры, библиотековед, профессор МГУ, заместитель директора Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Репрессирован по «Академическому делу».

⁸⁹ Саломон Рихард Георг (1884–1960) — историк, медиевист, декан философского факультета Гамбургского университета, основатель и руководитель Восточно-европейского семинара.

⁹⁰ 19 сентября 1929 г. аналогичное письмо С. Ф. Платонову отправил Н. Л. Эрнст (*Непомнящий А. А. Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С. Ф. Платоновым // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 84–85.*)

ломон приехал по этому делу всего на один день и сможет только слегка осмотреть работу на этом городище или у этого городища, т. е. на его могильнике, и значит только Зауер выяснит значение и интерес Эски-Кермена, так как останется там до конца работ Репникова, т. е. до начала следующей недели, а затем осмотрит другие более важные места, связанные с готами. Так как Н. Л. Эрнст остался с ним и при нем в Эски-Кермене (я этого сделать никак не мог по состоянию своего здоровья), то я оставил ему, т. е. передал под расписку, почти всю полученную сумму от Академии, тем более, что Зауер думает пробыть в Крыму месяц или больше. Н. Л. Эрнст человек очень аккуратный и распорядительный и исполнит взятую на себя обязанность аккуратно и умело, и вместе с ним мы составим отчет, который незамедлительно я отправлю в Академию за своею подписью. Присланные мне спешной почтой отчетные авансовые листы я сегодня получил. Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году. К сожалению, раскопки этого года мало прибавили к тому, что было известно об Эски-Кермене раньше. Могильник оказался разграбленным в давние времена.

Еще раз спасибо Вам большое за внимание ко мне и участие в моем деле. Я не знаю, уместно ли мне благодарить Академию и на всякий случай прилагаю мою благодарность. Поступите с ней как найдете нужным. Мои вчера приехали из Алушты, т. е. А[нна] Н[иколаевна] и Катя с сыном. Примите наш общий привет и пожелания всех благ.

Ваш А. Маркевич.

14-го/IX. Вчера Саломон не приходил. Иду у нему сейчас, т. е. в гостиницу.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 16–17.

№ 69

Симферополь. 22/IX -1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Получил открытку Вашу от 16-го и спешу ответить. Самое важное — немцы в высшей степени довольны всем, виденным в Крыму, в частности, в Э[ски]-К[ермене], и проблема крупных раскопок в будущем году, надо думать, упрочилась. Н. И. Р[епников] держал себя с достоинством, как руководитель работ и произвел на немцев оч[ень] хорошее впечатление. С Н. Л. Э[рнстом] отношения у него были вполне корректны и последний в обращенном к Р[епникову] слове (тосте) при-

знал значение работ его в Э[ски]-К[ермене], давших находки раннего средневековья, именно готской культуры VI в., что он отрицал раньше (и в последней своей статье). Выяснилось и «недоразумение» личное между Р[епниковым] и Э[рнстом], оказавшееся несостоящим всего того, что оно вызвало. Подробности передаст Вам об этом Л. А. Мацулович,⁹¹ который здесь два дня разбирался в этом деле. В конце концов оказалось, что чертежи пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда, в частности и Эски-Кермена,⁹² имеются в бумагах его, находящихся в Центр[альном] музее Тавриды, в особой папке, которая зарегистрирована была только в июне, т. е. после инцидента, и которой Э[рнст] не использовал, если и был знаком с нею, т. е. если знал о ней. Подозрения Н. И. Р[епникова] оказались т[аким] обр[азом] неосновательными, и дело вполне может быть «прекращено». Оно меня очень волновало, а теперь я спокоен.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 18–18 об.

№ 70

28 сент[ября] 1929

Дорогой Сергей Федорович!

Сегодня я получил Вашу открытку от 24-го и радуюсь, что Вы смогли поехать в Москву, чтобы дать отдых нервам, уму, сердцу от томимых переживаний и работы. От души желаю Вам хорошенько отдохнуть.

А вот я узнал, что в увеличении моей пенсии до профессорской ставки получен отказ — по формальным причинам. Положим, это правильно, неужели ничего не значит 53-летняя напряженная, научная и педагогич[еская] работа и неужели нельзя было увеличить мою пенсию, не доводя ее до профессорской... И вся моя трудовая жизнь должна идти наスマрку...

Теперь о поездке в Петербург я и думать не могу, так значит, мы в декабре и не увидимся. Приехать только собирался *ad patres*,⁹³ и сборы будут недолгие.

Я уже писал Вам о приятных впечатлениях и удовлетворении немцев по поводу раскопок Эски-Кермена и всего вообще виденного ими в нашей Готии. Не скрою, могу признать с поднятой головой, что мне

⁹¹ Мацулович Леонид Антонович (1886–1959) — археолог, известный историк культуры и искусства Византии.

⁹² Далее зачеркнуты слова «очень мало».

⁹³ К праотцам (*лат.*).

удалось дать корректный вид отношениям Р[епникова] и Э[рнста] в кругу гостей ради достоинства науки, но скажу, что было это нелегко. Примириить их трудно, ввести в норму гордость одного и сдержанность другого было нелегко. А главное то, что я указал Эрнstu, что надо показать немцам в Крыму, чем более или менее надеюсь обеспечить дальнейшее исследование Эски-Кермена. Я, конечно, не доживу до него и не приму в нем участие, если бы и дожил. Сказать правду, Эски-Кермен меня снова утомил, но усиленный прием камфоры спасал от сердечного кризиса. Я же всегда готов для науки и жизнью пожертвовать.

Авансовый отчет я сегодня отправил в Академию, а равно и остаток (12 р[ублей] 40 к[опеек]). Мелкие мои расходы я, разумеется, не считал.

Катя и внук уехали сегодня ночным домой. У нас тишина, пройдет день, другой и жизнь наша примет свой обычный характер. Меня пока не вычистили из педагог[ического] инстит[ута], но как я хотел бы скорее избавиться от всякой связи с ним. И при повышении пенсии это было бы так легко мне, а теперь надо покориться злой доле. Вас же, Сергей Федорович, прошу не забывать меня. Ваше доброе отношение ко мне — большое утешение для меня.

Под влиянием отказа в пенсии я сегодня не в своей тарелке и поэтому много писать не могу. Но пройдет несколько дней и будет легче. Привет наш Вам, семье Вашей и, в частности, именинницам.

P. S. По поводу отчета. Немцам показан был не только Эски-Кермен, как я писал Вам, но и Мангуп, пещерные города — Качи-Кальон, Тепе-Кермен⁹⁴ и др., Чуфут-Кале,⁹⁵ Сюрень, Гурзуф с Суук-су⁹⁶ и т. д. Вот почему расходов (на проезд и питание, как говорил Лесков) вышло довольно много. Хотя, в общем, немцев держали здесь на сухомятке.

У нас были последние перелетные птицы на север. Мацулевич из Эски-Кермена в Петербург, Гриневич из Херсонеса в Тамань и другие в Москву.

Просматриваю статейку свою «Женские образы из прошлого Крыма»,⁹⁷ но не знаю, куда ее девать (оглавление: Богиня Девана).⁹⁸

⁹⁴ Тепе-Кермен — гора-останец в Бахчисарайском районе Крыма.

⁹⁵ Чуфут-Кале — средневековый город-крепость, расположенный в Бахчисарайском районе

⁹⁶ Суук-Су — дворец построенный в XIX в. в Гурзуфе.

⁹⁷ Среди неопубликованных работ А. И. Маркевич упоминает и «Женские образы и тени в истории Тавриды». Вероятно, речь идет об одном исследовании.

⁹⁸ Девана — древнеславянская богиня, чьи функции весьма близки функциям Артемиды, древнегреческой богини охоты.

Гигиэя.⁹⁹ Амазонки.¹⁰⁰ Химера и Таргитай.¹⁰¹ Женщины Боспора. Гикия.¹⁰² Феалуга.¹⁰³ Женщины татарского Крыма. Женщины русского Крыма). А. Маркевич.

В общем, очень погано на душе. Анна Николаевна благодарит за память.¹⁰⁴

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 21–22 об.

№ 71

11/X-1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Еще раз благодарю за внимание. Оно меня только и утешает. Рад, что Академия мною «довольна» и постараюсь и впредь заслуживать ее внимание и ободрение. Получил корректуру моей статьи и вчера отправил обратно. Досадно будет одно, если между выходом первой и второй части будет большой перерыв, потеряется их тесная связь, только и определяющая маленький интерес статьи. Но это, конечно, пустяки. Вы же явились восприемником, как бы моим кумом, второй моей работы. Очень и очень благодарю. Появление ее в свет, хотя и в оч[ень] сокращенном виде, было и есть необходимо, хотя многие здесь будут недовольны...

В докладе о приезде сюда герм[анских] ученых не откажите воздать должное Н. Л. Эрнstu (он с ними очень много возился¹⁰⁵); может быть, сочтете полезным вспомнить и живое, и полезное для дела

⁹⁹ Гигиэя — в греческой мифологии богиня здоровья. Гигиэю изображали в виде молодой женщины, кормящей змею из чаши.

¹⁰⁰ Амазонки — в древнегреческой мифологии народ, состоявший исключительно из женщин, не терпевших при себе мужей, выходивший в походы под предводительством своей царицы и образовавший особое воинственное государство. Произошли от Ареса и Гармонии.

¹⁰¹ Химера — в греческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы, хвостом в виде змеи; порождение Тифона и Ехидны. В переносном смысле — необоснованная, несбыточная идея. Вскормил ее ликиец Амисодар. Первое упоминание о Химере находится в шестой песне «Илиады».

Таргитай — в скифской мифологии перво человек, прародитель скифов, сын Зевса и дочери реки Борисфен. Персонаж, аналогичный Таргитаю, у греков называется Гераклом.

¹⁰² Гикия — героиня Херсонеса, превыше всего ставила интересы своего народа, поэтому, ни минуты не колеблясь, приняла решение уничтожить врагов, в том числе и своего мужа.

¹⁰³ Имя написано неразборчиво, поэтому, вероятно, искажено.

¹⁰⁴ Последняя строчка дописана карандашом.

¹⁰⁵ Подчеркнуто волнистой линией автором письма.

участие в их приеме Наркомпроса Мамут Недима. Кстати, на него теперь сильно ополчились татары и татарствующие левого направления, обвиняют в узком националистическом направлении его работы и пристрастии, т. е. приверженности к тат[арской] буржуазии и сильно травят. По всей вероятности, снимут его с должности,¹⁰⁶ и это будет очень жаль, т. к. он культурный человек и умный, а таких среди татар очень и очень мало.

Относительно пенсии я сказал Вам уже все, что мог. 15 % прибавка, общая для всех служащих в препод[авательском] составе вузов, меня, конечно, не удовлетворяет. 90 р. или 104 в м[еся]ц — разница очень невелика. Получение разницы за год дало мне возможность расплатиться с долгами, а тут нужен ремонт теплого платья Анны Ник[олаевны] ввиду ее поездки в Ленинград, и на все это прибавки этой не хватит, а на мою поездку в Ленинград надежды нет и не предвидится... Я об этой поездке стараюсь не говорить и не думать, хотя она была бы, сказать правду, настоящей манной, лучшей радостью в моей старости.

Письма Б.-Делагарда и другие бумаги постараюсь выслать в недалеком будущем. Простите, что так часто беспокою Вас своими посланиями, надоедаю хуже «горькой» редьки (как будто редька бывает не горькая, у нас только лук имеется сладкий, и я его очень люблю) и не забываете меня.

Смиренный Арсений, старец Берестенский.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 24–25 об.

№ 72

Вверху черными чернилами: Копия об утв[ерждении] проф[ессором].
Исх[одящее] 31569. НКПрос. От АН 4/IX-29/ № 5446.

29/X-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Последнее письмо к Вам я писал в крайне тяжелом, угнетенном состоянии и боюсь, что оно Вас рассердило или встревожило. Очень прошу — простите мою вину. «Прострация» прошла, и я пришел в себя. Через месяц жена будет уже в пути в Ленинград, а я..., по всей вероятности, останусь дома в одиночестве. Разумеется, хотелось бы и мне поехать, отдохнуть, освежиться, забыться от здешних переживаний в последнее время, а кроме того и позаняться. И, прежде всего,

¹⁰⁶ С февраля 1930 года Мамут Недим был переведен в Москву на должность научного сотрудника НИИ национального строительства.

очень прошу Вас узнать в Ленинграде, не остался ли бывший архив Артиллерийского музея. Дело в том, что в один из приездов моих в Петербург я был в этом музее, и начальник его пок[ойный] Струков¹⁰⁷ сказал мне, что в архиве музея имеется ряд дел, относящихся к походу в Крым Миниха и еще никем не обследованных в научном отношении. Он сам хотел заняться этими делами, но сделал ли что-нибудь — не знаю. Конечно, я очень хотел бы¹⁰⁸ заняться этими делами, если бы попал в Ленинград. Другой вопрос, который меня интересует — рассмотрение писем Хр[истиана] Стевена¹⁰⁹ к П. Кеппену,¹¹⁰ особенно за время Крымской войны, в библиотеке Академии наук. Третий интерес — пересмотр Тавриче[ских] губ[ернских] ведомостей и других изданий в Публичной библиотеке за старые годы, (20-ые — 60-ые), а равно более поздних изданий, которых у меня здесь не было в руках. Как видите, я употребил бы время в Ленинграде на научную работу. А тут еще сюрприз особого рода: акушерка боится осложнений у беременной Кати, и, конечно, я хотел бы быть в Ленинграде с Анной Николаевной во время Катиных родов. Как видите, есть от чего выходить из равновесия.

Ко всему этому вдобавок я решил оставить должность председателя Тав[рического] Общ[ества] ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии]. Тяжело уже вести старую линию, а на новую не могу и не хочу переходить. Отказываться лично, здесь [в Симферополе] было бы для меня тяжело, да могут быть и неуместные просьбы, демонстрации и т. д., которые только бы волновали меня и подливали масла в огонь в других, к вреду для Общества. Связать уход свой с поездкой в Ленинград было бы удобнее и легче, тем более, что это будет как раз в конце года. Иначе — придется «заболеть», т. е. притворяться.

Таким образом, наступающий месяц пойдет у меня в решении вопроса: быть мне в Ленинграде или не быть? В общем, надежды не те-

¹⁰⁷ Струков Дмитрий Петрович (1864–1920) — генерал-майор, начальник Артиллерийского исторического музея (1912–1919).

¹⁰⁸ Далее зачеркнуты слова «в Ленинграде».

¹⁰⁹ Стевен Христиан Христианович (1781–1863) — русский ботаник шведского происхождения, доктор медицины, садовод и энтомолог, основатель и первый директор Никитского ботанического сада в Крыму. С 1815 г. — почетный член Петербургской академии наук, с 1849 г. — член-корреспондент. Х. Х. Стевен описал множество растений юга России.

¹¹⁰ Кеппен Петр Иванович (1893–1864) — русский ученый немецкого происхождения. Издавал труды по истории, географии, этнографии, демографии и статистике. Академик Петербургской академии наук (1839). Действительный статский советник. С 1852 года П. И. Кеппен по состоянию здоровья проводил большую часть времени (1852–1853, 1858–1859, 1860–1864) в Крыму в своем любимом имении Карабаге, близ Алушты, где и скончался.

ряю и буду счастлив, если поездка осуществится. А пока прошу принять мой горячий заочный привет.

А. Маркевич.

Еще маленькая просьба. В 1916 г. мне случилось быть в Москве в Лефортовском архиве¹¹¹ по одному делу, и начальник его пок[ойный] Н. П. Поликарпов,¹¹² мой земляк по Бресту и товарищ по гимназии и друг, показал мне две большие связки дел этого архива, касающиеся Крыма (времени его покорения и последующего), никем не использованные. Важно то, что там были дела не военного, а гражданского характера, касающиеся внутренних дел и т.д. Я тогда не имел возможности их рассматривать, а затем война и революция лишили меня возможности быть в Москве. Черкните, существует ли по-прежнему Лефортовский архив как особое учреждение или дела его перешли в другие архивы и помещения. Хотелось бы и эти дела просмотреть и, при возможности, использовать.

А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 26–27 об.

№ 73

10/XI-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Вчера я собрался уже писать Вам, как получил сразу два Ваших письма, по поводу которых много думал и вечером, и ночью и все-таки к определенному решению не пришел, хотя за поездку шансов привалось. Но, прежде всего, примите горячую мою благодарность за доброту ко мне, за Ваши заботы и попечение, которые никогда не забуду. Во-вторых, я не понял Ваших слов; «ждем отчета» (по Эски-Кермену). Денежный полный отчет на 300 р. и 14 р. остаток я выслал в Академию недели три тому назад. Неужели он не получен? Будьте добры выяснить в академической канцелярии и черкните. Будет крайне досадно, если мой пакет с отчетом и сопроводительными документами пропал. Жаль, что я послал его не Вам, а по адресу Академии, не хотел беспокоить Вас. Н. Л. Эрнст, как и я, писал Вам о пребывании здесь немцев. Что же еще нужно? А может быть, Вы писали ввиду неполучения отчета Репникова и др.? Тогда другое дело. Мы свое дело сделали аккуратно.

¹¹¹ Лефортовский архив военно-морской секции Центрархива существовал в 1819–1925 годах.

¹¹² Поликарпов Николай Петрович (1853–1914) — военный историк и архивист, полковник, заведующий Московским отделением Общего архива Главного штаба.

Академические перипетии и напасти меня сильно огорчили. Эта сессия была особенно очень тяжелой вообще и для Вас в частности. Читая и думая о случившемся, я переживал и свои беды, связанные с архивной службой, отражающиеся до сих пор на моем существовании, хотя и ни в чем не был повинен и оказался виновным за чужие грехи. Дело стоит так, что придется, вероятно, отказаться от звания председателя Общ[ества] ист[ории] арх[еологии] и этн[ографии]. Скоро должна окончиться и служба моя в пединституте, и вот почему я с нетерпением жду решения вопроса о моей пенсии. Спасибо за Ваше сердечное участие в этом вопросе. А Н. С. Державин что-то замолчал, а на него, я, признаться, очень надеялся и по ЦКБ и Главное бюро секции научных работников. Буду терпеть.

Теперь перехожу к поездке в Петербург. За поездку столько данных, что и не перечислить их. И мое горячее желание навестить своих, которых уже больше не увижу, и желание кое-чем заняться, о чем я писал Вам, и освежиться, и отдохнуть душою в той среде, общение с которой составляет исключительную радость моей жизни, и настойчивые просьбы и убеждения жены, которая боится оставить меня здесь на продолжительное время без своей опеки, и многое другое. Так же много данных и против поездки. Главная помеха, конечно, в недостатке ресурсов на поездку. Я в долгах, а делать новые (руб. 50–60), значит совсем закабалить себя, тем более, что прибавка к пенсии (я не желаю большей прибавки, чем руб. 40–50 к получаемой мною пенсии — 100 р.) висит в воздухе. Затем, быть может, что ректор не даст отпуска месяца на полтора в середине учебного года (конечно, буду просить его по болезни). Далее, предстоит здесь новая чистка служащих, и сын опасается, как бы не вычистили и его, а он с двумя детьми, в сущности, на моих плечах. Есть затруднения и квартирного, и хозяйственного характера. Это главные противопоказания, имеются и другие — по Обществу и т.п. Вопрос должен вполне решиться к 1 декабря; Анна Николаевна уедет раньше, в 20-х числах этого месяца.

Мне очень неловко касаться всех этих вопросов, но с Вами я привык уже быть совершенно, т. е. вполне откровенным. Уж простите за то, что утомляю Вас сообщением о своих бедах. А Вас прошу с обычной выдержкой и тактом, и бодростью душевной реагировать на те напасти, которые приходится переживать и Вам. А тезку Вашего жаль.¹¹³ Здесь главное событие — массовый выезд в Канаду немцев-колонистов. Уехало уже 5000; слышно, уезжают все (40 000). Земли и по-

¹¹³ Речь идет о смещении Сергея Федоровича Ольденбурга с поста непременного секретаря Академии в конце октября 1929 г.

стройки бросают, инвентарь распределяют за бесценок. Выходит, история повторяется.

Ваш А. Маркевич.

Мамут Недим отстранен от должности.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 28–29 об.

№ 74

Симферополь. 15/XI-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Три дня тому назад был здесь Ганс Оттович Финдейзен, чтобы взять жену, остававшуюся здесь (в Бахчисарае) и собиравшую этнографический материал для Берлинского и Гамбургского музеев, и возвратиться в Берлин. Профессор Зауэр, по его словам, тоже уехал уже с Кавказа дней 10 тому назад и приступит, по словам Финдейзена, немедленно к составлению большого и обстоятельного отчета о командировке своей в Крым и на Кавказ, результатами которой они, по-видимому, очень довольны.¹¹⁴ Сообщаю Вам об этом на всякий случай. А Н. И. Репников писал мне на днях, что готовит выставку своих Эски-Керменских работ этого года и предметов, найденных при раскопках, что, конечно, Вам уже известно. Вероятно, он уже представил в Академию свой отчет. Если бы удалась мне поездка в Петербург с женой, которая отправляется через две недели, то и я скоро был бы в курсе всех вопросов, связанных с Эски-Керменом, но дела мои «как сажа белы», и о поездке я уже заставляю себя не думать. Разумеется, возобновление ходатайства об увеличении мне пенсии для меня очень важно, и я буду крайне благодарен президиуму Академии наук, если он это сделает, имея ввиду предстоящие хотя бы 75-летие моей жизни на белом свете и 54-летие научной работы с усердным желанием продолжать ее до последнего вздоха. Здешняя секция научных работников сочувствует моему желанию, но, по-видимому, из рабьего отношения к власти, начиная с ректора, и пресмыкательства сделала бы это со своей стороны в сухо формальном тоне, и ответственный секретарь нашего бюро секции сказал мне, что хорошо было бы, если бы ходатайство Академии наук в копии было прислано сюда, и тогда здешняя секция приложила бы его к своему ходатайству, что могло бы, по его мнению, иметь большее значение. Может быть, удобнее было бы копию здешнего ходатайства

¹¹⁴ Финдейзен сказал, что отчет Зауера будет, конечно, сообщен в Академию наук (примеч. А. И. Маркевича).

послать в Академию и приложить к ход[атайст]ву, не берусь судить. Во всяком случае, мое положение неважное и скорого улучшения его я не вижу. Просить (в сущности, протягивать руку) невыносимо тяжело. А тут в самом скором времени неизбежно на мои плечи свалится и другая внучка, так как ее мать, бывшая жена нашего сына больна туберкулезом в самой острой и безнадежной форме, должна лечь в больницу, а девочка неизбежно будет взята сыном на наше попечение, так как другого выхода нет. Как видите, положение пико-вое, аховое, назовите как хотите, но для нас с А[нной] Н[иколаевной] крайне тяжелое. Надеюсь, что Вы повидаетесь с нею в Петербурге, и она расскажет Вам об этом подробно.

Ну, довольно. Душевной бодрости я еще не теряю, но сердце и нервы в плохом состоянии. Надежды на поездку в Петербург, хотя не сейчас, позже, не теряю, а пока заочно обнимаю Вас.

Искренне Вам преданный и любящий, А. Маркевич.

P. S. Не знаю, пойдет ли сегодня это письмо. Вчера в 4-х магазинах письменных прин[адлежностей] не нашел конвертов...¹¹⁵

OP РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Op. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 30–31 об.

№ 75

20/XI-1929 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Хорошо и вполне понимаю тяжесть Ваших переживаний и горя, соболезную ввиду и личных Ваших невзгод, и общеакадемических. Мое сочувствие тем живее, что подобное, как Вы знаете, пришлось испытать и мне. Разумеется, все это перемелется, но пока прошу stoически переносить этот удар, эту боль. Прошу передать мое соболезнование и Вашей семье, в частности, особенно пострадавшим, и при случае В. Г. Дружинину.

Сейчас я жду Вашего письма по злополучному делу с Эски-Керменом. В начале октября еще я отоспал денежный отчет по авансу в 300 руб. на прием германских ученых за подписями моего, Н. Л. Эрнста и с приложением оправдательных документов, а остаток 12 р. 40 к. отправил переводом отдельно в Академию.¹¹⁶ Я думал, что все исполнил. Оказывается не так. Вы писали мне, что «отчет не получен», а вчера я получил отношение Хранилища академических изданий от 13 ноября за № 20886 с уведомлением о получении

¹¹⁵ Далее неразборчиво.

¹¹⁶ Подчеркнуто красным карандашом С. Ф. Платоновым

этих денег и просьбой срочно сообщить «какие издания надлежит выслать на эту сумму»,¹¹⁷ при чем здесь хранилище изданий Академии — не могу понять. Ответ на это отношение прилагаю к этому листу и очень прошу Вас поступить, как найдете нужным. Если надо будет выслать вторично наш денежный отчет, то мы это сделаем, но, разумеется, без оправдательных документов. Буду ждать распоряжений Ваших.

Я склонен думать, что посланный в Академию пакет с отчетом пропал в пути.

На днях я отправил рассмотренную корректуру второй части моей статьи и, значит, она выйдет в «Известиях АН» скоро. Еще раз большое спасибо за Ваше внимание, но статейка вышла хуже первой, так как предназначалась для популярного издания.

Анна Николаевна через полторы недели отправляется в Ленинград. Вчера я подал заявление в правление пединститута с просьбой об отпуске, и значит, если разрешат его и не будет каких-либо препятствий, в конце декабря мы увидимся. А препятствия могут быть разные, и об этом я писал Вам. В принципе же очень мне хочется совершить эту поездку. Конечно, до того времени еще буду надоедать Вам.

Кстати, расчетные данные. Получено было на прием немцев 297 р. 25 к., израсходовано 284 р. 85 к. Остаток 12 р. 40 к.¹¹⁸

Низко кланяюсь.

Ваш А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 32–33 об.

№ 76

Карандашная помета:
Анна Ник[олаевна], Ек[атерина] Арс[ентьевна],
Ник[олай] Серг[еевич]¹¹⁹
21/XII-1929

Дорогой Сергей Федорович!

Решено, в Ленинград еду и буду у своих к 1-му. Первый визит будет к Вам. Не откажите сказать по телефону Кошляковым (пр[о]сп[ект]

¹¹⁷ Подчеркнуто синим карандашом С. Ф. Платоновым.

¹¹⁸ Подчеркнуто красным карандашом С. Ф. Платоновым.

¹¹⁹ Помета для памяти, сделанная С. Ф. Платоновым о членах семьи А. И. Маркевича.

К. Либкнехта, д. 98, кв. 16) в какие дни и часы¹²⁰ Вы свободны и бываете дома. Пока обнимаю Вас заочно.

Сердечно Ваш, А. Маркевич.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 35.

№ 77

Ленинград. 4/III-1930

Дорогой Сергей Федорович!

Не знаю, когда попадет в Ваши руки это мое письмо, но не могу, собираясь домой в Крым, не обнять Вас хоть мысленно, на прощание не написать Вам два-три слова. Все это время мои мысли обращены были к Вам, хотелось сказать Вам что-либо утешительное, подбодрить Вас, успокоить.

Не оставляла меня и надежда на то, что правда выяснится и восторжествует над кривдой и ложью. И больно было, что время шло, а дело тянулось, правильнее, затягивалось. Утешали только слухи, что Вы здоровы и бодры. Твердо надеюсь, что весь этот ужас кончится скоро, и что, в конце концов, Ваши честь и достоинство, как человека и ученого, окажутся незапятнанными. Воображаю, как-то дело Вам и душевно желаю выйти из этого испытания в полном здоровье. И меня постигла беда, задержавшая здесь на целый месяц. В начале февраля я схватил воспаление левого легкого и плеврит обоих легких одновременно, и при истощении организма, старости и плохом сердце, дело было серьезное. Но старание доктора (Н. Я. Яковлева), уход домашних и самоотверженность Анны Ник[олаевны] спасли меня, и сегодня я первый раз выходил на воздух, на солнце, хотя еще слаб, даже очень слаб. В начале следующей недели, вероятно, двинемся восвояси. Крымское солнце, думаю, скоро восстановит мои силы. Беда только в том, что и там, как и здесь с «пищепитанием» очень плохо, а без этого сил не наберешься.

Конечно, болезнь испортила все мои планы относительно пребывания в Ленинграде, и сделал я здесь гораздо меньше, чем думал. Но, в общем, я доволен, что приехал сюда, отрешился хоть на время от нашего затхлого бытия, пошлости, сплетен, пресмыкания и всякой тому подобной гадости. И здесь много печального и тревожного, но все-таки меньше, чем там — на...¹²¹

В последнее время именно тогда, когда я был уже здесь, там было особенно гадко.

¹²⁰ Подчеркнуто автором письма.

¹²¹ Далее неразборчиво.

Здешние переживания и новости Вы узнаете раньше, чем из этого письмеца, и я о них говорить не буду. К тому же и знаю мало. Был на заседании годичном АН и вынес самое тяжелое впечатление. Сейчас происходят перемены в составе Президиума. Как-то не верится, что новый состав его будет вполне соответствовать идеалу Академии, какой сложился у нас, стариков.

Узнал я здесь от Б. Д. Грекова, что Археограф[ическая] комиссия намерена переиздать все «Крымские дела». Я очень рад буду, конечно, если это предприятие осуществится. Крымский нарком прос[вещения] отпустил пособие на это издание по 2000 р. в течение 3-х лет. Недурно. Хотелось бы окончить письмо чем-либо веселым, радостным, но ничего нет на душе светлого. Эх, как хотел бы я обнять Вас поскорее. Может быть, заедете летом в Крым погреться на солнышке. А пока позвольте пожелать Вам побольше здоровья и все благ.

Не забывайте меня. А[нна] Н[иколаевна] шлет Вам самый сердечный привет.

Душевно и дружески преданный Вам, А. Маркевич.

Всем Вашим низкие поклоны и почтение. К половине марта мы надеемся быть в Симферополе, на Архивной, 28.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3487. Л. 36–37 об.

Н. В. Белов

**НОВАЯ КНИГА О ЦАРЕ ИВАНЕ ГРОЗНОМ
(РЕЦ.: КАШТАНОВ С. М., СТОЛЯРОВА Л. В.
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ВРЕМЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.
М.; БЕРЛИН: ДИРЕКТ-МЕДИА, 2020. — 216 с.)**

Предуведомление

Эта рецензия была написана весной-летом 2021 г. и передана в редакцию журнала «Novogardia». Однако ее публикации помешало немаловажное обстоятельство. В августе того же года вся информация о рецензируемой книге была удалена с сайта издательства «Директ-Медиа». Обращение к издателю оказалось безрезультатным. Переписка же с одним из авторов учебного пособия прояснила ситуацию. Выяснилось, что распространяемая в сети Интернет книга является черновой версией, еще не утвержденной обоими ее создателями. Но как в таком случае объяснить, что интересующая нас печатная продукция около года продавалась на официальном сайте издательства (где ее купил в январе 2021 г. и автор этих строк)? О том, что книга существует и уже вышла из печати, свидетельствовало ее размещение среди публикаций Л. В. Столяровой на сайте ИВИ РАН и на электронном портале «Elibrary». Так или иначе, рецензия была отозвана из журнала вплоть до появления надежных сведений о публикации книги. По прошествии семи месяцев, в конце марта 2022 г., книга вновь появилась в продаже, а ее электронная версия стала активно распространяться на различных Интернет-ресурсах. Стало очевидным, что, несмотря на не до конца ясный статус издания, оно опять оказалось доступным читателю, хотя бы и вопреки воле издателя и авторов. В этой связи публикация означенной рецензии представляется не только возможной, но и своевременной. Она может в определенной степени предостеречь не только потенциальных читателей книги С. М. Каштanova и Л. В. Столяровой, но и исследователей, доверивших рукописи своих трудов издательству «Директ-Медиа».

* * *

Летом 2020 г. в издательстве «Директ-Медиа» вышла книга известных московских историков, сотрудников ИВИ РАН С. М. Каштанова и Л. В. Столяровой «Иван Грозный и его время». Обозначенные на титульном листе данные гласят, что это издание является «учебным пособием», адресованным «студентам гуманитарных факультетов вузов, а также учителям истории, работающим в рамках системы дополнительного образования (ДО)» и, кроме того, «старшим школьникам» и вообще «всем интересующимся историей и культурой России эпохи Ивана Грозного». Оборот титульного листа увенчан солидным грифом: «Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН». Там же помещены имена двух научных рецензентов: докторов исторических наук К. Ю. Ерусалимского (РГГУ) и Т. В. Гимона (ИВИ РАН).

Судя по заглавным страницам, перед нами — серьезное учебно-методическое пособие, подготовленное двумя крупными специалистами, успешно прошедшее рецензирование у двух докторов наук и имеющее рекомендацию Ученого совета одного из ведущих профильных академических институтов страны.

Книга подразделена на девять глав (или, как они названы в аннотации, очерков). Для того, чтобы яснее представить структуру издания, позволим себе привести отрывок из авторского предисловия: «Очерки 1–2 написаны С. М. Каштановым совместно с Л. В. Столяровой; очерки 3–7 и терминологический словарь — Л. В. Столяровой, очерки 8–9 — С. М. Каштановым. Хронологическая таблица и список литературы составлены С. Ю. Королевой» (с. 6).

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания книги, необходимо остановиться на вопросе об авторстве представленного в ней текста. Вопрос этот в высшей степени непростой. Согласно процитированному фрагменту предисловия, перу С. М. Каштанова принадлежат два очерка; эти очерки (№ 8: «Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв.» и № 9: «Русский ученик в Константинополе в середине XVI в.») представляют собой перепечатку одноименных статей Каштанова, опубликованных в 1997 и 2006 годах.¹ В книге они, очевидно, играют роль приложения и не принадлежат к основной ее части. Два вводных очерка — об историографии и основных источниках по истории правления Ивана IV — написаны С. М. Каштановым

¹ Каштанов С. М. 1) Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–229; 2) Русский ученик в Константинополе в середине XVI века // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 3. М., 2006. С. 201–215.

в соавторстве с Л. В. Столяровой. Главная часть работы, содержащая обзор внутренней и внешней политики, а также культуры времени Ивана Грозного, создана Л. В. Столяровой. Причастность С. М. Каштанова к написанию вводной части, однако же, может быть поставлена под сомнение. В 2019 г. в специальном выпуске научно-образовательного электронного журнала «История» вышла обширная методическая статья Л. В. Столяровой «Роль Ивана IV Грозного в российской истории: реформы и их цена». Текст статьи, за немногими исключениями, в точности совпадает с текстом рецензируемой книги. Это касается и тех частей (очерков), которые, если верить предисловию, были написаны совместными усилиями С. М. Каштанова и Л. В. Столяровой, а также хронологической таблицы, составленной, опять-таки в соответствии с предисловием, С. Ю. Королевой. Единственным серьезным отличием статьи Столяровой от интересующей нас книги является лишь отсутствие в ней двух указанных выше статей С. М. Каштанова. Из этого мы можем сделать осторожный вывод о том, что *весь* текст рецензируемого издания, за исключением очерков 8–9, написан одной Л. В. Столяровой.

Еще один немаловажный формальный момент. Проходило ли данное издание *действительную* экспертизу членов Ученого совета ИВИ РАН — доподлинно нам неизвестно. В то же время, по крайней мере, один из указанных в титуле рецензентов, К. Ю. Ерусалимский, не знал о существовании этой книги вплоть до ее выхода из печати.

Автор(ы) учебного пособия заявляют, что цель издания — «не просто помочь учащимся методическим и фактологическим материалом, но и приблизить учебную программу к основным достижениям академической науки, увлечь студентов и старших школьников исторической наукой и историей России, привить интерес к ней через понимание сложнейших процессов внутренней и внешней политики, социально-экономической и культурно-идеологической истории эпохи Ивана Грозного» (с. 5–6).

Благая цель автора(ов)² на деле оказалась реализована весьма своеобразно. С нашей точки зрения, рассматриваемая книга характеризуется двумя фундаментальными чертами: тотальным игнорированием значительного пласта отечественной историографии и возведением в абсолют собственных авторских наработок по частным вопросам, а также весьма низким общим уровнем знаний в рамках рассматриваемой эпохи.

² При рассмотрении основного содержания книги мы по умолчанию приписываем авторство текста Л. В. Столяровой. Это следует как из заключительного абзаца авторского вступления, так и из тождественности книжного текста с текстом вышеназванной статьи Л. В. Столяровой.

Приступая к изложению предыстории правления Ивана IV, Л. В. Столярова делает концептуально важное замечание: «Как известно, ко второй половине XV — первой трети XVI в. (т. е. в период правления Ивана III и Василия III) в России установилась самодержавная монархия, в которой великому князю принадлежала вся полнота политической власти» (с. 28). С самого начала автор постулирует как непреложную истину весьма спорное утверждение. Столяровой должно быть *известно*, что вопрос о генезисе и о времени окончательного складывания самодержавия в России положительно не решен; говорить же об установлении самодержавной монархии «к середине» (и даже «к концу») XV века весьма затруднительно. Другое утверждение, призванное, видимо, убедить читателя в слабой организации ранней московской монархии, заставляет всерьез задуматься: «Как известно (опять! — Н. Б.), государственный аппарат (государственные учреждения) в России возникли позднее самого государства. <...> Этим объясняется позднее в сравнении с другими странами Европы (не ранее XVI в.) начало канцелярской практики в средневековой Руси» (с. 32–33). Читатель вправе спросить у автора: в каких «других» странах Европы государственные учреждения возникли *одновременно с государством или ранее него?*³

Впрочем, концептуальная составляющая в рецензируемом издании невелика — это диктуется, в первую очередь, его учебным статусом. Последнее обстоятельство, правда, никоим образом не способно объяснить содержащегося в нем большого числа фактических ошибок и неточностей.

Исключительно много проблем в тексте Л. В. Столяровой связано с неверно указанными датами. Так, например, развод Василия III в книге отнесен к 1526 г. (с. 29), хотя на деле он состоялся в ноябре 1525 г. Касимовский служилый хан Шах-Али назван участником «походов на Казань 1537, 1540, 1541, 1548, 1552 гг.» (с. 64). Стоит ли говорить о том, что в первых трех «походах» Шах-Али не принимал участия, потому что их просто-напросто не существовало? Правда, и с Казанским походом 1552 г. не все обстоит гладко: его начало в книге датировано августом (с. 67), в то время как из источников

³ В исследованиях С. М. Каштанова действительно говорится о позднем, в сравнении с Западной Европой (преимущественно — Франкским королевством), становлении канцелярской практики на Руси. Этот разрыв Каштанов объясняет более ранним складыванием государства и феодального общества на Западе. О том, происходили ли эти процессы в России и Европе *позднее или ранее* возникновения государственности, в трудах С. М. Каштанова не говорится (Каштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 10–11, 94–95 и др.).

твёрдо известно, что царь Иван IV выступил против Казани в первых числах июля.⁴ Когда именно было издано Уложение о службе Л. В. Столярова, по-видимому, так и не определилась: в одном месте работы говорится о его принятии в 1556 г. (с. 38–39), а несколькими строками ниже тот же самый абзац дословно повторен (*sic!*), но уже с иной временной привязкой: 1555–1556 годы (с. 39–40). Первый Земский собор автором верно отнесен к 1549 г., правда, по ее мнению, на нем «решался вопрос об утверждении нового Судебника» (с. 37), что в действительности произошло лишь через год, на Соборе конца 1549–1550 г.⁵

Отдельного комментария в этой связи заслуживает так называемая «хронологическая таблица», помещенная в конце рассматриваемой книги. Ее авторство нам установить не удалось: предисловие приписывает его С. Ю. Королевой, однако эта же таблица содержится и в упомянутой ранее статье Л. В. Столяровой. Отметим лишь некоторые, наиболее бросающиеся в глаза, ошибки. Так, завершение денежной реформы Елены Глинской почему-то отнесено к 1535 г. (с. 189), хотя в этом году четырехлетняя реформа только началась. «Первый неудачный поход на Казань» датирован 1547/48 г. (с. 191); это не совсем верно: еще в апреле 1545 г. к Казани ходила армия князя С. И. Микулинского.⁶ Война со Швецией в таблице получила сразу две датировки: 1554–1557 (с. 192) и 1555–1557 годы (с. 193); какая из датировок верна — не уточняется. Под декабрям 1557 г. отмечен захват и опустошение Ливонии русской армией (с. 193), однако последняя впервые вступила на ливонскую территорию лишь 22 января 1558 г.⁷ Осаду и падение крепости Ринген следует датировать не сентябрем (с. 193), а октябрем 1558 г. Та же ошибка — указание сентября, а не ноября 1559 г. — относится и к осаде Дерпта магистром Г. Кеттлером (с. 193). Взятие Нарвы русскими войсками и правда произошло в мае, но вот только не 1559-го (с. 194), а 1558 г. Составительница датирует 1560-м годом целый ряд архитектурных проектов: «Начало строительства Александровской слободы. Строительство

⁴ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 92.

⁵ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973. С. 152–156.

⁶ Именно с походом кн. С. И. Микулинского официальные московские книжники в середине XVI в. связывали начало победоносной Казанской войны («О Казанской войне как началася от великого князя Ивана») (ПСРЛ. Т. 29. С. 46). Думается, исключение этой боевой экспедиции из списка «казанских походов» требует весомого обоснования.

⁷ Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017. С. 48.

Покровского собора, Печатного двора и Сокольничего дворца. Начало строительства Казанского кремля» (с. 194–195); читатель будет удивлен, узнав, что ни одного из перечисленных событий в этот год в действительности не произошло. Под 1563 г. в таблице зафиксирован некий «поход турок, татар и ногайцев (sic! — Н. Б.) на Астрахань» (с. 195). Совершенно очевидно, что это — заблудившийся во времени фантом-двойник знаменитого крымско-турецкого похода 1569 г. (таковой, кстати, в таблице тоже присутствует, в этот раз — на своем законном месте). Суд над митрополитом Филиппом состоялся вовсе не в июле 1568 г. (с. 196), а в ноябре этого года. Запись против 1570 г. выглядит странно: «Казнь кн. Ивана Михайловича Висковатова. Разг[р]ом Клина, Твери и Новгорода» (с. 196). К приведенной записи возникает, по меньшей мере, два глобальных вопроса: во-первых, отчего из полутора сотен казненных на Поганой луже автор решила выделить именно дьяка (а не князя!) И. М. Висковатого и, во-вторых, почему казни 25 мая 1570 г. *предшествуют* январскому разгрому Новгорода и тем более — опричным бесчинствам в Твери и Клину декабря 1569 г.? Под 1578 г. в таблице неожиданно возникает некий «первый (sic! — Н. Б.) поход Ермака в Сибирь» (с. 197); установить, что именно имела в виду автор этой сентенции, и каким образом Ермак оказался в Сибири до своего похода 1581(82) г.,⁸ увы, не представляется возможным. Изумление усиливается, когда под 1579 г. мы встречаем столь же необъяснимый «второй поход Ермака Тимофеевича» (с. 198).⁹ О непростой судьбе царевича Ивана непреложно свидетельствуют упоминания двух его последовательных «смертей»: первая произошла в 1581 г. (с. 198), а вторая — 19 ноября того же года (с. 199). Удивителен разнобой дат в промежутке с 1581 по 1584 год

⁸ Дата начала похода Ермака дискуссионна: исследователи обыкновенно относят ее к сентябрю 1581 или 1582 г. Предпочтительность последней обоснована Р. Г. Скрыниковым, а в наши дни Я. Г. Солодкиным (*Солодкин Я. Г. В каком году началась сибирская экспедиция Ермака? // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. М.; СПб.; Великий Новгород, 2011. С. 260*).

⁹ Можно лишь предположить, что в данном случае автор-составитель опиралась на разыскания В. И. Сергеева. В статье 1959 г. этот автор предложил новый взгляд на хронологию «ермаковой эпопеи». Основываясь исключительно на поздней компилятивной «Истории» С. Ремезова, Сергеев заключил, что поход дружины Ермака проходил в несколько этапов, с неоднократными зимовками, на протяжении нескольких лет, начиная с 1577 г. (*Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. 1959. № 1. С. 117–129*). Версия В. И. Сергеева была отвергнута последующими исследователями как совершенно недостоверная (*Скрыников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 10–11, 151–152; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 83, 263*). Правда, заметим, что даже в тексте Сергеева речь идет об одном, а не о трех походах Ермака «со товарищи».

(с. 199) — порядок их расположения вступает в острое противоречие с элементарным арифметическим счетом.

Не меньший урон в тексте Л. В. Столяровой понесли термины и исторические персонажи. Дьяк И. М. Висковатый дважды указан с княжеским титулом, коего он, разумеется, не носил (с. 38, 196). Благовещенский священник Сильвестр ошибочно назван «протопопом» (с. 90),¹⁰ а астраханский царевич Саин-Булат, будущий князь Симеон Бекбулатович, — сыном «султана Ногайской орды» (с. 54). Имя служилого татарского хана Шаха-Али несколько раз сопровождено загадочным прибавлением «шах» («Шах-Али шах») — к сожалению, автор не пояснила, что именно означает эта прибавка (с. 65). Казанский хан Едигер-Магмет пишется то «Едигаром», то «Ядигаром» (с. 65, 67). Царевич Федор Иванович, невзирая на достижения новейшей историографии,¹¹ с завидным упорством продолжает характеризоваться как «слабоумный» (с. 59, 61, 114, 153). Крымские татары неоднократно названы «крымчаками» (они приняли иудаизм?..) (с. 51, 69), Особый двор Ивана Грозного — просто «Государевым двором» (с. 52), а «подвижные осадные башни», используемые русскими при осаде Казани — «гуляй-городом» (легким оборонительным — а не осадным! — укреплением, применяемым для борьбы с татарской конницей) (с. 67). Дважды данное в книге определение местничества («принцип назначения на военные и государственные должности в зависимости от родовитости, знатности»¹²) соответствует действительности лишь наполовину: еще А. А. Зимин и С. О. Шмидт убедительно показали, что первоначально формировавшееся в боярской среде местничество носило исключительно служилый характер, и лишь в связи с активным введением в Думу княжеского элемента в 1530–1540-х годах к служилому принципу добавился родословный.¹³

Опричине, центральному событию времени правления Ивана IV, в книге уделено совсем мало места — всего лишь восемь страниц (или 3,7 % от общего объема). Столько же, сколько краткому периоду

¹⁰ Ошибочность распространенного мнения о «протопопстве» Сильвестра еще в 1980-х годах была убедительно показана И. В. Курукиным (*Курукин И. В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 110–111*). Им же был опровергнут еще один историографический миф — о ссылке Сильвестра в Соловецкий монастырь (Там же. С. 132–133), также воспроизведенный в работе Л. В. Столяровой (с. 43).

¹¹ Володихин Д. М. Царь Федор Иванович. М., 2011. С. 31–47.

¹² Одно из этих двух определений, помещенное в Терминологическом словаре в конце рецензируемой книги, обнаруживает подозрительное текстуальное сходство со вступительной частью статьи «Местничество» из свободной интернет-энциклопедии «Википедия».

¹³ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. С. 268.

«великого княжения» Симеона Бекбулатовича и почти в два раза меньшее, чем реформам 1550-х годов. Однако и на этих восьми страницах Л. В. Столярова даже не упомянула о важнейших событиях опричного периода: «казанской ссылке» русской знати, «изменных делах» боярина И. П. Федорова-Челяднина и князя Владимира Старицкого, противостоянии царя с митрополитом Филиппом. Масштабный новгородский поход назван единожды, да и то — мельком, через запятую. Весь рассказ о сложной и многогранной политике опричнине в рецензируемом издании свелся к эмоциональному пересказу иностранных свидетельств о попойках и оргиях в Александровской слободе, а также краткому описанию казней на Поганой луже весной 1570 г. и сражения с крымскими татарами при Молодях. Предложенная Л. В. Столяровой трактовка опричнине удивительно проста: создавая это учреждение, царь всего-навсего «кровью и казнями цементировал свою самодержавную власть, расправляясь со всеми центробежными силами» (с. 48).¹⁴

По-видимому, не очень твердо разбираясь в историографии вопроса, Л. В. Столярова делает весьма странные заявления о характере и содержании опричных преобразований.¹⁵ Согласно одному из них, «по форме опричнина напоминала монашеский орден, во главе которого стоял царь в качестве игумена-настоятеля» (с. 47). Между тем, в современной науке существование упомянутого Столяровой «опричного монастыря» обыкновенно датируется узким времененным промежутком: считанными месяцами или неделями 1569/70 г.¹⁶ В другом месте автор утверждает, что «опричное войско (sic! — Н. Б.) получало общее для всех обмундирование: „черные одежды“, к которым прилагались метла — чтобы вметать измену, и собачья голова — чтобы ее выгрызать» (с. 48). Столярова явно путает многочисленную (до 5–6 тысяч человек) опричную армию, преимущественно состоявшую из городовых детей боярских и их послужильцев, с довольно ограниченным — в пределах нескольких сотен человек — кругом членов опричного «двора» Ивана Грозного, какое-то время, видимо, действительно носивших подобное облачение (причем облачение исключительно придворное,

¹⁴ Данный текст в книге выделен полужирным курсивом, очевидно, для того, чтобы учащиеся обратили на него особое внимание.

¹⁵ Нередко тезисы Л. В. Столяровой об опричнине вступают в противоречие со взглядами на это учреждение С. М. Каштанова, высказанными им в обширной статье более полувека назад и, кажется, не претерпевшими серьезных изменений вплоть до наших дней (см.: Каштанов С. М. К изучению опричнине Ивана Грозного // ИСССР. 1963. № 2. С. 96–117).

¹⁶ Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 449, 452–453; Володихин Д. М. Иван IV Грозный. М., 2010. С. 175–178.

а вовсе не военное, как пытается заверить читателей автор книги). Удивительно и следующее высказывание Л. В. Столяровой: «В опричнине действовала своя Боярская дума. Приказы остались в земщине, но часть дьяков была взята государем в опричнину» (с. 47). Исследовательница не учла, что опричная Дума создавалась царем Иваном параллельно с опричными же приказами (избами).¹⁷ Говоря о земельной политике опричнины, Л. В. Столярова со ссылкой на В. Б. Кобрину постулирует, что царь Иван «объективно стремился к уничтожению вотчинной системы» и в итоге «все же нанес» по ней «сокрушительный удар» (с. 48). Приведенный автором тезис прямо противоречит тому, что писал по этому поводу сам В. Б. Кобрин.¹⁸ Еще одно высказывание Столяровой о результатах опричнины вызывает недоумение: по заключению исследовательницы, в годы опричного террора «уничтожить боярство Ивану Грозному не удалось» (с. 48). Хочется спросить: а ставил ли царь Иван Васильевич перед собой столь далеко идущую цель?

Представленный в книге обзор внешней политики Ивана IV также вызывает многочисленные вопросы. К примеру, на каком основании Л. В. Столярова причислила к «враждебно настроенным по отношению к Москве» казанским ханам московского ставленника Джана-Али (с. 65), убитого казанской знатью за свои пророссийские симпатии? Желая дискредитировать опричные войска Ивана IV, Столярова предприняла попытку обвинить их в преступном бездействии, когда в мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей, «не вступая в бой (sic! — Н. Б.), поджег незащищенные посады [Москвы]» (с. 51). Автору, по-видимому, остался неизвестным тот факт, что вследствие стремительного маневра крымских войск оборона столицы оказалась возложенной вовсе не на опричные, а на земские части во главе с руководителем земской Думы князем И. Д. Бельским. Более того, сожжению Москвы предшествовало ожесточенное сражение, в ходе которого тяжелые раны получил сам российский главнокомандующий: «князь Иван Дмитреевич Бельской выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ними делал, и приехав в град ранен

¹⁷ Наиболее аргументирована позиция В. А. Колобкова, относившего создание параллельных земских опричных органов власти — Думы и приказов — к 1567/68 г. (Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. М., 2004. С. 135–161).

¹⁸ Полемизируя с А. М. Сахаровым, В. Б. Кобрин признал «справедливым» его тезис, согласно которому «смысл опричнины заключался не в подрыве вотчины как таковой» (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 158). Утверждение же В. И. Корецкого о борьбе Ивана IV с вотчинной системой В. Б. Кобрин не только не принял, но и подверг жесткой аргументированной критике (Там же. С. 147–149).

и преставися».¹⁹ Опричные войска действительно несли большую часть ответственности за сожжение Москвы, но обвинять в бездействии земскую армию, по меньшей мере, удивительно. На этом «крымские» события книги не исчерпали себя. Описывая Молодинскую битву лета 1572 г., Л. В. Столярова сообщает о двукратном численном пре-восходстве крымской орды (с. 51); между тем, это распространенное в старой историографии заблуждение убедительно опровергнуто новейшими исследованиями.²⁰ Представления Л. В. Столяровой о системе международных отношений кануна Ливонской войны требуют серьезной корректировки. Подводя читателя к мысли о формировании в этот период единого восточноевропейского «антирусского фронта», историк пишет, что «в сентябре 1557 г. Ливония заключила военный союз с Литвой против России» (с. 76), при этом ее «постоянными союзниками» являлись «Польское королевство и Великое княжество Литовское» (с. 77). Столярова, вероятно, забыла, что упомянутые ею кабальные Позвольские соглашения 1557 г. (в том числе — секретное положение о союзе против России) были навязаны Ливонии в результате прямого военного давления со стороны ее «постоянного союзника» — польско-литовского короля Сигизмунда II.²¹

К вопросам освещения Л. В. Столяровой внешней политики примыкает блок замечаний географического свойства. Так, автор считает, что перед началом Ливонской войны Россия была «отрезана от Балтийского моря Польшей, Литвой и Ливонией» (с. 75). О том, что с первыми двумя из этих держав Россия попросту не имела общей границы в Прибалтике, исследовательница умолчала. Описание Л. В. Столяровой конфигурации «Тульской (Большой. — Н. Б.) засечной черты» отличается оригинальностью. Оказывается, она представляла собой «систему оборонительных сооружений по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова и оттуда на Тулу и Козельск»; кроме того, «впереди Тульской линии тянулась другая, которая шла от Рязани до Козельска» (с. 69–70). Предлагаем читателю самостоятельно построить предложенный Л. В. Столяровой маршрут и сравнить его с любой современной схемой Большой черты XVI в. — их совпадение окажется на удивление незначительным.²² Приведем еще два

¹⁹ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 237.

²⁰ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 179–181.

²¹ Филиушкин А. И. Закат северных крестоносцев: «Война коадъюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., 2015. С. 57–60.

²² См., например: Бурцев И. Г. Тульские засеки XVI–XVII вв.: историко-археологическое изучение // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 16–17; Бурцев И. Г., Дедук А. В. Одоевская засека (страница из истории обороны южных рубежей Русского государства в XVI–XVII вв.) // Тульский краеведческий альманах. Вып. 17. Тула, 2020. С. 7.

частных замечания. По словам Л. В. Столяровой, на следующий год после сожжения Москвы, летом 1572 г., крымский хан Девлет-Гирей «повторил набег, но на реке Лопасне был разбит князем М. И. Воротынским» (с. 83). Воротынский в тот год действительно разбил крымских татар, но в битве при Молодях, расположенных в 15 км севернее р. Лопасни. Мирный договор между Московским государством и Речью Посполитой 13 декабря 1581 г. был заключен все же не «в Яме Запольском» (с. 85), а в расположенной неподалеку от него деревне Киверова Гора.²³

Приводимые в книге краткие обзоры источников также содержат весьма досадные упущения и промахи. Неверно говорить о том, что «самые ранние списки посланий Курбского датируются второй четвертью XVII в.» (с. 24), поскольку еще в 1980-х годах Б. Н. Морозов выявил список первого княжеского послания в рукописном сборнике 1590-х годов.²⁴ Совсем уж непонятна другая фраза Л. В. Столяровой: «В середине XVI в. летописцами был подготовлен новый летописный свод, получивший название Никоновской летописи» (с. 89). Под Никоновской летописью в исторической литературе принято понимать митрополичий летописный свод второй половины 1520-х годов. В середине XVI в. два ее списка были дополнены по Воскресенской летописи и Летописцу начала царства, в результате чего сложились Патриарший список и список Оболенского.²⁵ Почему Столярова решила причислить к группе Никоновской летописи лишь две ее поздние редакции — остается неясным.

Помимо несомненных серьезных ошибок книга буквально наполнена многочисленными мелкими неточностями. Так, к примеру, на случайно взятой стр. 80 подобных недочетов насчитывается, по меньшей мере, три. Крымский хан Девлет-Гирей в 1564 г. не «присягнул на верность русскому царю», а заключил с ним союзный договор.²⁶ В том же 1564 г. Россия никак не могла «уступить Швеции Ревель, Перново (Пярну) и другие города Северной Эстонии», поскольку, во-первых, никогда ими не владела, во-вторых, эти населенные пункты и без того с 1561 г. находились под властью шведской короны; Иван IV не *уступил*, а всего-навсего *признал вхождение* бывших земель Ли-

²³ Лурье З. А., Смирнова С. С., Филиушкин А. И. К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2. С. 173–200.

²⁴ Морозов Б. Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 277–287.

²⁵ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

²⁶ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 138.

вонского ордена в состав Швеции.²⁷ Наконец, осенью 1564 г. во время обороны Рязани от крымских татар А. Д. и Ф. А. Басмановы еще не были опричниками, ведь введение опричнины произошло лишь несколько месяцев спустя.

Некоторые заключения Л. В. Столяровой не находят решительно никакого логического объяснения. Одно из них касается организации военной машины Московского государства: «В осуществлении своей власти царь, подобно великим князьям, опирался на крупных вотчинников — бояр, выставлявших в период военной опасности собственное войско» (с. 36). Разумеется, ни о каких крупных боярских воинских соединениях в XVI в. не может идти и речи: во время военных походов представители боярской знати в ранге государевых воевод командовали соединениями городовых служилых людей.

Седьмой очерк книги — «Десять мифов об Иване Грозном» — является наиболее оригинальной ее частью. В нем в значительной степени представлены собственные авторские наработки Л. В. Столяровой, связанные с семейной жизнью царя Ивана IV. Впрочем, и здесь, помимо достаточно интересных наблюдений, встречаются весьма неоднозначные. Сложно разделить абсолютную уверенность исследовательницы в ее трактовке причин смерти царевича Дмитрия Угличского. По мнению Л. В. Столяровой, смерть царевича наступила «не в результате ножевого ранения шеи, а от эпилептического статуса. Ранение шеи, — продолжает исследовательница, — не было фатальным, и к смерти царевича не привело. Жизненно важные сосуды задеты не были. <...> Царевича убила его болезнь» (с. 138). Говоря о неповрежденности «жизненно важных сосудов» на шее Дмитрия, Столярова представляет свою точку зрения как единственно верную и безусловно доказанную («ясно, что гибель царевича произошла не в результате ... ранения»), что едва ли допустимо в рамках учебного пособия, каковым позиционирует себя рецензируемое издание.

Выше по тексту Л. В. Столярова, пытаясь доказать наследственный характер патологий царевича Дмитрия Ивановича, щедро раздает медицинские диагнозы членам царской семьи. «Медицинская» тема вообще педалируется автором с особенной настойчивостью. Самого Ивана IV, оказывается, еще с самого детства отличали «патологические черты характера», «малолетний государьрос исключительно злобным», а с возрастом «созерцание казней и пыток ... стало доставлять Ивану IV истинное садистическое наслаждение» (с. 31). Его родной младший брат Юрий Васильевич, по утверждению автора, появился

²⁷ Волков В. А. Были и небыли Ливонской войны 1558–1583 годов. М., 2020. С. 83, 148.

на свет «глухонемым» (с. 29); какой источник сообщает о *глухоте* Юрия Васильевича (помимо популярной книги В. Б. Кобриня, откуда Столярова дословно позаимствовала эту цитату²⁸) — остается тайной за семью печатями. О наследнике Грозного, царевиче Иване Ивановиче, говорится, что во время опричных казней лета 1570 г. он не просто участвовал в действе, но и «соперничал в изощренности и жестокости с профессиональными палачами» (с. 129). Однако из документов мы можем лишь заключить, что царевич, *вероятно, принимал какое-то участие* в кровавой акции — не более того.²⁹ «Слабоумие» царя Федора Ивановича Л. В. Столярова, как уже говорилось, считает совершенно доказанным (с. 59, 61, 114, 153). Правда, в очернении царя Федора она пошла еще дальше, заявив следующее: «дикие забавы и кровавые потехи занимали ... воображение слабоумного <...>; он упивался кровавым зрелищем кулачного и медвежьего боя» (с. 129).³⁰ Основанием для подобного утверждения стала всего-навсего безобидная фраза английского дипломата Дж. Флетчера о любви Федора к медвежьим «потехам» — традиционной русской забаве, в чем-то сходной с испанской корридой. Абсурдность подобных обвинений уже была отмечена в специальной работе Д. М. Володихина.³¹ Кроме того, возникает вопрос об элементарной целесообразности помещения в учебном пособии подобных резких (и зачастую *de facto* не находящих подтверждения в источниках) эмоциональных оценок психического здоровья последних двух поколений династии Рюриковичей.

Наиболее противоречивые чувства по прочтении седьмого очерка оставляет «миф номер семь», гласящий: «Иван Грозный был многоженцем, потому что был развратником». Логика автора здесь совершает исключительно причудливые зигзаги. Отметив, что ряд жен грозного царя умерли своей смертью, Столярова заключает: «сама судьба превращала царя в многоженца». Развивая данную мысль, исследовательница сообщает, что Иван IV, «будучи глубоко религиозным человеком, тяготел именно к церковному браку и упорно добивался у церкви разрешения на каждое свое очередное венчание». Вывод из этих двух заключений поистине глубок: «Иными словами, Иван Грозный стал многоженцем не только из-за своей развратности, но и

²⁸ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 19.

²⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 402.

³⁰ Данная фраза опять-таки практически дословно взята Л. В. Столяровой из работы Р. Г. Скрынникова (Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 21); к свидетельству источника исследовательница, судя по всему, не обратилась — в противном случае сложно объяснить, откуда в ее тексте взялся отсутствующий в источнике пассаж о «кровавом зрелище кулачного боя».

³¹ Володихин Д. М. Царь Федор Иванович. С. 34–35.

из-за своей религиозности» (с. 152). Итак, царь Иван не был развратником (это — миф!), его развратность носила истинно религиозные черты. Однако самое интересное, что в другой части книги Л. В. Столярова, комментируя сватовство царя к Екатерине Шведской, сама заявила в адрес Ивана IV: «безусловно, он был развратным и глубоко безнравственным человеком» (с. 81). Так все-таки: был или не был?..

Перечень ошибок и несоответствий рецензируемой книги можно было бы продолжить. Правда, едва ли в этом есть какой-то смысл. Изложенного выше вполне достаточно, чтобы убедиться в невысоком качестве данной печатной продукции.

Дотошный читатель вправе задать резонный вопрос, обращенный к автору этих строк: необходимо ли было появление настоящей рецензии (тем более, что книга вышла небольшим тиражом в далеко не самом престижном столичном издательстве)? Полагаем, на него все же следует ответить утвердительно. Как уже неоднократно было сказано выше, в основу книги лег текст большой учебно-методической статьи Л. В. Столяровой, вышедшей в специальном выпуске журнала «История». Будучи опубликованной в известном высокорейтинговом периодическом издании,³² эта статья пользуется исключительно большой популярностью: только на официальном сайте журнала она, по состоянию на 6 августа 2021 г., насчитывает более восьми тысяч пользовательских просмотров. Электронную издательскую версию (а значит — неограниченное число экземпляров-оттисков) имеет и рецензируемая книга. Кроме того, изданию присвоен статус учебного пособия, а следовательно, прикрывшись помещенным на титуле внушающим доверие грифом ИВИ РАН, оно вполне может быть использовано в образовательном процессе. Наконец, нельзя оставить в стороне и этический контекст появления рецензируемой книги. Мы берем на себя смелость предположить, что один из авторов пособия, С. М. Каштанов, по меньшей мере, не был знаком с его итоговым вариантом. Равно как достоверно не знал о существовании издания вплоть до его выхода из печати один из указанных в титуле рецензентов. Публикация же данной книги с одобрения Ученого совета ИВИ РАН (а также предшествовавший ей выход львиной доли этого текста в курируемом Институтом рецензируемом журнале «История») способна бросить тень на издательскую деятельность этого уважаемого научного учреждения или же на действия отдельных его сотрудников.

³² Сетевой научно-образовательный журнал «История» является печатным органом ГАУГН и ИВИ РАН, входит в перечень ВАК и индексируется в международных базах данных Web of Science, Scopus, Google Scholar, ERIH PLUS и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук
- АЕ — Археографический ежегодник
- АН — Академия наук
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- ВАК — Высшая аттестационная комиссия
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГАУГН — Государственный академический университет гуманитарных наук
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ИВИ — Институт всеобщей истории
- ИСССР — История СССР
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
- НКП — Народный комиссариат просвещения
- ОР — Отдел рукописей
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАН — Российская Академия наук
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СНК — Совет народных комиссаров
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мошкова Л. В.</i> Документы 1504 года из Древлехранилища: смена парадигмы	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> Какой атаман — Ермак или Никита Пан — был предводителем казачьего похода 1583 г. на остяцкие «городки и улусы»?	27
<i>Митрофанов В. В.</i> Письма А. И. Маркевича С. Ф. Платонову: 1928–1929 . . .	41
<i>Белов Н. В.</i> Новая книга о царе Иване Грозном (рец.: Каштанов С. М., Столярова Л. В. Иван Грозный и его время: учебное пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. — 216 с.)	104
Список сокращений	118

Научное издание

**ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»**

Вып. 38

Редактор

С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 28.05.2022

ИП Новикова О. Л.

ОГРНИП 319784700175460

194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: aarheo@mail.ru

